

ISSN 1562- 2495 (print)
ISSN 1684-1581 (online)

Социологический журнал

2024

Том 30

3

Федеральный научно-исследовательский
социологический центр Российской академии наук

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
SOTSIOLOGICHESKIY ZHURNAL; SOCIOLOGICAL JOURNAL

2024 Том 30 № 3

Основан в 1994 году Г.С. Батыгиным

Выходит четыре раза в год

Москва

Журнал издается при поддержке

Научно-исследовательского центра «Демоскоп»

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

П.М. Козырева
главный редактор,
доктор социологических наук

Институт социологии ФНИСЦ РАН;
Национальный исследовательский
университет «Высшая школа экономики»

Л.А. Козлова
зам. главного редактора,
кандидат философских наук, доцент

Институт социологии ФНИСЦ РАН

Донна Бари, доктор философии, профессор,
Университет штата Пенсильвания, США

Т.Ю. Богомолова, кандидат социол. наук, Новосибирский государственный
университет, ЭОП СО РАН, Россия

Франк Вельц, профессор, Университет Инсбрука, Австрия

М.К. Горшков, доктор филос. наук, академик РАН, Федеральный
научно-исследовательский социологический центр РАН;
Институт социологии ФНИСЦ РАН, Россия

Б.З. Докторов, доктор филос. наук, профессор, независимый исследователь,
США

Томаш Зарицкий, профессор, Институт социальных наук,
Университет Варшавы, Польша

Д.Л. Константиновский, доктор социол. наук,
Институт социологии ФНИСЦ РАН, Россия

Томаш Костелецкий, профессор, директор Института социологии
Академии наук Чешской Республики, Чехия

А.Ю. Мягков, доктор социол. наук, профессор,
Ивановский государственный энергетический университет,
Россия

О.А. Оберемко, кандидат социол. наук, доцент, Всероссийский центр
изучения общественного мнения (ВЦИОМ), Россия

А.А. Ослон, кандидат техн. наук, Фонд «Общественное мнение» (ФОМ),
Россия

Эдвард Свидерски, почетный профессор, Университет Фрибурга,
Швейцария

В.В. Федоров, кандидат полит. наук, Всероссийский центр
изучения общественного мнения (ВЦИОМ), Россия

М.Ф. Черныш, доктор социол. наук, член-корр. РАН, Федеральный
научно-исследовательский социологический центр РАН,
Россия

EDITORIAL BOARD

P.M. Kozyreva
Editor in Chief,
Doctor of Sociological Sciences

Institute of Sociology of FCTAS RAS;
NRU "Higher School of Economics",
Russian Federation

L.A. Kozlova
Deputy Editor in Chief,
Candidate of Philosophical Sciences,
Associate Professor

Institute of Sociology of FCTAS RAS,
Russian Federation

Donna Bahry, Doctor of Philosophy, Professor, Pennsylvania State University,
USA

Tatiana Yu. Bogomolova, Candidate of Sociological Sciences,
Novosibirsk State University; Institute of Economics and
Industrial Engineering of the Siberian Branch of the RAS,
Russian Federation

Frank Welz, Professor, University of Innsbruck, Austria

Mikhail K. Gorshkov, Academician of the Russian Academy of Sciences,
Federal Center of Theoretical and Applied Sociology
of the Russian Academy of Sciences;
Institute of Sociology of FCTAS RAS, Russian Federation

Boris Z. Doctorov, Doctor of Philosophical Sciences, Professor,
Independent Researcher, USA

Tomasz Zarycki, Director & Professor, Institute for Social Studies (ISS),
University of Warsaw (UW), Poland

David L. Konstantinovskiy, Doctor of Sociological Sciences,
Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical
and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences,
Russian Federation

Tomáš Kostecký, RNDr., Professor, Director, Institute of Sociology,
Czech Academy of Sciences, Czech Republic

Alexander Yu. Miagkov, Doctor of Sociological Sciences, Professor,
Ivanovo State Power Engineering University, Russian Federation

Oleg A. Oberemko, Candidate of Sociological Sciences,
Russian Public Opinion Research Center (VCIOM),
Russian Federation

Alexander A. Oslon, Candidate of Engineering Sciences,
Foundation "Public Opinion" (FOM), Russian Federation

Edward M. Swiderski, Professor em., Dr., University of Fribourg, Switzerland

Valery V. Fedorov, Candidate of Political Sciences,
Russian Public Opinion Research Center (VCIOM),
Russian Federation

Mikhail F. Chernysh, Corresponding Member of RAS,
Doctor of Sociological Sciences,
Federal Center of Theoretical and Applied Sociology
of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation

К сведению авторов и читателей

«Социологический журнал» публикует статьи по теории, методологии и истории социологии, учебно-методические материалы для преподавателей социологии, результаты эмпирических исследований и экспериментов, библиографические обзоры и рецензии, а также информацию о научных конференциях в России и за рубежом.

Передавая в редакцию рукопись, автор обязуется не публиковать ее ни полностью, ни частично ни в каком ином издании без согласия редакции.

Плата за публикации с авторов не взимается, гонорары не выплачиваются.

Редакция принимает материалы объемом до 40 тыс. знаков (1,0 п. л.) в электронной версии формата Word for Windows. Комплект статьи включает следующие сведения на русском и английском языках: заглавие статьи, аннотация (200–250 слов) и ключевые слова; справка об авторе (авторах), в которой указываются фамилия, имя и отчество, точное официальное наименование места работы, ученая степень, ученое звание, служебный адрес, номера телефона и факса, адрес электронной почты. Автор обязан указать источники всех приводимых в статье цитат, цифр и иной информации. Аббревиатуры поясняются.

Присланные в редакцию материалы в обязательном порядке рецензируются внешними экспертами. Иницилируемые автором рекомендации и отзывы принимаются к сведению.

Решения редколлегии по итогам рецензирования могут быть следующими: 1) принять материал к публикации; 2) принять с доработкой (конкретные замечания по доработке доводятся до сведения авторов); 3) отклонить рукопись (автору по электронной почте направляется мотивированный отказ).

Ссылки на источники оформляются в виде затекстового библиографического списка ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES и нумеруются в алфавитном порядке; первыми указываются русскоязычные источники. В самом тексте указываются номера источников в квадратных скобках: [21, с. 37]. Библиографические описания изданий оформляются в соответствии с государственным стандартом.

Примеры библиографического описания (подробнее см. на сайте СЖ):

[Статьи в книгах/журналах]

1. *Николаев В.Г.* «Золотой век» Чикагской социологии // Чикагская школа социологии: сборник переводов / Сост. и пер. В.Г. Николаев. М.: ИНИОН РАН, 2015. С. 5–17. Nikolaev V.G. “Golden Age” of Chicago Sociology. *Chikagskaya shkola sotsiologii: Sbornik perevodov*. [Chicago School of Sociology: Collection of Translations.] Comp. and transl. by V.G. Nikolaev. Moscow: ISSS publ., 2015. P. 5–17 (In Russ.)
2. *Андреев А.Л., Андреев И.А., Слободенюк Е.Д.* Представления россиян о будущем России // Социологические исследования. 2022. № 10. С. 49–61. DOI 10.31857/S013216250020368-7
Andreyev A.L., Andreev I.A., Slobodenyuk E.D. Russians’ Ideas about the Future of Russia. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2022. No. 10. P. 49–61. DOI 10.31857/S013216250020368-7 (In Russ.)

[Книги]

3. *Стребков Д.О., Шевчук А.В.* Что мы знаем о фрилансерах? Социология свободной занятости. М.: Изд. дом ВШЭ, 2022. — 528 с. DOI: 10.17323/978-5-7598-2722-1
Strebkov D.O., Shevchuk A.V. *Chto my znaem o frilanserakh? Sotsiologiya svobodnoi zanyatosti*. [What do we know about freelancers? Sociology of free employment.] Moscow: Izd. dom VShE publ., 2022. 528 p. DOI: 10.17323/978-5-7598-2722-1 (In Russ.)

[Иноязычные источники]

4. Bröckling U. *The Entrepreneurial Self: Fabricating a New Type of Subject*. L.: SAGE Publications Ltd, 2016. 256 p. DOI: 10.4135/9781473921283
5. Vallas S., Schor J.B. What Do Platforms Do? Understanding the Gig Economy. *Annual Review of Sociology* 2020. Vol. 46. No. 1. P. 273–294. DOI: 10.1146/annurev-soc-121919-054857

Подписной индекс в Объединенном каталоге «Пресса России» – 86306.

Адрес интернет-магазина «Пресса по подписке» – <http://www.akc.ru/>

Адрес редакции: 117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5, комн. 419.

Телефон: +7 (499) 120-82-57. **Факс:** +7 (495) 719-07-40.

Электронная почта: LarissaKozlova@yandex.ru

© Редакция «Социологического журнала», 2024

СОДЕРЖАНИЕ

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

2024. ТОМ 30. № 3

DOI: 10.19181/SOCJOUR.2024.30.3

EDN: ZLQABF

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ

Р.Г. Браславский

8–30 Три волны цивилизационного анализа в социологии

В.Б. Звоновский, А.В. Ходыкин, А.В. Раскевич

31–60 Причины досрочного прекращения интервью по инициативе респондента в массовых всероссийских опросах на тему российско-украинского конфликта

С.В. Старцев

61–75 Анализ установок исследователя в процессе изучения сенситивных тем: опыт интервьюирования участников военных конфликтов

СОЦИОЛОГИЯ ОБРАЗОВАНИЯ

А.В. Филькина, Д.С. Клевцов

76–97 Оценка эффективности мероприятий по вовлечению школьников в науку (STEM) в контексте концепции вовлеченности и мотивационных теорий: обзор исследовательских стратегий

СОЦИОЛОГИЯ ТРУДА

Д.М. Rogozin, О.В. Солодовникова

98–123 Удовлетворенность трудом преподавателей организаций высшего образования: от ретроспективного анализа подходов к современным концептуализациям

СОЦИОЛОГИЯ СЕМЬИ

В.М. Пешкова

- 124–144 Смешанные браки: факторы, характеристики
и влияние на семью и общество
(обзор зарубежных исследований)

СОЦИОЛОГИ О СОЦИОЛОГАХ

*К 90-летию со дня рождения А.Н. Алексеева
(1934–2017)*

Л.А. Козлова

- 145–164 Личностное знание А.Н. Алексеева
о социологии и обществе в авторефлексии автора

ОБЗОРЫ, РЕЦЕНЗИИ, РЕФЕРАТЫ

Н.А. Головин

- 165–181 Перепрочтение социологии Питирима Сорокина:
к выходу в свет тринадцати томов
из собрания его сочинений

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Е.Е. Тарандо, Р.В. Карапетян, Т.Б. Малинина

- 182–191 Секция факультета социологии СПбГУ
в рамках VIII Санкт-Петербургского международного
форума труда (20–22 февраля 2024 г.).
К 300-летию основания Санкт-Петербургского
государственного университета

CONTENTS

**SOTSIOLOGICHESKIY ZHURNAL =
SOCIOLOGICAL JOURNAL**
2024. VOL. 30. No. 3
DOI: 10.19181/SOCJOUR.2024.30.3

THEORY AND METHODOLOGY

- Braslavskiy, R.G.*
8–30 Three Waves of Civilizational Analysis in Sociology
- Zvonovsky, V.B., Khodykin, A.V., Raskevich, A.V.*
31–60 Reasons for Prematurely Terminating an Interview
by Respondents in National Polls
Regarding the Russian-Ukrainian Conflict
- Startsev, S.V.*
61–75 Analysis of the Researcher's Attitudes in the Process
of Studying Sensitive Topics: the Experience
of Interviewing Participants of Military Conflicts

SOCIOLOGY OF EDUCATION

- Filkina, A.V., Klevtsov, D.S.*
76–97 Evaluating the Effectiveness of Engaging
School Children in Science (STEM) in the Context
of Engagement and Motivational Theories:
A Review of Research Strategies

SOCIOLOGY OF LABOR

- Rogozin, D.M., Solodovnikova, O.B.*
98–123 Job Satisfaction of the Teaching Staff
in Russian Universities: From a Retrospective Analysis
of Approaches to Modern Conceptualization

SOCIOLOGY OF FAMILY

Peshkova, V.M.

- 124–144 Intermarriages: Factors, Characteristics and their Impact on Family and Society (Foreign Research Review)

SOCIOLOGISTS ABOUT SOCIOLOGISTS

*ON THE 90TH ANNIVERSARY OF A.N. ALEKSEEV'S BIRTH
(1934–2017)*

Kozlova, L.A.

- 145–164 A.N. Alekseev's Personal Knowledge of Sociology and Society as Described in the Author's Self-Reflection

REVIEWS, SUMMARIES

Golovin, A.N.

- 165–181 A Re-reading of Pitirim Sorokin's Sociology: To Commemorate The Publication of Thirteen Volumes of his Collected Works

ACADEMIC LIFE

Tarando, E.E., Karapetyan, R.V., Malinina, T.V.

- 182–191 Faculty of Sociology Science Session at the St Petersburg State University as part of the VIII St Petersburg International Labor Forum (February 20–22, 2024). Commemorating the 300th Anniversary of the Founding of St Petersburg State University

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ

DOI: 10.19181/socjour.2024.30.3.1

EDN: AGUOSZ

Р.Г. БРАСЛАВСКИЙ¹

¹ Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН.
190005, Санкт-Петербург, ул. 7-я Красноармейская, д. 25/14.

ТРИ ВОЛНЫ ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО АНАЛИЗА В СОЦИОЛОГИИ

Аннотация. Дается аналитическая реконструкция формирования и эволюции цивилизационного подхода в контексте интеллектуальной и институциональной истории социологии. Выделяются три волны цивилизационного анализа, совпадающие с тремя стадиями дисциплинарного развития социологии: додисциплинарной, дисциплинарной и постдисциплинарной. Первая волна включает формирование в середине XVIII в. унитарно-линейной концепции цивилизации, ее рецепцию в ранней социологии и окончательную маргинализацию в конце XIX в. с вступлением социологии в классический период. Начало второй волны приходится на первые два десятилетия XX в., отмеченных разработкой плюралистической теории и сравнительной истории цивилизаций в творчестве М. Вебера и Э. Дюркгейма с М. Моссом. Она продолжается в межвоенный период, когда при общем упадке интереса социологии к макроисторическим темам создают свои теории цивилизационной динамики Н. Элиас и П.А. Сорокин, и завершается критической рецепцией метаисторической теории локальных цивилизаций в послевоенные два с половиной десятилетия. Третьей волне, продолжающейся в настоящее время, дает импульс цивилизационный поворот в середине 1970-х гг., инициированный Б. Нельсоном и Ш. Эйзенштадтом на фоне распада послевоенного «ортодоксального консенсуса» в социологии. Она сочетает тенденцию на укоренение цивилизационного анализа в социологической традиции со стремлениями к обновлению и консолидации его исследовательской программы, представленной четырьмя основными моделями: процессной, конфигурационной, интеракционной и реляционной. Й. Арнасон осуществил наиболее масштабный проект теоретической интеграции в поле цивилизационного анализа на основе концепции обоюдного конституирования культуры и власти.

Ключевые слова: цивилизационный анализ; история социальных наук; социологическая теория; дисциплинарное развитие социологии; цивилизация; модерность.

Для цитирования: Браславский Р.Г. Три волны цивилизационного анализа в социологии // Социологический журнал. 2024. Том 30. № 3. С. 8–30. DOI: 10.19181/socjour.2024.30.3.1 EDN: AGUOSZ

Социологическая традиция цивилизационного анализа: концептуальные и хронологические рамки

В начале 2000-х гг. среди социологов закрепился термин «цивилизационный анализ» для обозначения широкой мультидисциплинарной конфигурации теоретических перспектив и сравнительно-исторических исследований, идентифицируемых с понятием цивилизации [23; 25; 28]. Для современного состояния этой исследовательской области характерно преобладающее использование плюралистического подхода, который считается наилучшим, если не единственно возможным способом отстоять цивилизационный анализ как особую и предпочтительную парадигму в социоисторических науках [26, р. 390]. При этом сторонники социологической версии цивилизационного плюрализма резко отделяют себя от более известной «метаисторической» традиции цивилизационного анализа, заложенной Н.Я. Данилевским, О. Шпенглером, А. Тойнби, затем разрабатывавшейся главным образом историками, антропологами, культурологами (А. Кребер, Р. Кулборн, К. Куигли, Ф. Бэгби, О. Андерле и др.) и популяризованной на исходе XX в. С. Хантингтоном.

Реконструкции становления цивилизационного анализа в социологии возводят его истоки к началу XX в., когда М. Вебером и Э. Дюркгеймом с М. Моссом были даны первые образцы концептуализации и сравнительного изучения множественных цивилизаций [20; 27; 53]. Предшествующие полтора столетия, прошедшие под знаком унитарной концепции цивилизации, рассматриваются скорее как предыстория, чем как неотъемлемая часть социологической традиции цивилизационного анализа. В то же время можно привести методологические и теоретические доводы в пользу того, чтобы полноценно включить подходы, использующие понятие цивилизации в единственном числе, в историографию цивилизационного анализа. Герменевтический способ теоретизирования предполагает, что аргументация для адекватного понимания должна утверждаться в контексте соперничающих интерпретаций, укорененных в определенной традиции. Расширение концептуальных и хронологических рамок социологической традиции цивилизационного анализа тем более оправдано, что вопрос о соотношении между цивилизацией в единственном числе и цивилизациями во множественном числе остается на повестке дня. В конечном счете, по замечанию Й. Арнасона, из различия и возможности противопоставления друг другу унитарного и плюралистического значений понятия цивилизации не следует, что они заведомо являются взаимоисключающими [27, р. 1].

Несмотря на внушительный ряд выдающихся ученых, внесших вклад в формирование цивилизационного подхода, он «все еще оста-

ется довольно-таки маргинальным в социологических и исторических дебатах» [3, с. 8]. Однако маргинальность — лишь одна сторона состояния цивилизационного анализа в социальных науках, другая сторона — неустранимое присутствие и периодическая актуализация понятия цивилизации в академическом дискурсе. Вот эта двойственность — исключения и включения, вытеснения и возвращения, маргинализации и актуализации — и характеризует действительное положение цивилизационного анализа. Оно неслучайно, обусловлено структурными особенностями институционализации социальных наук в качестве научных дисциплин. В условиях типичного для академического мира эпохи модерности институционального «режима дисциплин» [42, р. 25] цивилизационный анализ в социальных науках имеет статус альтернативной (гетеродоксальной) исследовательской программы.

Целью настоящей статьи является аналитическая реконструкция формирования и эволюции исследовательской программы цивилизационного анализа в контексте дисциплинарного развития социологии.

Выделяются три волны цивилизационного анализа в социологии, соотносимые с додисциплинарной, дисциплинарной и постдисциплинарной стадиями ее развития [41, р. 3–4; 31, р. 4610–4611]. Данные стадии могут быть охарактеризованы в выделенных Р. Уитли интеллектуальном и социальном аспектах институционализации науки [13, с. 221]. Отталкиваясь от предложенной Й. Гудсбломом и Й. Хайлброном периодизации истории социологии [39, р. 14574], хронологические рамки и содержание стадий ее дисциплинарного развития можно определить следующим образом:

а) додисциплинарная стадия (1730–1890 гг.), включающая две фазы: раннедодисциплинарную — интеллектуального конституирования и внеакадемической коммуникации (1730–1830 гг.) и позднедодисциплинарную — интеллектуального проектирования и внеакадемической самоорганизации (1830–1890 гг.);

б) дисциплинарная стадия (1890–1970 гг.), включающая две фазы: раннедисциплинарную — интеллектуального обособления и академической инкорпорации (1890–1930 гг.) и позднедисциплинарную — интеллектуальной консолидации и академического роста (1930–1970 гг.);

в) постдисциплинарная стадия (1970 г. — настоящее время) — интеллектуальной плюрализации и академической реорганизации.

Формальным критерием определения нижней границы додисциплинарной стадии принимается ретроспективно фиксируемое появление одного из структурных компонентов научной дисциплины. Последняя представляет собой «базовую единицу внутренней дифференциации современной системы науки» [50, р. 4], которая характеризуется триединством преподавания, исследования и профессиональной организации [42, р. 30]. Додисциплинарную стадию истории социологии Й. Хайлброн отсчитывает с 1730 г., когда начался подъем секулярной социальной теории во Франции [41, р. 7]. В течение раннедодисциплинарной фазы западноевро-

пейскими интеллектуалами были выработаны фундаментальные категории, послужившие широкими рамками для последующего формирования концептуальных структур социальных наук, в том числе социологии [41, р. 3; 55, р. 3723]. На позднедодисциплинарной фазе происходят тематизация и концептуализация определенной области реальности, а также интеллектуально проектируется и получает наименование относительно автономная наука, предлагаемая для ее изучения.

Наступление дисциплинарной стадии определяется наличием и соединением всех компонентов, образующих научную дисциплину, при этом степень развитости каждого из компонентов и их взаимной когерентности может варьироваться, что дает основание для проведения различия между ранне- и позднедодисциплинарной фазами. Полноценной автономии в академической среде и внутренней консолидации социология, а равно и другие социальные науки достигают только в середине XX в. Однако уже в конце предыдущего столетия социология обретает все основные черты академической науки: она становится университетской дисциплиной с относительно самостоятельной программой исследования и преподавания и создает свои профессиональные ассоциации. На постдисциплинарной стадии когнитивная легитимность дисциплинарной дифференциации социальных наук все более ставится под сомнение, распространение получают междисциплинарные, мультидисциплинарные или трансдисциплинарные исследовательские стратегии и подходы [41, р. 4], притом организационная структура научных дисциплин остается весьма устойчивой, хотя происходят инновационные изменения [19, р. 219].

Фазам дисциплинарного развития социологии соответствуют пять периодов ее интеллектуальной истории, различающихся преобладающими формами социологического анализа и диагноза современности. Для каждого из выделенных периодов могут быть определены основная концепция цивилизации и доминирующая тенденция, характеризующая положение цивилизационного анализа в социологии. Коррелирующие между собой периодизации интеллектуальной и институциональной истории социологии и трансмутации понятия цивилизации приведены в Приложении. На них накладывается динамическая модель трех волн цивилизационного анализа в социологии. В отличие от получившей распространение концепции поколений цивилизационного анализа [40; 52], понятие волн подразумевает наличие фаз подъема и спада, а также снимает жесткость хронологических рамок приведенных выше схем периодизации. Волны частично перекрывают друг друга: фаза подъема одной волны, как правило, накладывается на фазу спада предыдущей волны. Первая волна включает формирование во второй половине XVIII в. унитарной концепции цивилизации, ее рецепцию в ранней социологии и окончательную маргинализацию в конце XIX в. с вступлением социологии в классический период. Начало второй волны приходится на первые два

десятилетия XX в., отмеченных разработкой теории и сравнительной истории цивилизаций в творчестве Э. Дюркгейма и М. Вебера. Она продолжается в межвоенный период, когда при общем упадке интереса социологии к макроисторическим темам создают свои теории цивилизационной динамики Н. Элиас и П.А. Сорокин, и завершается критической рецепцией метаисторической теории локальных цивилизаций в послевоенные два с половиной десятилетия. Третьей волне, продолжающейся в настоящее время, дает импульс цивилизационный поворот в середине 1970-х гг. Рассмотрим каждую волну подробнее.

Первая волна: подъем и упадок унитарной концепции цивилизации

Хронологически первой программой цивилизационного анализа стала теория прогресса, созданная во второй половине XVIII в. в кругу французских физиократов и шотландских политэкономов (А. Тюрго, Ж. Кондорсе, А. Фергюсон, Дж. Миллар, А. Смит). Проект всеобщей истории цивилизации, восходящий к сорбоннской речи Тюрго в 1750 г., сменил получивший распространение в первой половине XVIII в. тип сравнительной истории народов и империй, выдающимися примерами которого служат произведения Ш.Л. Монтескье «Размышления о причинах величия и падения римлян» (1734) и «О духе законов» (1748). Просвещенческая концепция прогресса цивилизации основывалась на двух главных постулатах: 1) на признании культуры (философии, науки, искусства, техники) и экономики (торговли и промышленности) ведущими сферами «разумной» человеческой деятельности (в отличие от религии и политики); 2) на открытии «нового» и вместе с тем подлинно реального субстрата мировой истории — человеческого рода (по сравнению с отдельными народами и государствами, развитие которых имеет циклический или флуктуирующий характер).

Главными восприимчивыми просвещенческой унитарно-прогрессивской концепции цивилизации в начале второй четверти XIX в. во Франции стали Ф. Гизо и О. Конт. С именем первого связано формирование «истории цивилизации» как программы всеобщего синтеза в исторической науке [9, с. 227]. Второй обосновал проект самостоятельной универсальной социальной науки — социологии, которая была определена им как «наука о цивилизации». Концепция цивилизации разрабатывалась ими в рамках двух неразличимых на рубеже XVIII–XIX вв., но разошедшихся и вступивших с начала 1830-х гг. во все более конкурентные отношения между собой дискурсов: дискурса *моральных и политических наук* (в случае Гизо) и дискурса *социальных наук* (в случае Конта). До 1870-х гг. доминировал в рамках додисциплинарной академической среды дискурс моральных и политических наук, затем он уступил место дискурсу социальных наук, который до конца XIX в. развивался вне академических институций.

Центром морально-политических исследований во Франции стала созданная в 1832 г. Академия моральных и политических наук

[43, р. 145—146]. Ключевыми фигурами Академии на первом этапе ее существования (до падения Июльской монархии в 1848 г.) были историк Ф. Гизо и философ В. Кузен, оба занимавшие к тому же кафедры в Сорбонне и министерские посты. Как и Гизо, философы и историки школы Кузена (Ш. Ренувье, Т.С. Жуффруа, Ж. Мишле, Э. Кине), находившиеся под влиянием немецкой философии (И.Г. Гердера, Ф.В.Й. Шеллинга, Г.В.Ф. Гегеля, И. Канта), еще в конце 1820-х гг. стали регулярно употреблять в своих работах термин «цивилизация» во множественном числе и на протяжении последующих двух десятилетий создали ряд концепций, подводивших к созданию теории локальных цивилизаций [10, с. 186—194]. Но никто из них так и не отказался от преобладающего универсалистского представления о цивилизации человеческого рода, вариациями и элементами которой выступали цивилизации отдельных народов и их «семейств».

Идеи Ф. Гизо, В. Кузена, Э. Кине оказали непосредственное влияние на плюралистическую теорию цивилизации, созданную в конце 1870-х гг. историком и правоведом, заведующим кафедрой государственного права в Варшавском университете, а затем профессором и заведующим кафедрой энциклопедии права Киевского университета Н.И. Хлебниковым (1840—1880). Он независимо от Н.Я. Данилевского и с иных теоретико-методологических позиций со всей определенностью противопоставил принцип множественности цивилизаций представлению о реальном единстве общечеловеческой цивилизации. «Понятие мировой цивилизации, — отмечал Хлебников, — есть общее имя, данное цивилизациям разных народов», «отвлечение, не имеющее предмета» [15, с. 210, 211]. Хлебников, как и Данилевский, был убежденным антиэволюционистом, но, в отличие от последнего, отвергал любые формы натуралистического редукционизма, в том числе организменную аналогию, ставшую источником определяющих для метаисторической традиции цивилизационного анализа принципов холизма и циклизма.

Хлебников разрабатывал цивилизационную теорию с позиций религиозно-философской антропологии и государственно-правовой науки в прямом противопоставлении социологии, видевшейся ему «системой» реалистических (материалистических и позитивистских) учений об обществе [14, с. 100]. Его принципиальное несогласие с проектом социологии как автономной социальной науки выражалось в том, что он отказывался признавать понятие «общество» фундаментальной и всеобъемлющей категорией анализа явлений политической и духовной жизни человека; такой категорией, как он полагал, может быть только «цивилизация». Тем самым предложенная им теоретическая программа имела характер науки о цивилизации, альтернативной по отношению к социологии науки.

Плюралистическая цивилизационная теория Хлебникова основывалась на представлении о творческой свободе человека, в котором он видел прежде всего духовное культуросозидающее существо, а не соци-

альное животное. В основе каждой цивилизации лежат определенным образом истолкованные религиозно-нравственные «руководящие» (или регулятивные в кантианском значении) идеи человеческого разума — бога, долга, добра, справедливости, права (наряду с нравственными существуют также логические и эстетические регулятивные идеи). «Руководящие» идеи — это предельные вопросы, которые не имеют окончательных ответов; они задают самые общие направления духовного поиска человека, не предопределяя его результатов, вплоть до отрицания самих этих идей. Цивилизации различаются своими преобладающими ориентациями на те или иные регулятивные идеи; разной степенью дифференцированности нравственных идей от своей религиозной основы и друг от друга; особыми интерпретациями регулятивных идей, находящими выражение в религиозных и философских учениях, которые затем транслируются в системы норм морали и права. «Каждая цивилизация есть стремление дать верное содержание регулятивам и... осуществить их в действительности, построить на них государственный и общественный порядок» [14, с. 59–60]. Хлебников выделил три основных идеальных типа цивилизации, каждый из которых находится в определенном отношении к объективным духовно-нравственным основаниям цивилизации вообще и в силу этого характеризуется особой направленностью своей динамики: чувственный тип является регрессивным; религиозно-идеалистический — прогрессивным; утилитарно-реалистический — стагнирующим. Существуют цивилизации смешанного типа, а также возможна смена типов в развитии одной цивилизации [17, с. 240–242, 258–259, 273–274].

В 1897 г. Н.И. Кареев включил две публикации Хлебникова по цивилизационной тематике [15; 16] в первую в России библиографию по социологии [11, с. 417], тем самым причислив их к интеллектуальной традиции этой науки. Правда, никакого обсуждения цивилизационных идей Хлебникова в трудах Кареева не обнаруживается. В отличие от теории культурно-исторических типов Данилевского, которая имела в России своих — пусть и немногочисленных — сторонников среди историков и философов, вокруг теории цивилизаций Хлебникова образовался вакуум молчания. Историографическую загадку российской социологии составляет поразительная перекличка типологий цивилизаций Хлебникова и культурных суперсистем П.А. Сорокина. Последний не ссыался на работы своего предшественника, хотя знакомство с ними, учитывая его широкую эрудицию, не исключено. Но более важным сегодня выглядит созвучие цивилизационной теории Хлебникова социологической версии современного цивилизационного анализа в основывающемся на идее человеческой креативности неинтегративистском и недетерминистском понимании культурных оснований цивилизаций как проблематик, подверженных множественным интерпретациям. Благодаря этим концептуальным пересече-

ниям теория цивилизаций Хлебникова оказывается в высшей степени релевантна социологической традиции цивилизационного анализа.

В ранней социологии цивилизационная тематика просвещенческой теории прогресса была переведена в теорию социальной эволюции, в которой понятие цивилизации лишилось своего прежде центрального положения [26, р. 388]. Если «прогресс» трактовался как совершенствование универсальной человеческой способности к разумной созидательной деятельности, то «эволюция» понималась как объективный процесс направленных структурных изменений социальных целостностей. К концу XIX в. доминирование социоструктурного подхода вкупе с переносом анализа на социетальный уровень привело не только к вытеснению унитарного цивилизационного подхода с его фокусом на интеллектуальном аспекте и общечеловеческом масштабе исторического развития, но и в итоге к отказу от самого универсального эволюционизма.

Работы Э. Дюркгейма 1890-х гг. отчетливо зафиксировали концептуальный разрыв между ранней и классической социологией, обернувшийся поначалу целенаправленным вытеснением понятия цивилизации на периферию социологического анализа. Дюркгейм считал цивилизацию, отождествляемую со сферами науки, искусства и экономики, зависимой переменной — «необходимым следствием изменений, происходящих в объеме и плотности обществ» [7, с. 314]. Упадок унитарной концепции цивилизации в классической социологии происходил одновременно с абсолютным возвышением и плюрализацией понятия «общество». С точки зрения Дюркгейма, человечество не существует как реальное целое, «существуют же и даны наблюдению лишь отдельные общества, которые рождаются, развиваются и умирают независимо одно от другого» [6, с. 425—426]. В противоположность понятию *форм цивилизации*, которое в линейно-универсалистских теориях ранней социологии использовалось для выделения последовательных фаз в историческом развитии человечества, французский классик ввел понятие *социального типа* (или *вида*) [6, с. 530]. В основе классификации обществ по социальным типам лежат социоструктурные характеристики, или «морфологические признаки», то есть «способ, которым составлено это общество и которым его составляющие части соединяются между собой» [6, с. 475]. Концепция множественных социальных типов стала опосредующим звеном в последующем обращении классической социологии к разработке плюралистической концепции цивилизации.

Вторая волна: от разработки социологической к рецепции метаисторической теории цивилизаций

Классическая социология порвала с унитарной концепцией цивилизации и линейным эволюционизмом ранней социологии. Э. Дюркгейм и М. Вебер, в отличие от О. Конта, Г. Спенсера, К. Маркса, цель социологии видели не в установлении универсальных законов исторического развития, а в выявлении своеобразия социоисторических

конфигураций путем типологического анализа в ходе сравнительных исследований. Разработанная Дюркгеймом на исходе XIX в. концепция социальных типов нивелировала значение понятия цивилизации для социологического анализа. Однако разрыв социологии с цивилизационным анализом в случае французского классика оказался недолгим. Уже в 1902 г. он в кратком, но имевшем программное значение предисловии к рубрике «Цивилизация как таковая и типы цивилизации» в журнале «Социологический ежегодник» реабилитировал понятие цивилизации в качестве одной из центральных категорий «общей» (или «синтетической» в противоположность отраслевой) социологии [32]. Тип цивилизации объявлялся им фактором, который вносит возможно наибольший вклад в формирование единства и индивидуальности любого общества. Позже в книге «Элементарные формы религиозной жизни» (1912) Дюркгейм мимоходом отметил, что у каждой цивилизации есть характерная лишь для нее «упорядоченная система понятий» [8, с. 718]. Таким образом, к макросоциальному измерению, акцентирование которого привело ранее к вытеснению унитарного понятия цивилизации, он добавил макрокультурное измерение [28], а вместе с ним вернул в социологический анализ и понятие цивилизации, но уже в плюралистическом значении [33]. Цивилизации представляют собой «семейства обществ» и состоят из разнообразных социальных феноменов, которые распространяются за территориальные и временные границы отдельных обществ, не охватывая при этом все человечество, и соединяются во взаимозависимую систему. Завершающий текст классической социологии по цивилизационной теории был опубликован на исходе третьего десятилетия XX в. М. Моссом [45].

Во французской социологической традиции сдвиг от унитарной к плюралистической версии понятия цивилизации происходил через фазу его вытеснения переосмысленным понятием общества. В немецком контексте классической социологии все эти моменты оказались сглажены или пропущены вследствие изначального основания М. Вебером программы своих исследований на понятии культуры во всеобъемлющем значении, причем уже содержащем сильные плюралистические коннотации. В отличие от просвещенческого понятия цивилизации как универсального процесса совершенствования и реализации творческих способностей человека, Вебер в формулировку «трансцендентальной предпосылки всех наук о культуре» уже заложил представление о разнообразии путей проявления человеческих способностей, ведущих к созданию людьми особых форм жизни и способов отношения к миру [5, с. 295; 27, р. 89–90]. Его интересовали отличительные черты различных «культурных миров», прежде всего уникальные особенности западной «цивилизации» (если использовать вслед за Т. Парсонсом термин, не встречающийся в оригинальных текстах немецкого социолога).

В межвоенный период макроисторическая тематика ушла с авансцены социологии, но начавшая складываться в ней традиция цивили-

лизационного анализа не прервалась. В 1920-е — 1930-е гг. А. Вебер и К. Манхейм предприняли масштабные попытки обосновать проект «социологии культуры», в котором получили развитие многие ключевые аспекты проблематики, связанные как с унитарной, так и с плюралистической концепцией цивилизации [4, с. 7—168; 12]. В отличие от М. Вебера и Дюркгейма, которые не проводили различия между терминами «культура» и «цивилизация», а отдавали предпочтение одному из них в соответствии со своими национальными традициями, для А. Вебера и Манхейма уже ставшая традиционной для немецкой мысли оппозиция между двумя этими понятиями приобрела ключевое значение для осуществления задуманного ими теоретического синтеза социогуманитарных наук. Концептуальный каркас культурсоциологического анализа составил проведенное А. Вебером различение трех взаимосвязанных измерений общего исторического процесса: развития общества, процесса цивилизации и движения культуры [4, с. 8].

На исходе 1930-х гг. вышли фундаментальные многотомные труды «Социальная и культурная динамика» (1937—1941) П.А. Сорокина [48] и «О процессе цивилизации» (1939) Н. Элиаса [18], которые после первых рецензий так и не были приняты социологическим сообществом. В обоих трудах динамическая ориентация, отчетливо проявившаяся уже в культурсоциологических проектах А. Вебера и Манхейма, оттеснила на второй план широкую сравнительную перспективу, характерную для проектов цивилизационного анализа классической социологии. Вопреки бытовавшему одно время вокруг фигуры Элиаса мифу об «одиноким мыслителе», тематика его исследований сформировалась в контексте идей А. Вебера и К. Манхейма, с которыми он тесно общался. Намеченная ими линия культурсоциологического теоретизирования нашла продолжение в «интегральной» социологии П.А. Сорокина, а в его теории культурных суперсистем и культурной мобильности получила развитие предложенная Дюркгеймом и Моссом концепция цивилизаций как транссоциетальных «гиперсистем».

В середине XX в. достигшая полной дисциплинарной институционализации социология практически полностью отказалась от интеллектуальных проектов своего классического периода по реализации всеобъемлющей исторически ориентированной науки об обществе [54, р. 5], к которым относился и цивилизационный анализ. Однако парадоксальность ситуации состояла в том, что забвение социологией собственных классических разработок в этой области обернулось рецепцией метаисторической версии плюралистического цивилизационного подхода. В книге «Социологические теории сегодня» (1966) Сорокин представил «тоталитаристские» (холистические) теории цивилизаций Н.Я. Данилевского, О. Шпенглера, А. Тойнби, Ф. Конечного, О. Андерле неотъемлемой частью современной социологической теории, но при этом дал их систематическую критику [49, р. 158—240]. Метатеоретические труды других социологов, выходившие на протяжении 1950—1960-х гг., рассматривали

цивилизационные теории О. Шпенглера, А. Тойнби и П.А. Сорокина в одном ряду. Так, Д. Мартиндейл отнес всю троицу к одной школе «идеалистических органицистов» [44, р. 115–118], что вызвало возражение со стороны Сорокина [49, р. 220].

Сорокин во многом справедливо критиковал основоположения метаисторической теории локальных цивилизаций, но предложенная им теоретическая альтернатива также исходила из представления о гомогенизирующих эффектах системной интеграции цивилизационных формаций, пусть и переопределенных из социально-культурных в исключительно культурные образования. При этом Сорокин акцентировал внимание на внутренней логической последовательности культурных систем при недостаточной герменевтической чуткости к интерпретативным конфликтам, порождаемым имманентной амбивалентностью и противоречивостью культурных предпосылок. Культурсоциологический потенциал теории социальной и культурной динамики Сорокина оказался сдержанным комбинацией логицизма и функционализма. Сорокин, как и Т. Парсонс, проводил строгое аналитическое различие между «социальными» и «культурными» системами, но если для Парсонса теоретическим приоритетом обладало понятие «социальной» системы, то Сорокин сделал выбор в пользу «культурной» системы. Системный подход был отвергнут как в социально-редукционистском, так и в культурно-детерминистском варианте в самом начале третьей волны цивилизационного анализа в социологии. Таким образом, творчество Сорокина осталось за пределами господствующей тенденции не только дисциплинарной социологической теории, но и постдисциплинарного цивилизационного анализа. Определяющим для последнего оказался вклад М. Вебера и Э. Дюркгейма с М. Моссом, который был заново открыт только в 1970-е гг. и положил начало третьей волне цивилизационного анализа в социологии.

Впав после выхода в свет «Социальной и культурной динамики» у социологов в немилость, П.А. Сорокин принял непосредственное участие в институционализации цивилизационного анализа, став первым президентом основанного в 1961 г. Международного общества сравнительного изучения цивилизаций (International Society for the Comparative Study of Civilizations, ISCSC). Общество было междисциплинарным по составу участников, и социологи в нем играли не последнюю роль. И после Сорокина во главе Общества становились социологи (Б. Нельсон, В. Каволис, М. Мелко, Т. Хафф), но оно так и не стало организационным центром формирования социологической парадигмы цивилизационного анализа.

Третья волна: традиционализация и трансформация цивилизационного анализа в социологии

К концу второй волны цивилизационный анализ был институционализирован вне социологии и при забвении последней своего класси-

ческого наследия в этой области стал непосредственно ассоциироваться с занявшей вакантное место метаисторической теорией локальных цивилизаций. Главной тенденцией третьей волны стало возрождение социологической версии плюралистического цивилизационного подхода и ее отмежевание от соперничающей традиции. Цивилизационный поворот в социологии происходил на волне всеобщего пересмотра концептуальных оснований научной дисциплины, вызванного распадом ортодоксального консенсуса первых двух послевоенных десятилетий, сложившегося под доминирующим влиянием структурного функционализма.

Начало третьей волны цивилизационного анализа в социологии положили Б. Нельсон и Ш. Эйзенштадт, которые подхватили разработку заложенной в классической социологии плюралистической теории цивилизационных паттернов/комплексов в противовес ортодоксальным теориям как линейной модернизации, так и локальных цивилизаций. В это же время получил признание после выхода перевода на английский язык труд Н. Элиаса «О процессе цивилизации». Теория процессов цивилизации составила второе направление «возрождения» цивилизационного анализа в социологии. Консолидация этих двух — «паттерного» и «процессного» — направлений стала другой ведущей тенденцией третьей волны цивилизационного анализа в социологии.

Американский социолог и историк-медиевист Б. Нельсон первым поставил знак равенства между «культурными мирами» М. Вебера и «цивилизациями» Э. Дюркгейма и М. Мосса и выделил цивилизационную теорию в качестве особой части классического наследия в социологии. Центральное место в его исследовательской повестке заняли разрушавшие сложившийся в метаисторической традиции интегративистский образ цивилизаций темы межцивилизационных взаимодействий, или «встреч» (*encounters*), и «гражданских войн в структурах сознания» отдельных «цивилизационных комплексов» [46; 47]. Ш. Эйзенштадт, хотя и отмечал значение межцивилизационных взаимодействий, основное внимание сосредоточил на сравнительном исследовании динамики цивилизаций с точки зрения разработки ими своих особых культурных онтологий. Как и Б. Нельсон, он подчеркивал внутренне противоречивый, «антиномичный», по его выражению, характер культурных оснований цивилизационных комплексов, проявляющийся в поляризации течений ортодоксии и гетеродоксии. Для более адекватной передачи «социологического» в отличие от «метаисторического» понимания базовых культурных предпосылок цивилизационных формаций Й. Арнасон предложил использовать заимствованный из эпистемологии и истории науки термин «проблематика», обозначающий «конstellацию тем, проблем и перспектив, открытую для различных и часто противоречивых интерпретаций» [28; 2, с. 63].

Эйзенштадт ввел ставшее программным для современного социологического цивилизационного анализа понятие «цивилизационное

измерение человеческих обществ». Наиболее лаконичная и в то же время всеобъемлющая его формулировка «подчеркивает переплетение структурных аспектов социальной жизни с ее регулятивным и интерпретативным контекстом» [36, р. 1]. Более развернутое определение выделяло два взаимосвязанных аспекта цивилизационного измерения: с одной стороны, «онтологических или космологических видений» — иначе говоря, «культурной интерпретации мира», а с другой — определения, разграничения и регулирования «арен», или институциональных сфер, социальной жизни [36, р. 2; 1, с. 20]. При этом в трактовке соотношения интерпретативного и институционального аспектов цивилизационного измерения Эйзенштадт исходил из принципа аналитической автономии культуры, исключающего детерминирующее влияние какой-либо одной стороны [34, р. 605–606]. Задаваемая концепцией цивилизационного измерения «конфигурационная» модель цивилизаций в отличие от «интегративистской», принятой в метаисторической традиции, акцентирует моменты контингентности, амбивалентности, противоречивости, вариативности, изменчивости, контекстуальности, открытости. Развернутое определение цивилизационного измерения хотя и фокусируется на интерпретативно-институциональной взаимосвязи, содержит выход на социоструктурное измерение через использованное Эйзенштадтом выражение «арены социального взаимодействия», которое отсылает к конфликтному образу общества, пронизанного отношениями власти (в отличие от нагруженного функционалистскими коннотациями термина «сферы», или «подсистемы», социальной жизни).

Всеохватывающую концептуализацию социоструктурного измерения цивилизационной динамики осуществил Н. Элиас в понятии социальной фигурации. Оно обозначает сеть отношений взаимозависимости с изменяющимся балансом власти между акторами и применимо ко всем уровням социальных отношений — от взаимодействия отдельных лиц до глобальных сетей. Данное понятие воплощает реляционную концепцию власти, являющуюся неотъемлемой частью теории процесса цивилизации Элиаса. Разработанная им процессная модель цивилизационного анализа увязывает динамику социоструктурной дифференциации и формирования государства с психологическими трансформациями, выражающимися в развитии у индивидов механизма самоконтроля над своими эмоциями и поведением. Поначалу Элиас ограничился изучением западноевропейских обществ периода, который применительно к хронологическим рамкам его исследования может быть назван долгим поздним Средневековьем (IX–XVIII вв.). Позже он сам и его последователи (Й. Гудсблом, Р. Килминстер, С. Меннел, К. Воутерс, Р. ван Крикен и др.) обратились к изучению процессов цивилизации, протекающих в других частях мира, а также на протяжении всей человеческой истории, сохраняя, как правило, приверженность унитарному подходу. Теория процесса цивилизации Элиаса получи-

ла продолжение в его теории социального развития, основу которой составила триада основных типов контроля [38, р. 156–157]. Согласно этой теории, уровень развития общества зависит от его способности контролировать динамику внешней природы, социальной жизни и индивидуального поведения. Принципиальным ограничением властесцентричной процессо-реляционной теории цивилизации Элиаса стало отсутствие тематизации культуры и раскрытия ее конститутивной роли в социальной жизни. В то же время, как показал Й. Арнасон, по мере того как категория власти расширяется для объяснения всей сложности социальной жизни, охватываемой понятием фигурации, «ее открытость к культурным определениям становится все более очевидной» [29, р. 80].

С. Аржоманд отверг представление Н. Элиаса о процессе цивилизации как об унитарном и европоцентричном. Он радикально переосмыслил с позиции плюралистической цивилизационной теории процессную модель цивилизационного анализа, связав ее с конфигурационной моделью, разработанной Ш. Эйзенштадтом, и интеракционной моделью, намеченной Б. Нельсоном. В противовес универалистским версиям процесса рационализации, разработанным Ю. Хабермасом и В. Шлюхтером на основе идеи инструментальной и формальной рациональности М. Вебера, Аржоманд, отталкиваясь от другой части наследия немецкого классика — его более позднего анализа мировых религий, предложил концепцию культурно-специфического процесса ценностной рационализации и, соответственно, ценностного типа рациональности. Каждая цивилизация запускает свой особый процесс ценностной рационализации, который в долгосрочной перспективе порождает отличительную цивилизационную рациональность, распознаваемую как «цивилизационный стиль» [21, р. 23–24]. Ценностная рационализация — это процесс избирательного смыслового согласования разнородных принципов порядка: унаследованных из собственной традиции и заимствованных извне. Аржоманд развил исходную концепцию межцивилизационного взаимодействия Б. Нельсона, дополненную Э. Тирикьяном понятием внутрицивилизационного взаимодействия [51], в концепцию внутри- и межцивилизационного процессов [21, р. 24].

Произведенная Аржомандом в анализе процессов цивилизации замена унитарной концепции плюралистической привела к смещению аналитического фокуса на категорию культуры, хотя властные конфигурации не остаются без внимания. Необходимость обращения к проблематике власти вытекает из базовых положений самой культур-социологической цивилизационной теории. По словам Аржоманда, основные культурные предпосылки цивилизаций «могут быть лишь регулятивными принципами в кантовском смысле и никогда не могут предопределять направление рационализации» [22, р. 46]. Рассматривая институциональную динамику государства, он анализирует то, что называет «конституциональной политикой», а именно борьбу за определение

социального и политического порядка, которая разворачивается в пространстве неопределенности, оставляемом внутри каждой цивилизации исторически контингентным процессом ценностной рационализации. Политические конфигурации входят неотъемлемой частью в процесс «архитектонического конструирования смысла» [21, p. 35].

Подобно тому, как теория процесса цивилизации Элиаса и его последователей нуждается в адекватном понятии культуры, которое бы уравнивало находящуюся в ее основании всеобъемлющую реляционную концепцию власти, культуралистская теория цивилизационных паттернов Эйзенштадта и его сторонников не менее настоятельно требует равнозначной по своему масштабу общей концептуализации власти как конститутивного компонента цивилизационных формаций. Эта задача теоретической консолидации цивилизационного анализа была в явном виде поставлена и наиболее последовательно осуществлена Й. Арнасоном, который разработал сбалансированный подход к явлениям культуры и власти, фокусируясь на их взаимопереплетении как фундаментальной характеристике социоисторической реальности [2, с. 55]. Выдвинутая им обоюдоконститутивистская концепция отношения между культурой и властью как аналитически отдельными, но структурно взаимосвязанными компонентами социальной жизни является основой реляционной модели цивилизационного анализа, сопрягающей несводимые друг к другу, с одной стороны, цивилизационные паттерны, образуемые сочетанием интерпретативных и институциональных рамок, а с другой — социальные фигуры, представляющие собой сети отношений взаимозависимости между акторами. Наиболее важным связующим звеном между ними выступают культурные интерпретации власти [24, p. 447].

Современная плюралистическая цивилизационная теория расширила исторические рамки анализа, включив в свою сферу тематики, которые традиционно считались доменами унитарной концепции цивилизации. К ним относятся прежде всего культурантропологическая тематика происхождения и эволюции цивилизации и социологическая тематика формирования и развития модерности. Арнасон оспорил положение Эйзенштадта о том, что цивилизационное измерение в человеческой истории впервые проявилось в осевое время (между 800 и 200 гг. до н. э.), отметив инновационный характер религиозного и интеллектуального творчества наиболее ранних «архаичных цивилизаций», которые объединили в различные социокультурные рамки общие структурно-институциональные и технологические трансформации (возникновение государственности, городской жизни, письменности или предшествовавшее им изобретение оседлого земледелия), на них обычно акцентировали внимание антропологи, историки, археологи, проводя разделение между стадиями первобытности и цивилизации [28].

Общепринятое понимание модерности как цивилизации традиционно исходило из унитарной концепции. Модерность трактовалась в стадийно-эволюционистском духе как универсальная цивилизация.

В рамках социологического плюралистического цивилизационного подхода Ш. Эйзенштадтом были выдвинуты в отношении модерности две ключевые идеи: концепция множественных модерностей и концепция модерности как новой особой цивилизации [35; 37]. Менее замеченной другими и отчетливо разработанной самим Эйзенштадтом оказалась его концепция цивилизации модерности. В последнее время наиболее значительные усилия по интеграции двух родственных цивилизационных концепций модерности были предприняты Й. Арнасоном [30].

Заключение

Обращение к додисциплинарному периоду развития социальных наук дало возможность не только включить унитарную концепцию цивилизации в социологическую традицию цивилизационного анализа, но и более адекватно реконструировать процесс становления плюралистической теории цивилизации. Внутреннее разделение плюралистического подхода на метаисторическое и социологическое направления оказывается не менее важным, чем его противостояние унитарному подходу. Первые отчетливые формулировки обеих версий плюралистического подхода были сделаны независимо друг от друга в течение одного десятилетия — с 1869 по 1879 г. — в России Н.Я. Данилевским и Н.И. Хлебниковым.

Продолжающееся формирование цивилизационной парадигмы сочетает тенденции на укоренение в социологической традиции с ее критическим переосмыслением и преодолением сложившихся в ней дисциплинарных ограничений, а также на консолидацию исследовательской программы самого цивилизационного анализа при открытости другим теоретическим перспективам. Осуществленная в поле цивилизационного анализа концептуализация взаимосвязи культуры и власти имеет фундаментальное значение для социологии в целом, в которой данная проблематика задала с конца XX в. новую ось теоретического синтеза.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Браславский Руслан Геннадьевич — кандидат социологических наук, директор, Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН.
Телефон: +7 (812) 316-24-96. **Электронная почта:** r.braslavsky@socinst.ru

Research Article

RUSLAN G. BRASLAVSKIY¹

¹ Sociological Institute of FCTAS RAS.

25/14, 7th Krasnoarmeyskaya Str., 190005, Saint Petersburg, Russian Federation.

THE THREE WAVES OF CIVILIZATIONAL ANALYSIS IN SOCIOLOGY

Abstract. The article provides a comprehensive analytical reconstruction of the formation and evolution of the civilizational approach in the context of the intellectual and institutional

history of sociology. Three waves of civilizational analysis are highlighted, coinciding with three stages of sociology's disciplinary development: pre-disciplinary, disciplinary and post-disciplinary. The first wave includes the development of the unitary-linear concept of civilization in the middle of the 18th century, its reception in early sociology, and its total marginalization in the late 19th century with sociology's entry into the classical period. The second wave began in the first two decades of the 20th century, marked by the development of pluralistic theory and comparative history of civilizations in the works of M. Weber and E. Durkheim with M. Moss. It continues in the interwar period, when — with the general decline of sociology's interest in macro-historical topics — N. Elias and P.A. Sorokin created their theories of civilizational dynamics, and culminates in the critical reception of the meta-historical theories of local civilizations during the two and a half decades following the war. The third wave, which continues to the present day, was driven by the civilizational turn in the mid 1970's, initiated by B. Nelson and S.N. Eisenstadt. It combines the tendency for civilizational analysis to embed itself in the sociological tradition with the intention to renew and consolidate its research program, represented by four main models: processual, configurational, interactive, and relational. J. Arnason carried out the most ambitious project of theoretical integration in the field of civilizational analysis on the basis of the concept of mutual constitution of culture and power. The internal division of the pluralist approach into meta-historical and sociological directions is just as important as its opposition to the unitary approach. The first formulations of both versions of the pluralist approach were made independently of each other during the decade-long period between 1869 and 1879 in Russia by N.Y. Danilevsky and N.I. Khlebnikov.

Keywords: civilizational analysis; history of social sciences; sociological theory; disciplinary development of sociology; civilization; modernity.

For citation: Braslavskiy, R.G. Three Waves of Civilizational Analysis in Sociology. *Sotsiologicheskii Zhurnal = Sociological Journal*. 2024. Vol. 30. No. 3. P. 8–30. DOI: 10.19181/socjour.2024.30.3.1

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ruslan G. Braslavskiy — Candidate of Sociological Sciences, Director, Sociological Institute of FCTAS RAS. **Phone:** +7 (812) 316-24-96. **E-mail:** r.braslavsky@socinst.ru

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. *Арнасон Й.* Понимание цивилизационной динамики: вводные замечания // Журнал социологии и социальной антропологии. 2012. Т. 15. № 6. С. 18–29. EDN: SIZREN
 Arnason J.P. Making Sense of Civilizational Dynamics: Introductory Remarks. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii*. 2012. No. 6. P. 18–29. (In Russ.)
2. *Арнасон Й.* Революции, трансформации, цивилизации: пролегомены к переориентации парадигмы // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. 2017. № 5 (115). С. 37–69. DOI: 10.3366/edinburgh/9781474415347.003.0003 EDN: YQYQDJ
 Arnason J.P. Revolutions, Transformations, Civilizations: Prolegomena to a Paradigm Reorientation. *Neprikosnovennyyi zapas. Debaty o politike i kul'ture*. 2017. No. 5. P. 37–69. DOI: 10.3366/edinburgh/9781474415347.003.0003 (In Russ.)

3. Арнасон Й. Цивилизационные паттерны и исторические процессы / Пер. с англ. М. Масловский, А. Степанов, Ю. Прозорова. М.: Новое литературное обозрение, 2021. — 304 с. EDN: OMAUNS
Arnason J.P. Civilizational Patterns and Civilizing Processes. [Russ. ed.: *Tsivilizatsionnye patterny i istoricheskie protsessy*. Transl. from Eng. by M. Maslovskii, A. Stepanov, Yu. Prozorova. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie publ., 2021. 304 p.]
4. Вебер А. Избранное: Кризис европейской культуры / Пер. с нем. М.И. Левина, Т.Е. Егорова. СПб.: Университетская книга, 1999. — 564 с.
Weber A. *Izbrannoe: Krizis evropeiskoi kul'tury*. [Selected Works: The Crisis of European Culture.] Transl. by M.I. Levina, T.E. Egorova. St Petersburg: Universitetskaya kniga publ., 1999. 564 p. (In Russ.)
5. Вебер М. «Объективность» социально-научного и социально-политического познания // Избранное. Протестантская этика и дух капитализма / Пер. с нем. М.И. Левина, П.П. Гайденко, А.Ф. Филиппов. 2-е изд., доп. и испр. М.: РОССПЭН, 2006. С. 271–320.
Weber M. “Objectivity” of Social-scientific and Socio-political Knowledge = Die “Objektivität” sozialwissenschaftlicher und sozialpolitischer Erkenntnis = “Objectivity” in Social Science and Social Policy. *Izbrannoe. Protestantskaya etika i dukh kapitalizma*. [Selected Works: The Protestant Ethic and the Spirit of Capitalism.] Transl. from Germ. by M.I. Levina, P.P. Gaidenko, A.F. Filippov. 2nd ed. Moscow: ROSSPEN publ., 2006. P. 271–320. (In Russ.)
6. Дюркгейм Э. Метод социологии // О разделении общественного труда. Метод социологии / Изд. подгот. А.Б. Гофман; примеч. В.В. Сапова. М.: Наука, 1991. С. 391–532.
Durkheim É. Sociological Method = Les règles de la méthode sociologique. *O razdelenii obshchestvennogo truda. Metod sotsiologii*. [On the Division of Labour in Society. Sociological Method.] Ed. by A.B. Gofman, notes by V.V. Sapov. Moscow: Nauka publ., 1991. P. 391–532. (In Russ.)
7. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда // О разделении общественного труда. Метод социологии / Изд. подгот. А.Б. Гофман; примеч. В.В. Сапова. М.: Наука, 1990. С. 3–390.
Durkheim É. On the Division of Labour in Society = De la division du travail social. *O razdelenii obshchestvennogo truda. Metod sotsiologii*. [On the Division of Labour in Society. Sociological Method.] Ed. by A.B. Gofman, notes by V.V. Sapov. Moscow: Nauka publ., 1990. P. 3–390. (In Russ.)
8. Дюркгейм Э. Элементарные формы религиозной жизни: тотемическая система в Австралии / Пер. с франц. В.В. Земсковой; под ред. Д.Ю. Куракина. М.: Элементарные формы, 2018. — 808 с.
Durkheim É. Les formes élémentaire de la vie religieuse, le système totémique en Australie = The Elementary Forms of Religious Life: The Totemic System in Australia. [Russ. ed.: *Elementarnye formy religioznoi zhizni: totemicheskaya sistema v Avstralii*. Transl. from French by V.V. Zemskova, ed. by D.Yu. Kurakin. Moscow: Elementarnye formy publ., 2018. 808 p.]

9. *Ионов И.Н.* Цивилизационное сознание и историческое знание: проблемы взаимодействия. М.: Наука, 2007. — 498 с. EDN: QOHRWN
Ionov I.N. Tsivilizatsionnoe soznanie i istoricheskoe znanie: problemy vzaimodeistviya. [Civilizational Consciousness and Historical Knowledge: Problems of Interaction.] Moscow: Nauka publ., 2007. 498 p. (In Russ.)
10. *Ионов И.Н., Хачатурян В.М.* Теория цивилизаций от античности до конца XIX века. СПб.: Алетея, 2002. — 384 с. EDN: TASZTD
Ionov I.N., Khachatryan V.M. Teoriya tsivilizatsii ot antichnosti do kontsa XIX veka. [Theory of Civilizations from Antiquity to the End of the 19th Century.] St Petersburg: Aleteiya publ., 2002. 384 p. (In Russ.)
11. *Кареев Н.И.* Введение в изучение социологии. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1897. — 418 с.
Kareev N.I. Vvedenie v izuchenie sotsiologii. [Introduction to the Study of Sociology.] St Petersburg: Tip. M.M. Stasyulevicha publ., 1897. 418 p. (In Russ.)
12. *Манхейм К.* Избранное: Социология культуры / Пер. с англ. Л.Ф. Вольфсон, А.В. Дранов. М.; СПб.: Университетская книга, 2000. — 505 с.
Mannheim K. Essays on the Sociology of Culture. [Russ. ed.: *Izbrannoe: Sotsiologiya kul'tury.* Transl. from Eng. by L.F. Vol'fson, A.V. Dranov. Moscow; St Petersburg: Universitetskaya kniga publ., 2000. 505 p.]
13. *Уитли Р.* Когнитивная и социальная институционализация научных специальностей и областей исследования // Научная деятельность: структура и институты: Сборник переводов с английского и немецкого / Сост., общ. ред. и вступит. статья Э.М. Мирского, Б.Г. Юдина. М.: Прогресс, 1980. С. 218–256.
Whitley R. Cognitive and social institutionalization of scientific specialties and research areas. Nauchnaya deyatel'nost': struktura i instituty: Sbornik perevodov s angliiskogo i nemetskogo. [Scientific activity: structure and institutions: a collection of translations from English and German.] Comp., ed. and introductory article by E.M. Mirsky, B.G. Yudin. Moscow: Progress publ., 1980. P. 218–256. (In Russ.)
14. *Хлебников Н.И.* Право и государство в их обоюдных отношениях. Исследование о происхождении, сущности, основных началах и способах развития цивилизации вообще. Варшава: Тип. Варшавск. жандарм. окр., 1874. — 598 с.
Khlebnikov N.I. Pravo i gosudarstvo v ikh oboyudnykh otnosheniyakh. Issledovanie o proiskhozhdenii, sushchnosti, osnovnykh nachalakh i sposobakh razvitiya tsivilizatsii vooobshche. [Law and State in Their Reciprocal Relations. A Study of the Origin, Essence, Basic Principles and Modes of Development of Civilization in General.] Warsaw: Tip. Varshavsk. zhandarm. okr.publ., 1874. 598 p. (In Russ.)
15. *Хлебников Н.И.* Что такое цивилизация? // Киевские университетские известия. 1878. № 4. С. 207–219.

- Khlebnikov N.I. What is Civilization? *Kievskie universitetskie izvestiya*. 1878. No. 4. P. 207–219. (In Russ.)
16. Хлебников Н.И. Цивилизация, формы ее происхождения, развития и причины ее падения // Киевские университетские известия. 1879. № 8. С. 567–612; № 9. С. 613–650.
- Khlebnikov N.I. Civilization, Forms of Its Origin, Development and Reasons for Its Fall. *Kievskie universitetskie izvestiya*. 1879. No. 8. P. 567–612; No. 9. P. 613–650. (In Russ.)
17. Хлебников Н.И. Цивилизация, формы ее происхождения, развития и причины ее падения // Исследования и характеристики. Киев: Университетская типография, 1879. С. 196–277.
- Khlebnikov N.I. Civilization, Forms of Its Origin, Development and Reasons for Its Fall. *Issledovaniya i kharakteristiki*. [Studies and Characterizations.] Kiev: Universitetskaya tipografiya publ., 1879. P. 196–277. (In Russ.)
18. Элиас Н. О процессе цивилизации. Социогенетические и психогенетические исследования / Пер. с нем. А.М. Руткевича. Т. 1. М., СПб.: Университетская книга, 2001. — 332 с.
- Elias N. The Civilizing Process. Sociogenetic and Psychogenetic Investigations = Über den Prozess der Zivilisation. Soziogenetische und psychogenetische Untersuchungen. [Russ. ed.: *O protsesse tsivilizatsii. Sotsiogeneticheskie i psikhogeneticheskie issledovaniya*. Transl. from Germ. by A.M. Rutkevich. Vol. 1. Moscow; St Petersburg: Universitetskaya kniga publ., 2001. 332 p.]
19. Abbott A. The Disciplines and the Future. *The Future of the City of Intellect: The Changing American University*. Ed. by S. Brint. Stanford, CA: Stanford University Press, 2002. P. 205–230. DOI: 10.1515/9780804779166-012
20. Arjomand S.A. Three Generations of Comparative Sociologies. *European Journal of Sociology*. 2010. Vol. 51. No. 3. P. 363–399. DOI: 10.1017/S0003975610000184
21. Arjomand S.A. Multiple Modernities and the Promise of Comparative Sociology. *Worlds of Difference*. Ed. by S.A. Arjomand, E. Reis. N.Y.: Sage, 2013. P. 15–39. DOI: 10.4135/9781446288085.n2
22. Arjomand S.A. Developmental Path (Entwicklungsform): A Neglected Weberian Concept and its Usefulness in Civilizational Analysis of Islam. *The Art and Science of Sociology: Essays in Honour of Edward Tiryakian*. Ed. by R. Robertson, J. Simpson. L.: Anthem Press, 2016. P. 43–57. DOI: 10.2307/j.ctt1ffjq1d.9
23. Arjomand S.A., Tiryakian E.A. (eds) *Rethinking Civilizational Analysis*. L.: Sage, 2004. 260 p. DOI: 10.4135/9781446215739
24. Arnason J.P. Figurational Sociology as a Counter-Paradigm. *Theory, Culture, Society*. 1987. Vol. 4. No. 2–3. P. 429–456. DOI: 10.1177/026327687004002013
25. Arnason J.P. Civilizational Analysis, History of. *International Encyclopedia of the Social and Behavioral Sciences*. Ed. by N.J. Smelser. L.: Elsevier, 2001. P. 1909–1915. DOI: 10.1016/B0-08-043076-7/00155-8

26. Arnason J.P. Civilizational Patterns and Civilizing Processes. *International Sociology*. 2001. Vol. 16. No. 3. P. 387–405. DOI: 10.1177/026858001016003009 EDN: JMVVFB
27. Arnason J.P. *Civilizations in Dispute: Historical Questions and Theoretical Traditions*. Leiden; Boston: Brill, 2003. 380 p. DOI: 10.1163/9789004405424
28. Arnason J.P. Civilizational Analysis: A Paradigm in the Making. *World Civilizations. Encyclopedia of Life Support Systems (EOLSS), Developed under the Auspices of the UNESCO*. Ed. by R. Holton. Oxford: EOLSS Publishers, 2007. Accessed 15.04.2010. URL: <http://www.eolss.net>
29. Arnason J.P. The Cultural Turn and the Civilizational Approach. *European Journal of Social Theory*. 2010. Vol. 13. No. 1. P. 67–82. DOI: 10.1177/1368431009355866
30. Arnason J.P. *The Labyrinth of Modernity: Horizons, Pathways and Mutations*. L.: Rowman and Littlefield, 2020. 230 p.
31. Delanty G. Sociology. *The Blackwell Encyclopedia of Sociology*. Ed. by G. Ritzer. L.: Blackwell, 2007. P. 4606–4617.
32. Durkheim E. Civilisation in General and Types of Civilisation. *The Rules of Sociological Method*. N.Y.: The Free Press, 1982. P. 243–244. DOI: 10.1007/978-1-349-16939-9_15
33. Durkheim E., Mauss M. Note on the Notion of Civilization. *Social Research*. 1971. Vol. 38. No. 4. P. 808–813.
34. Eisenstadt S. N. Macrosociology and Sociological Theory: Some New Directions. *Contemporary Sociology*. 1987. Vol. 16. No. 5. P. 602–609. DOI: 10.2307/2069720
35. Eisenstadt S.N. Multiple Modernities. *Daedalus*. 2000. Vol. 129. No. 1. P. 1–29. DOI: 10.1177/03058298000290031201
36. Eisenstadt S.N. The Civilizational Dimension in Sociological Analysis. *Thesis Eleven*. 2000. Vol. 62. No. 1. P. 1–21. DOI: 10.1177/0725513600062000002 EDN: JQEVBN
37. Eisenstadt S.N. The Civilizational Dimension of Modernity: Modernity as a Distinct Civilization. *International Sociology*. 2001. Vol. 16. No. 3. P. 320–340. DOI: 10.1177/026858001016003005 EDN: JMVVDN
38. Elias N. *What is Sociology?* N.Y.: Columbia University Press, 1978. 187 p.
39. Goudsblom J., Heilbron J. Sociology, History. *International Encyclopedia of the Social and Behavioral Sciences*. Ed. by N.J. Smelser. L.: Elsevier, 2001. P. 14574–14580. DOI: 10.1016/B0-08-043076-7/00092-9
40. Hall M. Toward a Fourth Generation in Civilizational Scholarship. *Civilizational Identity: The Production and Reproduction of “Civilizations” in International Relations*. Ed. by M. Hall, P. T. Jackson. N.Y.: Palgrave Macmillan, 2007. P. 199–205. DOI: 10.1057/9780230608924_15
41. Heilbron J. *The Rise of Social Theory*. Cambridge: Polity, 1995. 334 p.

42. Heilbron J. A Regime of Disciplines: Toward a Historical Sociology of Disciplinary Knowledge. *The Dialogical Turn: New Roles for Sociology in the Postdisciplinary Age*. Ed. by C. Camic, H. Joas. Lanham: Rowman & Littlefield, 2004. P. 23–42.
43. Heilbron J. The Rise of Social Science Disciplines in France. *European Journal of Social Sciences*. 2004. Vol. XLII. No. 129. P. 145–157. DOI: 10.4000/ress.394
44. Martindale D. *The Nature and Types of Sociological Theory*. L.: Routledge, 1960. 560 p.
45. Mauss M. Civilizations, Their Elements and Forms. *Techniques, Technology and Civilisation*. N.Y.; Oxford: Durkheim Press, 2006. P. 54–78.
46. Nelson B. Civilizational Complexes and Intercivilizational Encounters. *Sociological Analysis*. 1973. Vol. 34. No. 2. P. 79–105. DOI: 10.2307/3709717
47. Nelson B. *On the Roads to Modernity: Conscience, Science and Civilizations*. Totowa: Rowman and Littlefield, 1981. 316 p.
48. Sorokin P. *Social and Cultural Dynamics*, 4 vols. N.Y.: American Book Company, 1937–1941.
49. Sorokin P. *Sociological Theories of Today*. N.Y.: Harper & Row, 1966. 676 p.
50. Stichweh R. The Sociology of Scientific Disciplines: On the Genesis and Stability of the Disciplinary Structure of Modern Science. *Science in Context*. 1992. Vol. 5, № 1. P. 3–15. DOI: 10.1017/S0269889700001071
51. Tiryakian E.A. Reflections on the Sociology of Civilizations. *Sociological Analysis*. 1974. Vol. 35. No. 2. P. 122–128. DOI: 10.2307/3709745
52. Tiryakian E.A. Introduction: The Civilization of Modernity and the Modernity of Civilizations. *International Sociology*. 2001. Vol. 16. No. 3. P. 277–292. DOI: 10.1177/026858001016003002 EDN: JMVVCJ
53. Tiryakian E.A. Sociological Analysis. *Rethinking Civilizational Analysis*. Ed. by S.A. Arjomand, E.A. Tiryakian. L.: Sage, 2004. P. 30–47.
54. Wagner P., Wittrock B. Analyzing Social Science: On the Possibility of a Sociology of the Social Sciences. *Discourses on Society: The Shaping of the Social Science Disciplines*. Ed. by P. Wagner, B. Wittrock, R. Whitley. Dordrecht; Boston; L.: Kluwer Academic Publishers, 1991. P. 3–22. DOI: 10.1007/978-0-585-29174-1_1
55. Wittrock B. Disciplines, History of, in the Social Sciences. *International Encyclopedia of the Social and Behavioral Sciences*. Ed. by N.J. Smelser. L.: Elsevier, 2001. P. 3721–3728. DOI: 10.1007/978-0-585-29174-1_1

Статья поступила в редакцию: 25.04.2024; поступила после рецензирования и доработки: 01.07.2024; принята к публикации: 18.07.2024.

Received: 25.04.2024; revised after review: 01.07.2024; accepted for publication: 18.07.2024.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Динамика цивилизационного анализа в социологии*

Хронологические рамки истории социологии	Стадии дисциплинарного развития социологии	Периоды интеллектуальной истории (макро/социологии)	Этапы цивилизационного анализа в социологии	Положение цивилизационного анализа в социологии
1730–1830 гг.	Раннедисциплинарная: интеллектуального конституирования и сетевой неформальной коммуникации и публичной инфильтрации	«Протосоциология» буржуазного «гражданского» общества торгового, землевладельческого и мануфактурного капитализма, сравнительная история и всеобщая история (Ш. Монтескье, Ж. Руссо, А. Тюрго, Ж. Кондорсе, П. Кабанис, А. Фергюсон, Дж. Миллар, А. Смит, А. Сен-Симон)	Унитарная «прогрессистская» концепция цивилизации (А. Тюрго, Ж. Кондорсе, А. Фергюсон, Дж. Миллар)	Переплетение
1830–1890 гг.	Позднедисциплинарная: интеллектуального проектирования и внеакадемической самоорганизации	«Ранняя», универсальная историко-генетическая (эволюционистская) и историко-материалистическая социология индустриального/капиталистического общества (О. Конт, К. Маркс, Г. Спенсер, Ф. Тённис)	Унитарная «стадиальная» концепция цивилизации (О. Конт, Г. Спенсер, Ф. Энгельс, Е. В. Де Роберти, П. Л. Лавров, Л. И. Мечников)	Вытеснение
1890–1930 гг.	Раннедисциплинарная: интеллектуального обособления и академического вхождения	«Классическая», аналитическая (формальная) и всеобъемлющая сравнительная историко-типологическая социология индустриально-капиталистического общества (Э. Дюркгейм, М. Вебер, В. Зомбарт, Г. Зиммель)	Плюралистическая концепция цивилизаций как «культурных миров» (М. Вебер) и «семейств обществ» (Э. Дюркгейм, М. Мосс)	Включение
1930–1970 гг.	Позднедисциплинарная: интеллектуальной консолидации и академического роста	«Ортодоксальная», структурно-институциональная социология современного общества и модернизации (Т. Парсонс, Р. Мертон, Р. Дарендорф, Л. Козер, Н. Смелзер, Д. Лернер, У. Ростоу)	Динамическая концепция цивилизации как «процесса цивилизации» (Н. Элиас) и флуктуации «культурных суперсистем» (П. А. Сорокин)	Разрыв
1970 г. – наст. время	Постдисциплинарная: интеллектуальной плюрализации и академической реорганизации	«Постторлодоксальная», институциональная и культурная социология постмодерна, глобальной и множественной современности (Э. Гидденс, У. Бек, Ж. Бодрийяр, Ш. Эйзенштадт, З. Бауман, П. Вагнер, Дж. Александер)	Концепции «цивилизационных паттернов» (Б. Нельсон, Ш. Эйзенштадт, И. Арнасон) и «процессов цивилизации» (Й. Гулблом, С. Меннелл, Р. Килминстер)	Укоренение

Примечание: *Н.Я. Данилевский не вошел в данную таблицу, поскольку отнесен к метаисторической традиции цивилизационного анализа. Отсутствие в таблице упоминания Н.И. Хлебникова обусловлено тем, что его теория хронологически не вписывается в выделенные этапы цивилизационного анализа в социологии, каждый из которых соотносится с доминирующей концепцией цивилизации.

В.Б. ЗВОНОВСКИЙ¹, А.В. ХОДЫКИН², А.В. РАСКЕВИЧ¹

¹ Самарский государственный экономический университет.

443090, Самара, ул. Советской Армии, д. 141.

² Фонд социальных исследований.

443041, Самара, ул. Красноармейская, д. 70.

ПРИЧИНЫ ДОСРОЧНОГО ПРЕКРАЩЕНИЯ ИНТЕРВЬЮ ПО ИНИЦИАТИВЕ РЕСПОНДЕНТА В МАССОВЫХ ВСЕРОССИЙСКИХ ОПРОСАХ НА ТЕМУ РОССИЙСКО-УКРАИНСКОГО КОНФЛИКТА

Аннотация. Прерванные интервью снижают кооперацию респондентов и могут приводить к систематическим смещениям выборок, что ставит под вопрос репрезентативность полученных опросных данных. Сенситивные темы опросов, такие как обсуждение российско-украинского конфликта, могут побуждать респондентов чаще прекращать разговор о них. Поэтому исследовать прерванные интервью в таких опросах особенно важно. Цель данной статьи — выявить и описать причины прерываний интервью в опросах про военные действия на Украине.

Методы исследования: контент-анализ аудиозаписей интервью с респондентами и традиционный качественный анализ документов, а именно аудиозаписей интервью с респондентами, досрочно прервавшими опрос. Количественное исследование (контент-анализ) аудиозаписей интервью позволяет измерить распространенность причин прерывания опроса респондентами, а их качественный анализ дает материалы для описания нарративов, стоящих за этими причинами. Выборка двухступенчатая. На первом этапе выборка случайная, стратифицированная по федеральным округам. Она репрезентирует население России по полу, возрасту и федеральным округам проживания. В ходе первого этапа выборка составила 2507 интервью, среди них прерванных интервью 888. На втором этапе выборка сплошная, сформированная методом основного массива: из 888 прерванных интервью прослушано 538.

По итогам исследования получены следующие основные результаты. Причины прерывания интервью разделены на устранимые и неустраиваемые. Каждая из этих групп причин классифицирована на конкретные виды причин прерываний. Соотношение устранимых и неустраиваемых причин в прослушанной выборке составило 68 : 470, или 13% : 87%, то есть потенциал к сокращению числа прерываний довольно невелик. Стоит особо отметить влияние длины вопросов и анкеты в целом на количество прерываний интервью: чем длиннее анкета и ее вопросы, тем больше случается прерываний. Поэтому лаконичность формулировок вопросов (сокращение их длины, избегание табличных вопросов в телефонных опросах, уменьшение числа вариантов в номинальных шкалах), сокращение длины анкеты до 10 мин и работа с эмоциональным выгоранием интервьюеров позволят сократить число прерванных интервью. Сенситивность военно-политической тематики тоже увеличивает число

прерываний, однако удовлетворительный способ решить эту проблему найти пока не получается. В силах исследователей — только минимизировать число военно-политических вопросов в анкете, формулировать их в наиболее комфортном для респондентов виде (гипотетически, с возможностью отказа и т. п.) и «разбавлять» анкету менее сенситивными темами.

Ключевые слова: спецоперация; российско-украинский конфликт; прерванные интервью; телефонные опросы; кооперация респондентов.

Для цитирования: Звоновский В.Б., Ходыкин А.В., Раскевич А.В. Причины досрочного прекращения интервью по инициативе респондента в массовых всероссийских опросах на тему российско-украинского конфликта // Социологический журнал. 2024. Том 30. № 3. С. 31–60. DOI: 10.19181/socjour.2024.30.3.2 EDN: GRNKMY

Введение

В последние годы социологические исследования политических тем все чаще проводятся методом телефонного опроса (Computer Assisted Telephone Interviewing, CATI), который требует меньше финансовых затрат по сравнению с опросами face-to-face и позволяет достигать репрезентативности выборок. ВЦИОМ, Russian Field, исследовательская группа «Хроники» и другие опросные организации чаще всего изучают политические темы методом телефонных опросов. В то же время не все участники таких опросов проходят их до конца: отказы и прерывания респондентами интервью создают проблему самоотбора респондентов — ситуации, когда успешно прошедшие опрос респонденты значительно отличаются по измеримым признакам от тех, кто его по тем или иным причинам не прошел (отказавшиеся и прервавшие интервью). Несмотря на то что количество прерванных интервью всегда на порядок меньше числа отказов, прерывания респондентами интервью также могут привести к систематическим смещениям выборок. Причем такие смещения не поддаются контролю со стороны исследователя [14]. Кроме того, концентрация прерываний на определенных темах или вопросах является признаком либо неприемлемости для респондентов данных тем, либо неудачной их операционализации в предлагаемых в анкете вопросных формах. Поэтому изучение причин досрочных прекращений интервью респондентами важно для повышения репрезентативности выборок и совершенствования опросных инструментариев.

Несмотря на то что телефонные опросы долгое время вызывали скептицизм отечественного социологического сообщества и широкое распространение в России получили относительно недавно, в научной литературе сформирован корпус текстов о проблеме прерываний респондентами интервью в массовых политических опросах. Наибольшую известность получили исследования Д.М. Рогозина и его коллег. В своей книге «Стандартизированное (телефонное) интервью» Д.М. Рогозин, А.А. Ипатова и Н.И. Галиева среди прочего исследуют срывы коммуникации из-за сенситивности тем и формулировок вопросов, что, в свою оче-

редь, приводит к прерыванию интервью. Также к причинам прерывания ими отнесены ситуации, когда респондент проходит опрос в окружении третьих лиц, которые могут влиять на его ответы и решение продолжить интервью, но их наличие нелегко контролировать в условиях телефонного опроса. Непонимание респондентами формулировок вопросов и нарушения коммуникации между интервьюером и респондентом, когда первый «не слышит» запросов второго, тоже могут приводить к досрочному прекращению интервью, как и неверные объяснения процедуры и правил интервью, предоставление респонденту недостоверной информации об исследовании [11]. Е.В. Вьюговская, Д.М. Rogozin и Д.И. Сапонов на основании результатов каскадного анализа завершенных и прерванных интервью выделили ретроспективный, текущий и проспективный типы прерываний. Ретроспективные прерывания вызваны накопительным эффектом негативного отношения к предыдущим вопросам: когда респонденту надоедает отвечать на сложные, чувствительные или неинтересные вопросы, у него заканчивается терпение, и он бросает трубку. Текущие прерывания вызваны негативным восприятием конкретного вопроса, неприемлемость которого для респондента вынуждает его прервать интервью. Проспективные прерывания вызваны негативными ожиданиями от дальнейших вопросов анкеты: респондент, столкнувшись со сложными, вызывающими дискомфорт или неактуальными для него вопросами, решает прекратить интервью, поскольку ожидает, что и дальнейшие вопросы будут примерно такими же [2].

К.М. Мануильская на основании анализа прерванных интервью классифицировала мотивы их досрочного прекращения на временной и тематический, а также выделила внезапно прерванное интервью. К временным она отнесла прерывания из-за неудобного для респондента времени опроса или затянувшегося по времени интервью (когда у респондента появляются неотложные рабочие дела или он уже устал отвечать на вопросы). Тематический мотив связан как с конкретными вопросами, так и с общей тематикой интервью: чувствительные и сложно сформулированные вопросы чаще остальных приводят к прерываниям. Внезапно прерванные интервью — это такие интервью, при прослушивании которых не удалось выявить причину их досрочного прекращения [9].

Конверсационный анализ взаимодействия интервьюера и респондента в ситуации массового телефонного политического опроса, проведенный А.В. Турчик, показывает разницу коммуникационных стратегий интервьюера, придерживающегося четкой инструкции, и респондента, воспринимающего интервью в качестве разговора на обозначенную тему. В результате происходит «конфликт речевых жанров: жанра интервью как формы институционализированного разговора и разговорного жанра как такового» [12, с. 152]. При этом использование табличных вопросов в телефонных интервью в наибольшей степени угрожает досрочным прекращением опроса, поскольку сильнее всего отдаляют институционализированную процедуру опроса от разговорного жанра ответов, предпочитаемого респондентами.

Последние полтора-два десятилетия социологи отмечают проблему снижения доверия к опросам и, как следствие, мотивации к их прохождению. Т.А. Галкин и Т.З. Протасенко показывают, что уровень доверия респондентов падает в связи с усталостью населения от опросов и отсутствия влияния результатов исследований на принятие управленческих решений [3]. Это характерно как для отечественной, так и для зарубежной социологии. Тенденция такова, что опросов на политическую тематику проводится довольно много, а видимого положительного влияния на жизнь респондентов они не оказывают, в результате чего мотивация отвечать социологам у людей снижается [13]. В России такая тенденция обостряется из-за негативного опыта опросов 1990-х гг. В те времена исследователи столкнулись с двумя благоприятными для проведения опросов явлениями. С одной стороны, вынужденное молчание в советское время порождало у людей желание высказаться, а с другой — постсоветский человек воспринимал социологов как представителей власти и использовал участие в опросах как способ рассказать властям о своих проблемах. Сочетание этих двух явлений вызвало в 1990-е гг. резкий рост мотивации участвовать в опросах. Однако уже к началу 2000-х гг. россияне поняли, что решить проблемы с помощью социологов у них не получается, а желание высказаться постепенно удовлетворилось в условиях свободы слова 1990-х гг. и стало неуклонно снижаться. В результате желание разговаривать с социологами уже в 2000-е гг. значительно снизилось [1]. И.В. Задорин еще в 2012 г. отмечал снижение доверия к опросам общественного мнения в России, выделяя две основные причины такой ситуации: недостоверность/неполнота информации об исследованиях и их авторах и дискредитация исследователей как мимикрирующих под них и дискредитирующих их акторами (телефонное мошенничество, продажи, реклама и т. п.), так и политическими манипуляциями опросными данными [4]. Недоверие, в свою очередь, часто приводит к прерыванию респондентами интервью (это показано при анализе эмпирических данных).

Несмотря на довольно подробную разработанность темы прерываний интервью в массовых телефонных опросах на политическую тематику в корпусе исследований, проведенных на российских опросных данных, почти отсутствуют исследования прерываний интервью респондентами телефонных опросов, проведенных после начала острой фазы российско-украинского конфликта, который значительно повлиял на политическую ситуацию в России и, соответственно, способен повлиять на мотивацию респондентов участвовать в политических опросах в целом и в опросах на военно-политическую тематику в частности. К редким исключениям можно отнести результаты прослушивания аналитиками Russian Field ответов респондентов на проведенные компанией опросы россиян о военных действиях на Украине¹. Однако эти исследования на-

¹ «Не хочу, и точка». С какими интонациями респонденты отказываются от участия в опросе? // Russian Field. — URL: <https://russianfield.com/snovaotkaz> (дата обращения: 30.06.2024); Опасаетесь ли Вы при-

правлены, скорее, на изучение причин более распространенных отказов, а тема причин прерываний интервью в телефонных опросах на политическую тематику недостаточно раскрыта. Что касается распространенности прерываний интервью, то каскадный анализ прерванных и успешных интервью, проведенный авторами статьи с февраля 2022 г. на материалах более 30 опросов на тему специальной военной операции на Украине на всероссийских выборках, показывает, что доля прерванных от общего количества интервью колеблется в диапазоне от 25 до 38% и зависит от длины анкеты. Несмотря на то что этот уровень относительно невысок и не сильно влияет на кооперацию респондентов², потенциально он может привести к значимым смещениям результатов опросов [5].

Методология исследования

Исследование проведено в два этапа.

Первый этап. Метод: телефонный опрос (CATI) на тему отношения россиян к военному противостоянию с Украиной, проведенный с 24 по 29 января 2024 г. исследовательской компанией «Хроники»³. N = 1619 успешных и 888 прерванных интервью. Выборка стратифицирована по федеральным округам. Ошибка выборки не превышает 2,31% при уровне значимости 95%. Базы контактов сгенерированы случайным образом на основании диапазонов, выдаваемых Минцифры РФ операторам мобильной связи на 2022 г. Опрос проводился только по мобильным номерам, поскольку покрытие населения мобильной связью в России на сегодняшний день почти сплошное, что побудило исследовательские компании (ВЦИОМ, Russian Field, ExtreamScan, Фонд социальных исследований и др.) отказаться от использования стационарных номеров в телефонных опросах. На каждый номер сделано от трех до пяти попыток контакта (за исключением получивших конечный код достижимости за меньшее число попыток) в разное время суток (с 10:00 до 22:00) с интервалом между звонками не менее 4 ч. Всего было проведено более 500 тыс. автоматических дозвонков.

Второй этап. Методы: контент-анализ аудиозаписей интервью с респондентами и качественный анализ документов, а именно аудио-

нимать участие в опросах? // Russian Field. — URL: <https://russianfield.com/strashnievoprosy> (дата обращения: 30.06.2024); Доклад Екатерины Нойкиной на XIII Грушинской конференции. — URL: <https://conf.wciom.ru/program2023/section/?uid=24> (дата обращения: 30.06.2024).

² Под кооперацией респондентов здесь мы понимаем отношение числа успешно завершенных интервью к сумме успешно завершенных и незавершенных интервью с прошедшими отбор респондентами. Этот показатель (коэффициент кооперации COOP1) измеряется в соответствии с профессиональным стандартом AAPOR и свидетельствует о готовности респондентов участвовать в опросах и проходить их до конца

³ Авторы благодарят компанию «Хроники» (<https://www.chronicles.report>) за любезно предоставленные аудиозаписи для прослушивания.

записей интервью с респондентами, досрочно прервавшими опрос. Количественное исследование (контент-анализ) позволяет измерить распространенность причин прерывания респондентами интервью, а качественный анализ аудиозаписей интервью дает материалы для описания нарративов, стоящих за этими причинами прерывания опроса.

Выборка двухступенчатая:

1) на первом этапе выборка случайная, стратифицированная по федеральным округам. Она репрезентирует население России по полу, возрасту и федеральным округам проживания респондентов. По перечисленным параметрам проведен ремонт выборки, весовые коэффициенты рассчитаны на основе данных Росстата на 1 января 2023 г. В ходе первого этапа выборка составила 2507 интервью, среди них прерванных интервью 888;

2) на втором этапе выборка сплошная, сформированная методом основного массива. Отнести выборку к такому типу можно, поскольку число прослушанных интервью составляет значительно больше половины объема всей генеральной совокупности аудиозаписей прерванных интервью: из 888 прерванных интервью прослушано 538. Это число не выбиралось специально, оно достигнуто исходя из имевшихся у авторов ресурсов.

Анализируемый в данной работе опрос довольно типичен для исследований российско-украинского конфликта и по тематическому развороту, и по структуре анкеты. Отличается он от подобных ему только большей длиной анкеты (обычно ее заполнение не превышает 10–15 мин), что позволяет получить расширенное разнообразие прерываний ввиду большего числа вопросов. В то же время нам кажется особо ценным проанализировать именно типичный опрос, поскольку за время проведения специальной военной операции такие телефонные опросы проводили многие компании, однако в научной литературе по-прежнему остро не хватает подробного анализа аудиозаписей прерванных интервью с целью понять причины нежелания или невозможности респондентов продолжать опросы на военно-политическую тематику.

Структура анкеты

Анкета исследуемого опроса составлена из 7 блоков, содержащих в сумме 41 вопрос, три из которых заданы 1/3 выборки (E2.1–E2.3) и еще два (U8a–U8b) — 1/2 выборки, то есть выборка случайным образом разделена на равные части, и каждый из этих вопросов задан респондентам одной из них. Средняя длина успешного интервью составила 16 мин 7 с, то есть анкета оказалась довольно длинной, что могло увеличить число прерванных интервью. Если предположить, что прерывания респондентами опроса не зависят от специфики задаваемых вопросов, то вероятность прерывания интервью от вопроса к вопросу будет расти относительно равномерно без резких скачков или плато. Однако это совсем не так — вопросы кратно различаются по количеству прерываний на них интервью. Таким образом, можно утверждать, что на вероятность прерывания респондентами интервью значительно влияет специфика вопросов (табл. 1).

Таблица 1

Вопросы анкеты и число прерванных на них интервью*

Номер вопроса	Формулировка вопроса	Количество прерываний	Средняя длина вопроса (с)
A3	Если Вы гражданин России, то в какой области, крае или республике Вы проживаете постоянно последние полгода?	0	17,9
A4	Какой ОСНОВНОЙ род занятий у Вас в настоящее время?	23	25,52
A5	Какой у Вас наивысший уровень образования, подтвержденный дипломом, аттестатом?	28	12,94
A6	Какое из перечисленных описаний точнее всего соответствует материальному положению Вашей семьи?	20	45,9
A7	Скажите, пожалуйста, за последний год доходы Вашей семьи увеличились, уменьшились или в целом не изменились?	33	14,09
A8	Вы проживаете в городе, поселке городского типа или селе?	23	8,3
A9a	(Для жителей городов) В каком городе Вы живете?	34	8,61
A9b	(Для жителей сел и ПГТ) В каком районе Вы живете?	31	18,41
A10	К какой национальности Вы себя относите?	10	9,07
N1	Скажите, пожалуйста, последние полгода как часто Вы смотрели новости по телевизору?	25	17,83
N2	Последние полгода как часто Вы читали или смотрели новости в Интернете?	24	16,84
N3	Вы используете или не используете ви-пи-эн (VPN)?	20	9,44
N4	Из каких источников Вы получаете информацию о военной операции России на территории Украины? (Множественный выбор)	52	36,79
N5	Вы получаете информацию о спецоперации только из российских источников, из других источников или и из российских, и из других источников?	24	15,08
N6	Вы что-то слышали о следующих событиях в России и за рубежом, и если слышали, то важны они для Вас или не важны? (табличный вопрос)	90	72,94
U1	Скажите, пожалуйста, Вы поддерживаете или не поддерживаете военную операцию России на территории Украины? Затрудняетесь однозначно ответить или не хотите отвечать на этот вопрос?	31	16,99
U2a	(Для сторонников СВО) Как Вы относитесь к тем жителям России, которые НЕ поддерживают спецоперацию?	27	16,14
U2b	(Для противников СВО) Как Вы относитесь к тем жителям России, которые поддерживают спецоперацию?	17	15,27
U3	Вы лично или кто-то из Вашей семьи участвуете или участвовали в военных действиях в рамках спецоперации на территории Украины?	35	15,84

Продолжение таблицы 1

Номер вопроса	Формулировка вопроса	Количество прерываний	Средняя длина вопроса (с)
U4	Если Владимир Путин решит вывести российские войска с территории Украины и начнет переговоры о перемирии, НЕ достигнув поставленных целей спецоперации, Вы поддержите или не поддержите такое решение?	16	22,24
U5	Как Вы считаете, какая доля россиян поддержит решение Владимира Путина вывести войска? Дайте, пожалуйста, ответ в процентах, числом.	24	23,2
U6	ОДНИ полагают, что необходимо провести новую мобилизацию, чтобы заменить мобилизованных осенью 2022 г. ВТОРЫЕ — что нужно оставить все как есть. ТРЕТЬИ — что нужно вернуть мобилизованных домой, не проводя новую мобилизацию. Какая точка зрения Вам ближе?	65	35,87
U7	Как Вы считаете, за последний месяц ситуация в зоне военной операции изменилась в пользу России, в пользу Украины или ситуация за последний месяц не изменилась?	11	18,01
U8a	(Задается 1/2 респондентов) Одни полагают, что можно вернуть Украине присоединенные территории в обмен на предоставление России гарантий безопасности. Другие считают, что присоединенные к России территории возвращать нельзя. Какая из этих точек зрения ближе лично Вам?	19	23,75
U8b	(Задается 1/2 респондентов) Одни полагают, что присоединенные к России территории возвращать нельзя. Другие считают, что можно их вернуть Украине в обмен на предоставление России гарантий безопасности. Какая из этих точек зрения ближе лично Вам?	19	26,96
U9	Вы понимаете или не понимаете, какова конечная цель спецоперации на территории Украины?	30	14,66
U10	(Для тех, кто понимает цель СВО) Как Вы считаете, какова конечная цель спецоперации? (Открытый вопрос)	19	36,9
M1	За последний год Ваше материальное положение улучшилось, ухудшилось или в целом не изменилось?	11	13,21
M2	Как Вы полагаете, в ближайший год Ваше материальное положение улучшится, ухудшится или не изменится?	1	13,82
M3	На материальное положение Вашей семьи санкции, введенные против России, оказали или не оказали влияния? И если оказали, то положительное или отрицательное?	12	17,43
M4	На Ваш взгляд, куда следует расходовать государственные средства в первую очередь — на Вооруженные силы или на социальную сферу, включая пенсии, здравоохранение и образование?	8	22,98

Окончание таблицы 1

Номер вопроса	Формулировка вопроса	Количество прерываний	Средняя длина вопроса (с)
S1	За последние месяцы жизнь в Вашем населенном пункте в целом стала безопаснее, более опасной или ничего не изменилось?	5	15,78
E1	В марте в России пройдут выборы президента страны. Как Вы полагаете, после выборов президента России Ваша жизнь изменится в лучшую сторону, в худшую или заметных изменений после выборов не будет?	5	20,74
E2.1	(Задается 1/3 респондентов) Если выборы Президента России выиграет Владимир Путин, какие из перечисленных событий, на Ваш взгляд, произойдут в ближайший год? (Множественный выбор)	23	86,04
E2.2	(Задается 1/3 респондентов) Если выборы Президента России выиграет идеальный для Вас кандидат, какие из перечисленных событий, на Ваш взгляд, произойдут в ближайший год? (Множественный выбор)	21	93,51
E2.3	(Задается 1/3 респондентов) Какие из перечисленных событий Вы бы хотели, чтобы произошли в ближайший год? (Множественный выбор)	8	84,89
E3	Вы планируете или не планируете голосовать на выборах Президента России в марте этого года?	11	10,29
E4	(Для тех, кто планирует голосовать) Если Вы примете участие в выборах Президента России, то за кого из перечисленных кандидатов проголосуете?	13	30,5
E6	Как Вы полагаете, на выборах Президента России среди Ваших родственников, близких друзей большинство проголосуют за Владимира Путина, за другого кандидата или не станут принимать участие в выборах?	4	18,91
X1	Вы осуждаете или не осуждаете тех, кто уехал из России после начала СВО и не вернулся обратно?	7	14,48
X2	Одни люди относятся к россиянам, которые уклоняются от участия в СВО, с осуждением. Другие относятся к ним с пониманием. Какая позиция Вам ближе?	9	19,19

* Вопросы даны в том порядке, в каком они представлены в анкете, количество прерываний рассчитано по всему массиву прерванных интервью, а не только среди прослушанных.

Влияние особенностей анкеты и ее вопросов на прерывание интервью

Проанализируем распределение прерываний интервью по вопросам. Больше всего прерываний интервью пришлось на вопрос №6 про важность для респондента российских и мировых событий (90). Это самый длинный (72,94 с) после вопросов E2.1–E2.3 и единственный

табличный вопрос, поэтому отвечать на него респондентам было сложнее. Таким образом, наши данные подтверждают результаты исследований А.В. Турчик, показавших наибольшую прерываемость табличных вопросов [12]. На втором месте по количеству прерываний вопрос У6 про мобилизацию (65), не выделяющийся особой длиной (35,87 с), но с довольно длинной вопросной формулировкой. Поэтому наиболее вероятное объяснение его прерываемости состоит в сочетании длины формулировки вопроса с чувствительностью обсуждаемой в нем темы. Третье место по количеству прерываний разделили вопросы Е2.1–Е2.3, каждый из которых задавался 1/3 респондентов, а в сумме они собрали 52 прерывания. Это самые длинные вопросы в анкете — почти по полторы минуты каждый, чем и объясняется большое число прекращения интервью на них. Таким образом, длина вопроса, сложность его формулировки и чувствительность темы в наибольшей степени побуждают респондентов досрочно прекращать опрос. Тем самым подтверждается вывод К.М. Мануильской о том, что чувствительные и сложные вопросы чаще приводят к прерываниям [9].

Респонденты прерывают интервью по разным причинам. Одни из них исследователи могут устранить (длина анкеты, формулировки вопросов, уровень эмпатии интервьюера и т. п.), другие же без ущерба для достижения цели исследования устранить не получится (темы вопросов, занятость респондентов, качество связи и т. п.). Поэтому, чтобы понять, как можно снизить долю прерванных интервью, разделим все причины прерываний на устранимые и неустранимые. К первым отнесем те причины, которые можно устранить в ходе организации и проведения полевых работ или составления анкеты. Ко вторым — те, на которые не может повлиять ни интервьюер, ни исследовательская группа в целом.

Неустранимые причины досрочного прерывания интервью

Рассмотрим неустранимые причины досрочного прекращения интервью. Из 538 прослушанных прерванных интервью по неустранимым причинам завершилось подавляющее большинство — 470 (87%). Выделим 4 основные группы таких причин:

1) занятость респондента, из-за которой он не может продолжать интервью. Сюда относятся все причины, когда респонденту во время интервью стало некогда или некомфортно отвечать на вопросы (появились дела на работе, проснулся ребенок, кто-то из третьих лиц мешает проходить опрос, нужно ехать по делам, а анкета еще не закончена и т. п.). В интервью эта группа причин проявляется словами «извините, мне сейчас некогда», «не могу больше говорить», «мне работать надо — не могу с Вами так долго разговаривать», предшествующими прерыванию репликами на заднем фоне, плачем ребенка и т. п.;

2) неактуальность темы для респондента. К этой причине отнесены все ситуации, когда респонденту неинтересны обсуждаемые

вопросы или он признается, что плохо разбирается в них. Кодировается по ответам: «я ничего в этом не понимаю», «меня не интересуют эти события», «откуда я знаю?» и т. п. В эту же группу попадают и часто затруднявшиеся ответить участники опроса. По инструкции, если респондент 4 раза подряд на разные вопросы затрудняется ответить и/или отказывается отвечать, интервьюер должен прекратить его опрашивать, поскольку ценность содержательной части такого интервью невелика из-за слабой информированности респондента в теме опроса или нежелания ее обсуждать;

3) нежелание респондента обсуждать тему опроса. Включает различные варианты критики вопроса и его темы, артикуляции неготовности говорить на предлагаемые темы, все проявления подозрительности в отношении намерений организаторов опроса. Проявляется в ответах: «а у Вас все вопросы про политику?», «не хочу об этом говорить», «как такие вопросы можно задавать сейчас?», «а зачем Вам это знать?» и т. п.;

4) технические неполадки. К ним отнесены все технические трудности на стороне респондента: плохая связь, посторонние шумы, шипение, резкий обрыв связи, которому не предшествовали никакие признаки неготовности респондента отвечать на вопросы анкеты.

В отдельную группу выделены «другие причины». К ним отнесены те, которые не попадают в представленную классификацию, и случаи, когда причину прерывания выяснить не представляется возможным.

Распространенность неустранимых причин прерывания интервью представлена в таблице 2, где приведено количество прерываний интервью, случившихся по каждой из неустранимых причин, в каждом блоке вопросов. Все вопросы анкеты разделены на 7 блоков, они обозначены латинской буквой перед номером вопроса из таблицы 1. Вопросы каждого блока объединены общей темой. Поскольку количество вопросов в блоках разное, сравнивать блоки по количеству прерванных интервью в них некорректно. Однако можно сравнивать распределения причин прерываний, случившихся в каждом из блоков, как и общее распределение числа прерванных интервью по всей анкете.

Чуть больше половины прерываний по неустранимым причинам (52%) произошло из-за технических неполадок, это самая распространенная причина досрочных прекращений интервью (табл. 2). Еще 11% прерываний связаны с занятостью респондента. Таким образом, почти две трети прерываний в сумме (63%) не связаны с темой опроса, тогда как с тематикой опроса связано каждое третье прерванное по неустранимым причинам интервью (в сумме 33%: 29% — нежелание обсуждать тему и 4% — ее неактуальность для респондента). Иными словами, тема опроса оказывает существенное, но не основное влияние на количество прерываемых интервью. По другим причинам прервалось относительно немного анкет (4%), то есть предложенная нами классификация раскрывает большинство неустранимых причин прерываний опроса.

Таблица 2

Причины прерываний интервью по блокам анкеты

Тема блока	Причина прерываний интервью					Итого
	занятость	неактуальность темы для респондента	нежелание обсуждать тему	технические неполадки	другое	
U (СВО)	22	16	40	91	6	175
N (источники новостей)	15	2	45	61	6	129
A (социально-демографические вопросы)	5	1	43	26	3	78
E (выборы)	5	1	9	36	1	52
M (экономика)	1		1	26		28
X (отношение к уклоняющимся)	2			5		7
S (насилие)					1	1
Итого	50 (11%)	20 (4%)	138 (29%)	245 (52%)	17 (4%)	470 (100%)

Анализируя различия между блоками, отметим, что большим количеством прерванных интервью из-за темы исследования предсказуемо выделяется блок вопросов про отношение к российско-украинскому конфликту: 16 прерываний из-за неактуальности темы опроса и 40 — из-за нежелания ее обсуждать. Много было не пожелавших обсуждать источники политической информации (45) и отвечать на социально-демографические вопросы (43). В последнем случае прерывания вызваны опасением респондентов по поводу сохранения конфиденциальности своих данных. Таким образом, артикулированная И.В. Задориным проблема недоверия к социологам [4], снижающая мотивацию участвовать в опросах, действительно, имеет место и подтверждается эмпирически.

Описание неустранимых причин прерывания опроса на примерах из прослушанных интервью

Проанализируем подробнее диалоги из интервью, прервавшихся по тем или иным неустранимым причинам.

К занятости респондента отнесены такие ситуации, где он столкнулся с обстоятельствами, на которые не может повлиять. Например, во время прохождения интервью у одной из респонденток заплакал грудной ребенок, поэтому продолжить опрос не удалось.

- *Вы понимаете или не понимаете, какова конечная цель спецоперации на территории Украины?*
- *Понимаю [начинает плакать ребенок].*

- *Как Вы считаете, какова конечная цель спецоперации? Назовите ее.*
 - *Затрудняюсь.*
 - *Вам удобно сейчас говорить? А то слышу: ребенок плачет.*
 - *Давайте закончим.*
 - *Может быть, перенесем интервью? Мы перезвоним Вам чуть позже.*
 - *Не думаю, что мне будет удобно позже.*
 - *Ну, хорошо, извините за беспокойство. Всего доброго, до свидания.*
- Звонок завершился.

В данном случае респондентка пыталась одновременно заниматься ребенком и проходить интервью, но не смогла этого сделать, и она вынуждена была прекратить опрос.

В эту же группу причин попали ситуации, связанные со здоровьем респондента, например, когда человек рассчитывал, что сможет пройти анкету полностью, но состояние здоровья все же не позволило.

- *Вы понимаете или не понимаете, какова конечная цель спецоперации на территории Украины?*
- *Ну, в принципе, да, понимаю. Почему не понимаю?*
- *Как Вы считаете, какова конечная цель спецоперации? Открытый вопрос, ответьте своими словами.*
- *Прекратить. Зеленского убрать оттуда и прекратить все военные действия, чтобы украинцев оставили в покое. Давайте заканчивать, я в больнице лежу после операции, мне сказали — это на 5 секунд.*
- *Я не сказала «на 5 секунд», я сказала «на некоторое время».*
- *Все, давайте заканчивать.*
- *Все, поняла Вас.*

Звонок завершился.

Здесь пожилой респондент надеялся, что сможет пройти опрос, но столкнулся с открытым вопросом, в котором надо формулировать ответ своими словами. Это довольно трудно, особенно в ситуации проблем со здоровьем.

Также случаются ситуации, когда респонденты не смогли правильно рассчитать время, которое необходимо им на прохождение опроса.

- *Как Вы считаете, какая доля россиян поддержит решение Владимира Путина вывести войска? Дайте, пожалуйста, ответ в процентах, числом.*
- *Девушка, подскажите, пожалуйста, еще много вопросов? Просто мне нужно отвезить ребенка в школу, и я думала, что это недолго будет.*
- *Ну, минуты три-четыре.*

— Нет, простите, дальше я не могу отвечать, опаздываем.

— До свидания.

Звонок завершился.

В данном примере респондентка рассчитывала, что успеет пройти интервью быстрее, но оно затянулось, что вынудило ее прервать опрос. Увеличению числа таких причин способствует и довольно большая длительность опроса — в среднем около 16 мин. Это повышает вероятность возникновения у людей неотложных дел, или они могут неправильно рассчитать время для прохождения опроса, несмотря на предупреждение о длительности интервью в приветственном слове.

Неинформированность респондента о теме исследования или ее неактуальность для него часто включает ситуации, когда респондент, ощущая себя некомпетентным в данной теме, отвечает на 4 вопроса подряд «затрудняюсь ответить».

— Как Вы считаете, за последний месяц ситуация в зоне военной операции изменилась в пользу России, в пользу Украины или ситуация за последний месяц не изменилась?

— Не понял я, еще раз.

— Как Вы считаете, за последний месяц ситуация в зоне военной операции изменилась в пользу России, в пользу Украины или ситуация за последний месяц не изменилась?

— Даже не знаю, честно не знаю, не могу я на это ответить.

— Спасибо Вам за Ваши ответы. Всего Вам доброго, до свидания.

Интервьюер прервал опрос из-за того, что респондент затруднялся ответить на многие вопросы и продолжение опроса представлялось нецелесообразным в силу неинформированности респондента по исследуемой теме. В данном случае респондент пытался вникнуть в суть вопроса и дать ответ, но почувствовал неловкость, не сумев ответить.

Некоторые респонденты начинают критиковать кажущуюся им неинтересной тему вопроса.

— Вы что-то слышали о следующих событиях в России и за рубежом, и если слышали, то важны они для Вас или не важны? Обстрелы Белгорода и других населенных пунктов со стороны Украины. Слышали или не слышали?

— Нет, не слышала.

— Такое не слышали. Конфликт в Израиле и Секторе Газа — такое слышали событие?

— Нет. Если дальнейшие вопросы будут про эту [ненормативное слово], то я кладу трубку, мне дальше неинтересно отвечать.

— Я не знаю, что Вы [ненормативное слово] считаете.

— Ну, вот это вот — то, что Вы спрашиваете про войну. Вот это вообще муть какая-то. До свидания.

Звонок прервали.

В данном случае респондентка, столкнувшись с блоком вопросов о военно-политических событиях, не захотела на них отвечать, высказав отсутствие интереса к данной теме. Такая причина близка к следующей — к нежеланию обсуждать тему вопроса, но отличается тем, что это нежелание вызвано отсутствием интереса к теме, по крайней мере, высказываемым респондентом.

Иногда неинформированность респондента по нескольким вопросам анкеты вызывает у него раздражение, которое накапливается по мере прохождения опроса и проявляется при ответе на подобный вопрос, становящийся для респондента последней каплей.

- *ОДНИ полагают, что необходимо провести новую мобилизацию, чтобы заменить мобилизованных осенью 2022 г. ВТОРЫЕ — что нужно оставить все как есть. ТРЕТЬИ — что нужно вернуть мобилизованных домой, не проводя новую мобилизацию. Какая точка зрения Вам ближе?*
- *Как руководство решит, так и будет. Я тут при чем?! Я-то откуда знаю, как правильно надо?!*
- *То есть затрудняетесь ответить, верно?*
- *Ну, типа этого, да. До свидания.*

Звонок прервался.

В данном случае респондента возмущает то, что его просят ответить на вопрос, который он считает явно не входящим в зону своей компетенции, полномочий и интересов.

Нежелание обсуждать тему опроса является маркером ее сенситивности и может возникать по различным причинам. Многие респонденты не желают обсуждать тему российско-украинского конфликта по нескольким причинам. Рассмотрим их на примере прерванных интервью. Для некоторых респондентов тема военных действий становится сенситивной из-за участия в них близких родственников.

- *Из каких источников Вы получаете информацию о военной операции России на территории Украины: знакомые, родственники, коллеги, телевидение, радио, газеты, YouTube-каналы, Телеграм-каналы, интернет-сайты, «ВКонтакте», «Одноклассники», другие социальные сети, мессенджеры, Rutube-каналы?*
- *Ну, во всех есть. У меня есть Телеграм-каналы, есть «ВКонтакте»...*
- *Скажите, пожалуйста, Вы меня не услышали. Мы не спрашиваем, что у Вас есть. У нас вопрос: из каких источников Вы получаете информацию о военной операции России на территории Украины?*
- *Еще раз Вам говорю: мне [ненормативное слово] на эту военную операцию. Еще раз говорю я. Вы почему мне сейчас? Я одно Вам говорю: мне не надо это. По новостям я не смотрю, а Вы спрашиваете у меня такое.*
- *Я зачитываю все вопросы.*

- *У меня два брата воюют там. Я по телефону разговариваю. У меня два брата там воюют. Все, всего доброго, до свидания.*

Звонок прервали.

В данном звонке можно увидеть явный пример избегания, которое связано с травмирующими событиями, коснувшимися респондента. Человек старается отстраниться от неприятной для него темы, поскольку ему комфортнее не обсуждать пугающие темы, ведь решить данную проблему он не может.

Или другой пример сходной ситуации.

- *Скажите, пожалуйста, Вы поддерживаете или не поддерживаете военную операцию России на территории Украины? Затрудняйтесь однозначно ответить или не хотите отвечать на этот вопрос?*
 - *Пусть этот хохол прекращает нам воевать, пусть заткнется и не это самое. Мои внуки пусть домой приходят, не нужная война нам.*
 - *Ну, то есть Вы поддерживаете или не поддерживаете военную операцию?*
 - *Я не поддерживаю.*
 - *А как Вы относитесь к тем жителям России, которые поддерживают военную операцию?*
 - *Девушка, ну, хватит уже вопросы задавать, я не хочу. До свидания.*
- Звонок прервали.

В данном случае для респондента тема военного противостояния тоже болезненна из-за опасения за воюющих внуков, поэтому для него разговор об этом оказался неприемлемым.

Иногда респонденты прямо говорят о чувствительности для них затронутой темы и нежелании ее обсуждать. При этом имеется накопительный эффект: несколько сенситивных вопросов подряд могут привести к тому, что на одном из них в итоге терпение респондента заканчивается.

- *ОДНИ полагают, что необходимо провести новую мобилизацию, чтобы заменить мобилизованных осенью 2022 г. ВТОРЫЕ — что нужно оставить все как есть. ТРЕТЬИ — что нужно вернуть мобилизованных домой, не проводя новую мобилизацию. Какая точка зрения Вам ближе?*
- *Моя точка зрения такая, что мобилизация не нужна, потому что люди идут добровольно. Что-то у Вас вопросы какие-то каверзные, давайте прекратим, а то я начинаю нервничать. Спасибо, до свидания.*

После этого звонок прервали.

В данном случае можно говорить о том, что обсуждение темы военных действий и мобилизации вызывает у респондента подозрения и, возможно, опасения за конфиденциальность данных ответов и за собственную безопасность из-за высказанного мнения.

- *Вы получаете информацию о спецоперации только из российских источников, из других источников или и из российских, и из других источников? Какой ответ выбираете?*
- *Так, давайте сразу: если там вопросы про спецоперацию, то сразу пометайте «без ответа», потому что по телефону не комментирую и не обсуждаю. И Вам не советую тоже.*
- *Ну, здесь спрашивается: из российских или из тех и других.*
- *Ну, я ж уже ответил на вопрос, не хочу просто.*
- *Я Вам подсказываю, если Вы не можете ответить или не хотите: говорите сразу «затрудняюсь ответить». И все. Я поставлю, что Вы затрудняетесь.*
- *Так, давайте мы тогда опрос прервем.*
- *Вы затрудняетесь ответить на этот вопрос?*
- *Нет. Давайте мы опрос прервем. Я понял. Меня немного не устраивает, что Вы хотите узнать. Считайте, что наш разговор не состоялся. Всего доброго. До свидания.*

Звонок прервался.

Из диалога понятно, что респондент переживает о своей безопасности, поэтому не хочет обсуждать вопросы, которые касаются военного противостояния. Респондент понимает, что обсуждение с незнакомыми людьми острой темы военных действий может привести к проблемам в случае потери конфиденциальности его ответов, начиная от политических преследований и заканчивая конфликтами с окружением. Поэтому он предпочитает уклониться от обсуждения таких тем с незнакомыми людьми, не вызывающими у него доверия, к которым относятся организаторы опроса.

Вопрос про мобилизацию не только стал вторым по числу прерываний, но и собрал больше всего прерываний с артикулируемым респондентами подозрением относительно целей и задач опроса.

- *ОДНИ полагают, что необходимо провести новую мобилизацию, чтобы заменить мобилизованных осенью 2022 г. ВТОРЫЕ — что нужно оставить все как есть. ТРЕТЬИ — что нужно вернуть мобилизованных домой, не проводя новую мобилизацию. Какая точка зрения Вам ближе?*
 - *А какая цель вот этого опроса?*
 - *Ну, это для статистики. Составляют статистику, потом публикуют в средствах массовой информации все это.*
 - *Ну, я больше не хочу отвечать на вопросы, такие странные достаточно.*
 - *Там дальше будут вопросы про выборы, мы с Вами прошли большую часть.*
 - *Я больше не буду отвечать на такие вопросы неоднозначные.*
- Звонок прервался.

Таким образом, обсуждение военных действий и мобилизации вызывает тревогу у многих респондентов, побуждая их досрочно прекращать опрос.

Вопросы, касающиеся темы российско-украинского конфликта, у политически ангажированных респондентов вызывают подозрения относительно политической позиции организаторов опроса. Интерес к военной тематике они считают признаком принадлежности к противоборствующему политическому лагерю и выражают свои подозрения в утвердительной форме, тем самым получая для себя оправдание досрочного прекращения интервью.

- *Из каких источников Вы получаете информацию о военной операции России на территории Украины? Я читаю список: знакомые, родственники, коллеги, телевидение, радио, газеты, YouTube-каналы, Телеграм-каналы, интернет-сайты, «ВКонтакте», «Одноклассники», другие социальные сети, мессенджеры, Rutube-каналы?»*
- *От Сергея Конашенкова. От представителя нашего ведомства Конашенкова.*
- *Это что? Из того, что я перечислила, это что?*
- *Это все какая-то пропаганда. Мы смотрим непосредственно то, что нам показывают по телевизору. Конашенков — наш непосредственный представитель.*
- *Извините, пожалуйста, значит, Вы новости получаете по телевидению. Я Вас правильно поняла?*
- *Я понимаю, что Вы против Владимира Владимировича Путина звоните, настроить хотите или как?*
- *Я вообще не настраиваю ни на что.*
- *Я понимаю, про что диалог наш. Нравится ли Вам в стране? Все ли хорошо? Изменилось что? У нас замечательно в стране.*
- *Я таких вопросов даже не задавала, а Вы уже опережаете события.*
- *Да ладно, я все это знаю. Не надо задавать таких вопросов. Я слышу, о чем у нас речь идет. У нас замечательная страна, у нас все будет здорово.*

Звонок прервали.

С точки зрения радикальных сторонников действующей власти вопросы об экономической и политической ситуации в стране не подлежат обсуждению, поскольку являются общеизвестными фактами, а попытки выяснить отношение к ним вызывают у таких респондентов подозрение в том, что они говорят с политическими оппонентами, что для них неприемлемо.

У некоторых аполитичных респондентов усталость от военной тематики вызывает острое нежелание ее обсуждать.

- *Из каких источников Вы получаете информацию о военной операции России на территории Украины: знакомые, родственники, коллеги, телевидение, радио, газеты, YouTube-каналы, Телеграм-*

каналы, интернет-сайты, «ВКонтакте», «Одноклассники», другие социальные сети, мессенджеры, Rutube-каналы?»

- Я не получаю. Я даже об этом слышать не хочу. Мне это уже за прошлый год и за позапрошлый уже так [нецензурное слово], извините. Я уже слышать об этом не хочу.

Звонок прервали.

В данном случае подтверждается наш вывод из проведенного в начале военных действий исследования адаптации россиян к жизни в новых условиях: доминирующей стратегией адаптации стало избегание военной тематики [6]. Все, что возвращает людей к этой теме, угрожая тем самым успешности такой адаптационной стратегии, воспринимается довольно остро.

К **техническим неполадкам** относятся ситуации, когда во время интервью происходят сбои связи.

В число **других причин** попали ситуации, которые не подходят под категории, перечисленные выше. Например, один из звонков прервался из-за вмешательства третьего лица, высказавшего подозрительное отношение к организаторам опроса и вынудившего респондента прервать интервью.

- Если выборы Президента России выиграет Владимир Путин, какие из перечисленных событий, на Ваш взгляд, произойдут в ближайший год? Восстановление отношений с западными странами?
- Да, хотелось бы, чтобы изменилось все в лучшую сторону, чтобы никаких вот этих вот разборок, заморочек не было и чтобы не переживать, что там дальше будет.
- Перемирие с Украиной?
- [Голос третьего лица: «Тебя разводят».]
- Вас не слышно.
- [Голос третьего лица: «Я думала, тебе кто-то с учебы звонит. Сбрось».]

Звонок прервали.

В данном случае вмешательство в опрос третьего человека не позволило успешно завершить интервью.

Неустранимые причины прерывания интервью, связанные с темой исследования, отражают сенситивность военно-политической тематики для многих россиян. Организаторы опросов общественного мнения также не вызывают у таких респондентов доверия, в то время как вопросы, связанные с военными действиями, усиливают подозрительность респондентов, особенно это характерно для сторонников действующей власти и ее решения о начале военного противостояния. При этом если сторонники военного решения конфликта опасаются, что могут говорить с политическими оппонентами, то аполитичных респондентов пугают возможные проблемы от потери конфиденциальности их ответов.

Устранимые причины досрочного прерывания интервью

К устранимым причинам прерывания интервью респондентами отнесены такие, на которые исследователи могут повлиять без ущерба для достижения целей и задач опроса. Они связаны с недоработками исследовательской группы при создании инструментария исследования, организации и проведении опроса. В нашем случае к таким причинам отнесены следующие.

1. Формулировка вопросов или количество вариантов ответа на них. В телефонных опросах респондентам приходится воспринимать информацию на слух, держать в памяти формулировку вопроса и варианты, из которых необходимо выбрать ответ. Поэтому в телефонных опросах очень важно лаконично и понятными словами формулировать ответ. В противном случае респонденты могут не понять, неправильно понять или забыть то, о чем их спрашивают. Кроме того, сложные или длинные формулировки требуют дополнительных усилий при их восприятии, что может вызвать непонимание или раздражение респондента, его нежелание дальше отвечать на вопросы, которые ему трудно воспринимать. К этой группе отнесены все прерывания из-за непонимания формулировки вопроса, критического восприятия формы вопроса, требования пояснить его суть, переформулировать, сказать понятно. Кодировается по ответам «а по-русски можно?», «я не понимаю вопроса» и по ситуациям, когда прерыванию предшествуют такие ответы респондента, по которым видно, что он не понял или забыл, о чем его спрашивают.

2. Длина анкеты. При организации телефонных опросов следует понимать, что исследователи претендуют на время и усилия респондентов, фактически не давая им ничего взамен. Чем длиннее анкета, тем больше времени и сил придется потратить респонденту на ее прохождение. Соответственно, будет больше тех, кто не готов это делать и откажется от опроса или прервет его, когда надоест отвечать. Поэтому анкета должна быть как можно более краткой, какой возможно достичь целей и задач исследования. К прерываниям опроса из-за длины анкеты отнесены случаи, когда прекращению интервью предшествовали критика длины опроса и просьбы побыстрее его закончить: «очень длинная анкета», «я больше не хочу отвечать», «я уже устала», «очень долго» и т. п.

3. Поведение интервьюера. Ситуация телефонного опроса предполагает коммуникацию двух людей: интервьюера и респондента. Успешность интервью зависит от обоих. Если возможности влияния на респондента у исследователей ограничены, то подготовка интервьюеров очень важна при проведении опросов. Все интервьюеры перед каждым опросом проходят подробные инструктажи и в целом проходят обучение у специалистов исследовательских компаний. Однако, как верно отмечали Д.М. Рогозин и его коллеги, большая нагрузка на интервьюеров, их эмоциональное выгорание, отказы и не всегда адекватные ответы респондентов приводят к снижению качества проведения опросов [10; 11].

Иногда интервьюеры допускают некорректные реакции или высказывания в адрес респондента. Чаще всего это приводит к прерыванию опроса. Такие случаи некорректного поведения интервьюеров выделены в отдельную причину досрочных прекращений интервью.

4. В вариант «**другое**» попали те устранимые причины прерываний интервью, которые не попадали в основные три причины.

Из 538 прослушанных прерванных интервью по устранимым причинам завершилось 68 (13%), то есть значительно меньше, чем из-за неустраимых причин. Чаще всего к прерыванию приводила длина анкеты (37%), еще в 28% случаев — неприемлемые для респондентов формулировки вопросов (табл. 3). Настораживает значительная доля интервью, прекращенных из-за некорректного поведения интервьюеров (20%). По другим причинам прервались 15% анкет. Распределение устранимых причин прерываний по блокам показывает большое их количество в социально-демографическом блоке (11 случаев). Все они связаны с вопросом о доходах, изложенным в формулировке потребительских возможностей.

Таблица 3

Устранимые причины прерываний по блокам, количество ответов

Название блока	Причина прерывания интервью				Итого:
	формули- ровка вопросов	длина анкеты	поведение интервьюера	другое	
U (СВО)	7	8	7	5	27
N (источники новостей)	1	6	2	4	13
A (социально- демографические вопросы)	11	7	4		22
E (выборы)		1	1	1	3
M (экономика)		3			3
X (отношение к уклоняющимся)					0
S (насилие)					0
Итого	19 (28%)	25 (37%)	14 (20%)	10 (15%)	68 (100%)

**Описание устранимых причин прерываний на примерах
из прослушанных интервью**

Формулировка вопросов или количество вариантов ответа на них как причина досрочного прекращения респондентами интервью предполагает критику респондентами длины, логики вопроса или употребленных в нем понятий.

- Скажите, пожалуйста, Вы поддерживаете или не поддерживаете военную операцию России на территории Украины? Затрудняетесь однозначно ответить или не хотите отвечать на этот вопрос?
- Я не поняла вопроса.
- Скажите, пожалуйста, Вы поддерживаете или не поддерживаете военную операцию России на территории Украины?
- А по-русски можно? В смысле, что?
- Вы поддерживаете военную операцию или нет?
- Чтобы Россия, ну, ликвидировала все это? Чтоб война закончилась наконец-то? Я правильно поняла?
- Смотрите: Вы поддерживаете или не поддерживаете военную операцию России на территории Украины?
- Не знаю. Короче, я не поняла Ваш вопрос, что именно поддерживаю? Чтобы война закончилась? В общем, до свидания.

Звонок прервался.

В данном случае респондентка не поняла, о поддержке чего ее спрашивают: о начале военных действий или об их окончании. Кроме того, сложным ей показалось понятие «военная операция России на территории Украины».

Больше всего непонимания у респондентов вызвала формулировка вопроса о доходе, изложенная в форме градации потребительского статуса.

- Какое из перечисленных описаний точнее всего соответствует материальному положению Вашей семьи: «Денег не хватает даже на питание»; «На питание денег хватает, но не хватает на покупку одежды и обуви»; «На покупку одежды и обуви денег хватает, но не хватает на покупку крупной бытовой техники»; «Денег вполне хватает на покупку крупной бытовой техники, но мы не можем купить новую машину»; «Денег хватает на все, кроме таких дорогих приобретений, как квартира, дом»; «Материальных затруднений не испытываем, при необходимости могли бы приобрести квартиру, дом». Какой вариант?
- [Смеется.] Какой вариант? Цены сейчас какие... Вот если бы цены стали падать, то вот это да. Тогда бы даже не надо было пенсию по копейкам добавлять. А Вам бы спасибо сказал.
- «Денег не хватает даже на питание»?
- Ну, смотрите. За квартиру заплати. Это считай как в ипотеку залез, сразу по 10 штук отдавай каждый месяц. А еще надо за газ, за свет. Ладно, хоть итаны проносить можно так, что хватит до гробовой доски. Вообще, ничего не купишь.
- «На питание денег хватает, но не хватает на покупку одежды и обуви»?

- Нет, ну, как вот сказать, что на питание не хватает. А вот если я хочу купить красную рыбу, так я смотрю на нее, и у меня живот ломит от цены. Я никогда в жизни ее себе не куплю. Купил себе пачку масла, вот и радуюсь.
 - Вот я Вам зачитала варианты — какой из них Вам больше подходит?
 - Такой подходит, что денег не хватает на все.
 - То есть «Денег не хватает даже на питание»? Этот вариант?
 - Ну, хватает. Я же Вам все уже сказал.
- Звонок прервали.

В данном случае проявляется основная проблема этого вопроса: несоответствие шкалы вариантов ответа реальным потребительским трудностям респондента. Каждый из вариантов ответа включает разные потребительские статусы. Так, вариант о наличии денег на питание может включать разные ценовые сегменты этого питания: на обычное питание респонденту хватает денег, а на деликатесы — нет. То же самое и с другими потребительскими категориями, поэтому респондент не может ответить, это его раздражает и приводит к прекращению интервью.

К причине «длина анкеты» отнесены такие ситуации, когда респондент дает понять, что он заинтересован в ответах на вопросы, однако анкета кажется ему слишком длинной, и отвечать ему надоело. Иногда это сопровождается критикой слишком длинных вопросов или вариантов ответа на них.

- Вы что-то слышали о следующих событиях в России и за рубежом, и если слышали, то важны они для Вас или не важны? Протесты родственников и жен мобилизованных.
- Нет.
- Обстрелы Белгорода и других населенных пунктов со стороны Украины.
- Конечно, я сама живу в пограничном городе.
- Для Вас это важно или не важно?
- Важно, конечно.
- Протесты в Башкирии. Об этом что-то слышали или нет?
- Не слышала.
- Не слышали, угу. Конфликт в Израиле и Секторе Газа. Слышали?
- Да, конечно, слышала.
- Для Вас это важно или не важно?
- Ну, если это как-то повлияет на мировую систему, то, конечно, важно, а пока это очень далеко и нас не касается, то не важно.
- Какой вариант отметить?

- *В данный момент — нет.*
- *Следующий вопрос: проблемы с отоплением и водоснабжением в России. Об этом слышали?*
- *А что? У нас проблемы с отоплением и водоснабжением?*
- *Такое событие упоминается. Об этом Вы что-то слышали или нет?*
- *Не слышала. А скажите, пожалуйста, у Вас еще много вопросов?*
- *В среднем анкета занимает минут 15.*
- *Какая-то очень длинная анкета. Я больше не хочу отвечать, очень долго. Извините. До свидания.*

Звонок прервался.

В данном случае терпение респондентки закончилось при ответе на длинный табличный вопрос об актуальности для нее российских и мировых событий. Слишком длинный вопрос вызвал претензии респондентки и к длине анкеты в целом, что побудило ее прервать опрос.

Причина прерываний опроса в связи с **поведением интервьюера** объединила ситуации, когда интервьюер некорректно реагировал на слова респондента, что вызывало у последнего нежелание продолжать диалог в таком формате.

- *Одни полагают, что можно вернуть Украине присоединенные территории в обмен на предоставление России гарантий безопасности. Другие считают, что их возвращать нельзя. Какая точка зрения Вам ближе?*
- *Ну, я не знаю, я не политик и в политику не лезу, поэтому не могу ответить*
- *Да ну, это не политика! Это наши люди российские! Как Вы можете не интересоваться этим?*
- *Зачем Вы таким тоном разговариваете?*
- *До свидания!*

Интервьюер сам прекратил опрос.

Интервьюер начал открыто критиковать неинформированность респондента, что вызвало у последнего возмущение. Это привело к радикальной поломке коммуникации и вынудило интервьюера прекратить опрос.

К **другим устранимым причинам** относятся ситуации, которые не попадают ни в одну из описанных выше категорий. Например, случаи прерывания интервью, в которых несколько вопросов подряд оказались сенситивными для респондента, что побудило его прекратить опрос.

- *ОДНИ полагают, что необходимо провести новую мобилизацию, чтобы заменить мобилизованных осенью 2022 г. ВТОРЫЕ — что нужно оставить все как есть. ТРЕТЬИ — что нужно вернуть*

мобилизованных домой, не проводя новую мобилизацию. Какая точка зрения Вам ближе?

- *Вы знаете, наверное, я бы хотела, чтобы все вернулись домой. Как вообще можно хотеть оставить все как есть? Это заставляет меня переживать за наших людей.*
- *А как Вы считаете, за последний месяц ситуация в зоне военной операции изменилась в пользу России, в пользу Украины или ситуация за последний месяц не изменилась?*
- *Девушка, у Вас все вопросы какие-то нервные. Этой СВО и так хватает. Давайте обсудим что-то другое.*
- *Поняла Вас. Тогда на этом наше интервью окончено. Спасибо Вам. Хорошего дня, до свидания.*

Интервьюер сам прекратил опрос.

В данном случае каждый из вопросов на военно-политическую тематику сам по себе не стал непреодолимым препятствием для продолжения интервью, но слишком большое их число подряд вызвало у респондентки негативную реакцию. Это побудило ее отказаться отвечать на такие вопросы, и интервьюер был вынужден завершить опрос.

Проанализировав звонки, прерванные по устранимым причинам, можно сказать, что дробление анкеты на несколько исследований или сокращение количества вопросов в ней позволит улучшить качество исследования и увеличить количество завершенных интервью. Также важно обратить внимание на формулировки некоторых вопросов в анкете, особенно вопроса про доход респондента. Также важна дальнейшая работа с интервьюерами и помощь им в ситуациях эмоционального выгорания.

Выводы

Существуют три основных источника проблем, из-за которых не всегда получается успешно завершить интервью: 1) участники коммуникации (интервьюеры и респонденты); 2) тема исследования и 3) каналы связи. Согласно результатам исследования, чаще всего проблемы вызваны каналом связи: самой распространенной причиной досрочного прерывания интервью являются технические неполадки (245 прерванных интервью, или 46%). Сенситивность военно-политической темы опроса занимает второе место в списке причин прерываний (138 прерванных интервью, 26%). Проблемы, связанные с трудностями коммуникации участников опроса, стали третьими по распространенности. (83 прерванных интервью (15%), из них 14 связаны с некорректным поведением интервьюера).

Рассмотрим основные причины, из-за которых военно-политическая тематика является для россиян сенситивной.

Участие в военных действиях близких родственников или друзей побуждает респондентов опасаться за их жизнь и здоровье. Для них тематика военного противостояния — это часть их личных болезненных

переживаний, военно-политическое событие стало для них событием их судьбы, зачастую трагическим и травмирующим [7]. Звонок же незнакомого человека с напоминанием о тревожной теме заставляет переживать еще сильнее и часто возвращает к вытесненным травматическим размышлениям, что делает очень трудным обсуждение военных действий для таких респондентов.

Невозможность влиять на политические решения в сочетании с распространенностью конфликтов с окружением из-за мнений о военном противостоянии побуждает многих россиян отстраняться от его обсуждения и пытаться сохранить жизненный уклад таким, как если бы не было военных действий [8]. Звонок интервьюера становится лишним напоминанием о столь старательно избегаемой теме, поэтому обсуждать ее многие не готовы. Кроме того, у аполитичных респондентов накопилась усталость от темы российско-украинского конфликта, резко и надолго заполнившей информационное пространство. Они не готовы к той политизации, какой от них так или иначе требует вовлечение в данную тематику⁴.

Особо чувствительной является тема мобилизации. Размышлять о перспективах для себя или близких попасть на фронт в принудительном порядке многим неприятно, а у некоторых связанные с мобилизацией вопросы вызывают опасения за собственную безопасность. Поэтому респонденты стараются избегать обсуждения с незнакомым человеком столь тревожной для них и вызывающей опасения и подозрения темы.

Среди респондентов распространено подозрительное отношение к организаторам опроса. Причем сторонники действующего политического курса России выражают подозрение чаще его противников. Сторонники Путина и военного решения конфликта считают интерес исследователей к военной тематике признаком их принадлежности к противоборствующему политическому лагерю и артикулируют свои подозрения в утвердительной форме, получая тем самым оправдание для досрочного прекращения интервью. С точки зрения радикальных сторонников действующей власти, вопросы об экономической и политической ситуации в стране не подлежат обсуждению, поскольку являются общеизвестными фактами, а попытки выяснить отношение к ним вызывают у таких респондентов подозрение в том, что они говорят с политическими оппонентами, что для них неприемлемо.

Соотношение устранимых и неустранимых причин в прослушанной выборке составило 68 : 470, или 13% : 87%, то есть потенциал для сокращения числа прерываний недостаточно велик.

⁴ См. отчет Лаборатории публичной социологии: «Надо как-то жить». Этнография российских регионов во время войны. На материалах осени 2023 г. Аналитический отчет / Под ред. С. Ерпылевой, А. Каппинен. — URL: <https://www.publicsociologylab.com/report3> (дата обращения 20.07.2024).

Стоит также отметить влияние длины вопросов и анкеты в целом на количество прерываний интервью: чем длиннее анкета и ее вопросы, тем больше случается прерываний. Исходя из этого, лаконичность формулировок вопросов (сокращение их длины, избегание табличных вопросов в телефонных опросах, уменьшение числа вариантов в номинальных шкалах), сокращение длины анкеты до 10 мин и работа с эмоциональным выгоранием интервьюеров позволят сократить число прерываемых интервью. Кроме того, вопрос о доходе в форме градации потребительских возможностей респондента слишком абстрактен и чаще всего вызывает непонимание у респондентов. Поэтому от него следует отказаться, заменив либо шкалой в денежном выражении дохода на каждого члена семьи респондента, либо шкалой оценок респондентом своего материального положения, которую использует ВЦИОМ (очень хорошее, скорее хорошее, среднее, скорее плохое, очень плохое).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Звоновский Владимир Борисович — доктор социологических наук, профессор, кафедра социологии и психологии, Самарский государственный экономический университет. **Телефон:** +7 (846) 229-67-33. **Электронная почта:** zvb@socio-fond.com

Ходыкин Александр Владимирович — кандидат социологических наук, социолог, Фонд социальных исследований. **Телефон:** +7 (961) 380-43-26. **Электронная почта:** a.khodykin@socio-fond.com

Раскевич Александра Владимировна — студентка, кафедра социологии и психологии, Самарский государственный экономический университет. **Телефон:** +7 (987) 963-97-12. **Электронная почта:** raskevichav@gmail.com

Research Article

**VLADIMIR B. ZVONOVSKY¹, ALEXANDER V. KHODYKIN²,
ALEXANDRA V. RASKEVICH¹**

¹ Samara State University of Economics.

141, Sovetskoi Armii Str., 443090, Samara, Russian Federation.

² Social Research Institute.

70, Krasnoarmeiskaya Str., 443041, Samara, Russian Federation.

**REASONS FOR PREMATURELY TERMINATING AN INTERVIEW BY RESPONDENTS
IN NATIONAL POLLS REGARDING THE RUSSIAN-UKRAINIAN CONFLICT**

Abstract. Interrupted interviews reduce respondents' cooperation and can lead to systematic sample shifts, which calls into question the representativeness of the survey data obtained. Sensitive survey topics, such as the discussion of the Russian-Ukrainian conflict, may on more occasions encourage respondents to stop discussing them. Therefore it is especially important to investigate the matter of interrupted interviews in such surveys. The purpose of this article is to identify and describe the reasons for interview interruptions in surveys about military operations in Ukraine. Research methods: content analysis of audio recordings of interviews with respondents and traditional qualitative analysis of documents, namely audio recordings

of interviews with respondents who stopped the survey prematurely. Quantitative research (content analysis) allows you to measure the prevalence of reasons for respondents walking out of interviews, and qualitative analysis of audio recordings of interviews provides material to describe the narratives behind these reasons for walking away from a survey. Selection consists of two stages. At the first stage the sample is random, stratified by federal districts. It represents the Russian population by gender, age and federal districts of residence of the respondents. During the first stage, the sample consisted of 2507 interviews, including 888 interviews that were shut down. At the second stage, the sample is solid, formed by the method of the main array: 538 out of 888 interrupted interviews were listened to. Here are the main findings of the study. The reasons for shutting down an interview are divided into avoidable and unavoidable. Each of these groups of causes is classified into specific types of causes of interruptions. The ratio of avoidable and unavoidable causes in the listened to sample of recordings was 68 to 470 or 13% to 87%, that is, the potential to reduce the number of interruptions is quite small. It is worth noting how the length of the questions and the questionnaire as a whole influenced the number of interview interruptions: the longer the questionnaire and its questions, the more interruptions occurred. Therefore, conciseness when it comes to wording questions (reducing their length, avoiding tabular questions in telephone surveys, reducing the number of options in nominal scales), reducing the length of the questionnaire to 10 minutes and working with the emotional burnout of interviewers will reduce the number of shut down interviews. The sensitivity of military-political topics also increases the number of interruptions, but it is not yet possible to find a decent solution to this problem. All that researchers can do so far is minimize the number of military-political questions in the questionnaire, formulate them in the most comfortable way for respondents (hypothetically, with the possibility of refusal to answer, etc.) and “dilute” the questionnaire with less sensitive topics.

Keywords: Special Military Operation; Russian-Ukrainian Conflict; Interrupted Interviews; Telephone Surveys; Cooperation of Respondents.

For citation: Zvonovsky, V.B., Khodykin, A.V., Raskevich, A.V. Reasons for Prematurely Terminating an Interview by Respondents in National Polls Regarding the Russian-Ukrainian Conflict. *Sotsiologicheskii Zhurnal = Sociological Journal*. 2024. Vol. 30. No. 3. P. 31–60. DOI: 10.19181/socjour.2024.30.3.2

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Vladimir B. Zvonovsky — Doctor of Sociological Sciences, Professor, Department of Sociology and Psychology, Samara State University of Economics.
Phone: +7 (846) 229-67-33. **Email:** zvb@socio-fond.com

Alexander V. Khodykin — Candidate of Sociological Sciences, Sociologist, Social Research Institute. **Phone:** +7 (961) 380-43-26. **Email:** a.khodykin@socio-fond.com

Alexandra V. Raskevich — Student, Department of Sociology and Psychology, Samara State University of Economics. **Phone:** +7 (987) 963-97-12.
Email: raskevichav@gmail.com

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. А вы точно социологи? Нетолерантные истории о становлении социологии в регионах России / Под ред. А.Л. Романович; Ассоциация исследовательских компаний «Группа 789». М.: Перо, 2022. — 332 с.
A vy tochno sotsiologi? Netolerantnye istorii o stanovlenii sotsiologii v regionakh Rossii. [Are You Really Sociologists? Intolerant Stories About the Formation of Sociology in the Regions of Russia.] Ed. by A.L. Romanovich; Assotsiatsiya issledovatel'skikh kompanii “Gruppa 789”. Moscow: Pero publ., 2022. 332 p. (In Russ.)

2. Вьюговская Е.В., Rogozin Д.М., Сапонов Д.И. Каскадный анализ прерванных интервью в автоматизированном телефонном опросе // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2014. № 3. С. 3–25. DOI: 10.14515/monitoring.2014.3.01 EDN: SIGFOX
V'yugovskaya E.V., Rogozin D.M., Saponov D.I. Cascade Analysis for Breakoffs in a Computer-Assisted Telephone Interview. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny*. 2014. No. 3. P. 3–25. DOI: 10.14515/monitoring.2014.3.01 (In Russ.)
3. Галкин Т.А., Протасенко Т.З. Стратегии (не)доверия к социологическим исследованиям и опросам общественного мнения в период глобальных трансформаций // Власть. 2024. № 3. С. 195–204. DOI: 10.24412/2071-5358-2024-3-195-204 EDN: LBMLTZ
Galkin T.A., Protasenko T.Z. Strategies for (Not) Trust in Sociological Research and Opinion Polls in a Period of Global Transformation. *Vlast'*. 2024. No. 3. P. 195–204. DOI: 10.24412/2071-5358-2024-3-195-204 (In Russ.)
4. Задорин И.В. Кризис доверия к российской социологии как политическая проблема. Выступление на семинаре «Полития», 26.04.2012 // Сайт исследовательской группы «Циркон», 2012 [электронный ресурс]. Дата обращения 11.06.2024. URL: <https://www.zircon.ru/publications/sotsiologiya-sotsiologii-professionalnoe-soobshchestvo/krizis-doveriya-k-rossiyskoy-sotsiologii-kak-politicheskaya-problema/>
Zadorin I.V. The Crisis of Trust in Russian Sociology as a Political Problem. Presentation at the Seminar “Politics”, 26.04.2012. *Sait issledovatel'skoi gruppy "Tsirkon"*. [Website of the Zircon Research Group.] 2012. Accessed 11.06.2024. URL: <https://www.zircon.ru/publications/sotsiologiya-sotsiologii-professionalnoe-soobshchestvo/krizis-doveriya-k-rossiyskoy-sotsiologii-kak-politicheskaya-problema/> (In Russ.)
5. Звоновский В.Б., Ходыкин А.В. Российское общественное мнение в условиях военного конфликта 2022–2023. Chişinău: Historical Expertise, 2024. — 338 с.
Zvonovskii V.B., Khodykin A.V. *Rossiiskoe obshchestvennoe mnenie v usloviyakh voennogo konflikta 2022–2023*. [Russian Public Opinion in the Context of the Military Conflict 2022–2023.] Chisinau: Historical Expertise publ., 2024. 338 p. (In Russ.)
6. Звоновский В.Б., Ходыкин А.В. Стратегии адаптации сторонников и противников спецоперации к жизни в ее условиях (на примере жителей Самарской области) // Социологический журнал. 2023. Т. 29. № 1. С. 8–35. DOI: 10.19181/socjour.2023.29.1.1 EDN: DJLKYS
Zvonovsky B.V., Khodykin A.V. Adaptation Strategies of Opponents and Supporters of the Special Military Operation to the Current Situation (Based on Residents of Samara Region). *Sotsiologicheskii Zhurnal = Sociological Journal*. 2023. Vol. 29. No. 1. P. 8–35. DOI: 10.19181/socjour.2023.29.1.1 (In Russ.)
7. Звоновский В.Б., Ходыкин А.В. Государственное событие и личные трагедии: становится ли спецоперация коллективной травмой для россиян? // Социодиггер. 2023. Январь – февраль. Т. 4. Вып. 1–2 (24). С. 38–48.
Zvonovsky B.V., Khodykin A.V. State Event and Personal Tragedies: Is the Special Operation Becoming a Collective Trauma for Russians? *Sotsiodigger*. 2023. January – february. Vol. 4. Iss. 1–2 (24). P. 38–48. (In Russ.)

8. Звоновский В.Б., Ходыкин А.В. Восприятие россиянами конфликта с Украиной: проверка гипотезы «спирали молчания» // Социологические исследования. 2023. № 11. С. 38–50. DOI: 10.31857/S013216250028531-7 EDN: CAGJQ
Zvonovskii V.B., Khodykin A.V. Russians' Perception of the Conflict with Ukraine: Testing the "Spiral of Silence" Hypothesis. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2023. No. 11. P. 38–50. DOI: 10.31857/S013216250028531-7 (In Russ.)
9. Мануильская К.М. Инструменты для повышения эффективности автоматизированного телефонного опроса: на основе анализа прерванных интервью // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2014. № 6 (124). С. 28–41. DOI: 10.14515/monitoring.2014.6.03 EDN: TLOKCX
Manuil'skaya K.M. Tools to Increase the Effectiveness of the Computer-Based Telephone Survey (Based on the Interview Break-Offs Analysis). *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny*. 2014. No. 6 (124). P. 28–41. DOI: 10.14515/monitoring.2014.6.03 (In Russ.)
10. Rogozin D.M. В тени опросов, или Будни интервьюера. М.: Страна ОЗ, 2017. — 192 с.
Rogozin D.M. *V teni oprosov, ili Budni interv'yuera*. [In the Shadow of Polls, Or the Everyday Life of an Interviewer.] Moscow: Strana OZ publ., 2017. 192 p. (In Russ.)
11. Rogozin D.M., Ipatova A.A., Galieva N.I. Стандартизированное (телефонное) интервью. М.: Пункт, 2018. — 416 с. EDN: RNWHJD
Rogozin D.M., Ipatova A.A., Galieva N.I. *Standartizirovannoe (telefonnoe) interv'yu*. [Standardized (Telephone) Interview.] 2018. Moscow: Punkt publ., 2018. 416 p. (In Russ.)
12. Турчик А.В. Конверсационный анализ институционального взаимодействия: коммуникативные стратегии участников «прерванного» телефонного интервью // Социология власти. 2013. № 1–2. С. 122–154. EDN: RYRFEH
Turchik A.V. Conversational Analysis of Institutional Interaction: Communicative Strategies of Participants in an "Interrupted" Telephone Interview. *Sotsiologiya vlasti*. 2013. No. 1–2. P. 122–154. (In Russ.)
13. Юдин Г.Б.* Общественное мнение, или Власть цифр. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2020. — 174 с. EDN: UQVIZA
Yudin G.B. *Obshchestvennoe mnenie, ili Vlast' tsifr*. [Public Opinion, or the Power of Numbers.] St Petersburg: Izd-vo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge publ., 2020. 174 p. (In Russ.)
14. Groves R.M., Lyberg L.E. An Overview on Nonresponse Issues in Telephone Surveys. *Telephone Survey Methodology*. N.Y.: John Wiley & Sons, 2001. P. 191–211.

Статья поступила в редакцию: 07.07.2024; поступила после рецензирования и доработки: 21.07.2024; принята к публикации: 24.07.2024.

Received: 07.07.2024; revised after review: 21.07.2024; accepted for publication: 24.07.2024.

* Признан иностранным агентом по решению Минюста РФ.

С.В. СТАРЦЕВ¹

¹ Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики».

109028, Москва, Покровский бульвар, д. 11.

АНАЛИЗ УСТАНОВОК ИССЛЕДОВАТЕЛЯ В ПРОЦЕССЕ ИЗУЧЕНИЯ СЕНСИТИВНЫХ ТЕМ: ОПЫТ ИНТЕРВЬЮИРОВАНИЯ УЧАСТНИКОВ ВОЕННЫХ КОНФЛИКТОВ¹

Аннотация. Статья посвящена методологическим проблемам, возникающим при проведении качественных интервью на чувствительные темы, в частности с участниками военных конфликтов. Автор анализирует противоречие между традиционным требованием нейтральности исследователя и необходимостью установления доверительного контакта с информантом. На примере собственного опыта интервьюирования участников боевых действий в Афганистане и на Украине демонстрируется, что строгое следование принципу нейтральности может препятствовать получению глубокой информации. Предлагается альтернативный подход, основанный на честности, авторефлексии и процессуальной объективности. Автор утверждает, что открытое выражение исследователем собственной позиции и готовность к диалогу позволяют преодолеть «стену сопереживания» и установить продуктивный контакт даже при значительных расхождениях во взглядах. Статья вносит вклад в дискуссию о балансе между научной беспристрастностью и вовлеченностью исследователя в качественной социологии. Предложенные методологические рекомендации могут быть полезны при проведении исследований по сложным социальным и политическим темам.

Ключевые слова: исследования вооруженных конфликтов; установки интервьюера; объективность исследователя; изучение военной идентичности; авторефлексия; качественная методология.

Для цитирования: Старцев С.В. Анализ установок исследователя в процессе изучения чувствительных тем: опыт интервьюирования участников военных конфликтов // Социологический журнал. 2024. Том 30. № 3. С. 61–75. DOI: 10.19181/socjour.2024.30.3.3 EDN: HEUFQL

¹ Автор выражает благодарность Елене Рождественской, коллегам, принимавшим участие в семинаре проектной группы «Опыт локальных конфликтов», а также Михаилу Мальцеву, Алексею Рыжкову, Евгении Шмелевой и Светлане Бирюковой за полезные комментарии и идеи по совершенствованию данного текста. Автор отдельно благодарит рецензентов и редакторов журнала, давших ценные замечания к тексту. Статья основана на результатах работы проектной группы «Опыт локальных конфликтов: переработка, ресоциализация, инвалидность» при поддержке факультета социальных наук НИУ ВШЭ (2023–2024 гг.).

Реакция исследовательских объектов

Интервьюирование уже давно не описывается как отчужденный инструмент, который интервьюер использует как ланцет, умело и ловко забывая о людях и услышанном от них, когда приходит домой с работы [19, p. 141–156; 22]. Напротив, вопросы степени погружения, разделения сфер жизни, формата отношений между исследователем и людьми, которых он изучает, становятся первоочередными вопросами этики полевого исследования. Объекты исследований не рассматриваются как пассивные «вещи», ожидающие, когда их исследуют и объяснят. Они активно вторгаются в жизнь исследователей, навязывая им эмоции и интенции, которые те не желали испытывать, они становятся причинами моральных дилемм, неочевидных поступков и сомнений [28]. Все это не оспаривается в современной теории и методологии социальных наук [52]². Однако объекты исследований не в равной мере становятся причинами такой турбулентности — можно говорить о том, что существует наблюдаемая связь между остротой социальных проблем и неоднозначностью исследовательского позиционирования по отношению к изучаемой тематике [22; 36; 44].

Исследования, тесно связанные с социальными проблемами, становятся «всепоглощающими», то есть проектами, которые своей эмоциональной нагруженностью полностью завладевают внутренним состоянием исследователя [15, p. 7]. Такие исследования связаны не только с конвенциональным набором социальных проблем вроде неравенства, бедности, насилия, вопросов перераспределения благ, но и с темами, которые признаются не просто тяжелыми с точки зрения невозможности исправить ситуацию на структурном — и часто на персональном — уровне, но и опасными для «моральной гигиены» [17], отвратительными и отталкивающими как для исследователя, так и для всего академического сообщества [12, p. 121]. Ультраправые и националисты [26], милитаристы [39], солдаты и носители военной идентичности [13] — вот некоторые из тематических ориентаций, заставляющих ученого более внимательно рефлексировать и выбирать определенную этическую и познавательную позицию. Моральные дилеммы в изучении этих процессов, групп, общественных движений и явлений проистекают уже не из трудностей из-за переживания проблем информантов и невозможности изменить их жизнь³, а связаны

² Проблематичный характер интервью и взаимовлияние интервьюера и интервьюируемого были зафиксированы еще социологами США до Второй мировой войны [34; 35], однако в явной, манифестируемой форме этот акцент был сделан только в конце XX — начале XXI в. [46]. Так или иначе цель данной статьи не в прослеживании генеалогии или написании истории идеи «сомнения» в интервью как в исследовательском методе.

³ Сами исследователи так описывают ощущения, которые преследуют их после длительных и интенсивных проектов: «*Это почти как плыть на лодке, а потом вернуться домой, и ты все еще “неустойчив”*». <...> *Это неустойчивое*

с легитимацией и тиражированием взглядов, резко контрастирующих со взглядами академической среды [20; 16].

Однако указание исключительно на идеологическую несовместимость объекта исследования и самого исследователя не может быть исчерпывающим ответом, так как наиболее важными здесь оказываются не причины такого отношения к этим темам со стороны исследователей, а то, как последние пытаются отразить, описать и преодолеть подобное методическое противоречие [42]. Один из способов для интервьюера: следовать конвенциональной методической рекомендации быть нейтральным. Однако это требование на практике оказывается более проблематичным, чем может показаться на первый взгляд.

О проблематичности нейтральности интервьюера

Требование к исследователю быть объективным и нейтральным в ходе интервью призвано исключить две типичные аберрации — это переизбыток эмпатии (*over-rapport*) и адвокация информантов и противоположное состояние — недостаток эмпатии и, как следствие, неполная и ограниченная в плане информации беседа. В отличие от переизбытка эмпатии [40], недостаток близости и полная невозможность выстраивать ее с информантом именно по инициативе исследователя все еще остается слабо освещенной тематикой в методологических работах [17]. Разговор с людьми, например, имеющими военную идентичность, часто формируется именно во второй логике, когда исследователю приходится преодолевать «стену сопереживания» в связи с критической разницей между ценностями академического сообщества и военных институтов [29, р. 5]. Это «препятствие для глубокого понимания другого человека, которое может заставить нас чувствовать себя равнодушными или даже враждебными к тем, кто придерживается других убеждений». Техники преодоления недостатка, как и избытка, эмпатии зачастую базируются на балансе между нейтральностью и вовлеченностью⁴ исследователя [45; 38; 18; 2]. Однако на практике эти требования оказываются невыполнимыми [8].

По мнению большинства авторов, в общем виде нейтральность должна обеспечивать высокое качество получаемых данных: интервьюер не участвует в формировании ответа информанта, не «предзадает» его высказывание, не оценивает ответ респондента [25; 53]. На первый взгляд это требование является очевидным, так как в противном случае исследовательское интервью рискует превратиться в скандальную жур-

чувство было со мной все время. <...> И я всегда думаю: “Как у них сейчас дела? Где они сейчас?” <...> Да, я думаю о них, и я почти... я все еще слышу их голоса. Да, вы все еще слышите голоса и все еще чувствуете разговоры, которые вы вели с ними» [24, р. 10].

⁴ Существует широкий репертуар синонимичных категорий: «беспристрастность», «объективность», «эмпатичность». Их нюансирование не является целью данного исследования и зависит от конкретного авторского стиля.

налистскую беседу [14], угадывание замысла интервьюера и удовлетворение его ожиданий [52] и многие другие виды «плохого» интервью. Однако проблема возникает на этапе конкретного общения исследователя и информанта: что *именно* необходимо делать, чтобы быть нейтральным? В какой момент нейтральность перерастает в безэмоциональную и механизированную коммуникацию? Что следует делать в тех случаях, когда информант начинает делиться интимными историями своей болезни [5] или, например, делать расистские заявления [55]? Информант может начать говорить о противозаконных поступках, которые он совершал во время участия в боевых действиях [30], или озвучивать позицию — политическую, этическую и проч., — которая резко противоречит тому, как видит этот мир исследователь. Что в этом случае следует делать интервьюеру: промолчать, сменить тему, указать информанту на его «ошибку»? Приведенный список неудобных коммуникативных инцидентов можно продолжать бесконечно.

Баланс «эмпатической» и «исследовательской» установок

Сущностная нейтральность нейтральности исследователя в ходе интервью ничего не прибавляет к пониманию того, каким образом необходимо выстраивать стратегию в ходе качественного исследования, например, с носителями военной идентичности. Помимо требуемой нейтральности, ситуацию интервью осложняет другое — контрдикторное по своей сути — требование: быть вовлеченным в беседу с информантом. От интервьюеров ожидается, что они не будут устанавливать слишком доверительные отношения с информантами, а от информантов, в свою очередь, то, что они будут делиться личным — и часто травмирующим — с исследователем [49; 4]. В некоторых случаях травмирующее будет непосредственной темой интервью, а не его отдельным эпизодом [41].

В итоге два главных принципа интервьюирования — нейтральность и вовлеченность, гарантирующих установление доверительного контакта, начинают противоречить друг другу [43, р. 670], что еще более осложняет полевую работу исследователя и обсуждение полученных результатов. Это методическое противоречие является причиной противоположности практических рекомендаций, которые даются различными исследователями. Кроме того, это противоречие — один из поводов игнорирования исследователями эмоционального труда интервьюеров в ходе проведения опросов: существуют работы (которых, однако, не так много), подчеркивающие сложность и *анти*нейтральность качественных интервью, когда в ходе последних исследователям приходится терпеть оскорбления и работать с массой других «человеческих» особенностей межличностной коммуникации [21].

По поводу данного противоречия ряд исследователей, особенно работающих в широко понимаемой интеракционистской парадигме, указывают, что интервью вообще не может быть нейтральным до тех пор, пока в нем участвуют живые люди [47; 23]. Фонтана и Фрей,

рассматривая методическую эволюцию интервью, указывают, что сначала оно было инструментом диагностики патологий, а потом стало инструментом адвокатиrowания патологии и ее «нормализации». Они утверждают: если коммуникативная нейтральность не может быть реализована, то следует рассматривать это не как методологическую слабость, а как часть общей технологии интервьюирования и исследовательской установки. Иными словами, нейтральность интервью заканчивается в тот момент, когда интервьюер задает первый вопрос информанту, так как озвученный вопрос не является нейтральным инструментом социологического познания [25].

Сложно спорить с тем, что интервью, в принципе, возможно рассматривать как инструмент беспристрастного исследования. В 1926 г. Эмори Богардус описывал разнообразные роли, которые принимает на себя интервьюер в ходе исследовательского разговора [41]. Врач, юрист, священник, журналист, детектив, социальный работник, психиатр и психоаналитик — все эти роли и стратегии проведения разговора применяются исследователями в полевой практике. Это значит, что не может существовать какого-либо единственно правильного варианта реализации интервью. Беседа с одним и тем же человеком может развиваться по различным — зачастую конфликтующим — сценариям. Однако каждый интервьюер и информант рассчитывают на минимальный набор ситуативных атрибутов [27; 50]. Такой гармонизированный сценарий сводится к ролевому взаимодействию, когда интервьюер задает вопросы, а информант на них отвечает. Нейтральность и вовлеченность в таких случаях поддерживаются и активно утверждаются в процессе интервью, оставаясь хотя и редко проблематизируемыми, но все же контролируемыми элементами беседы.

В изучении вопросов войны и мира ряд исследователей рассматривали опасности, связанные с насилием, как препятствия, которые необходимо преодолевать в том числе с помощью беспристрастности [48]. Однако в современных конфликтах, таких как связанные с Палестиной или Украиной, исследователи неизбежно пристрастны, так как их работа, состоящая в изучении конфликтов и мира, всегда подразумевает необходимость иметь какую-либо точку зрения [32].

Синиса Малесевич считает, что социологи в значительной степени игнорируют область изучения вопросов войны и мира именно в связи с неспособностью исследователей поменять свою ориентацию на изучение нормативно отрицательных вещей. Малесевич считает, что такое систематическое пренебрежение теоретическими и эмпирическими исследованиями войны и мира связано с гегемонией пацифистского переосмысления классики после двух тотальных войн XX в. Иными словами, вопрос вновь перемещается в плоскость нейтрального и вовлеченного отношения к изучаемым объектам и заведомого отнесения обладателей военной идентичности к тем, кто не должен быть услышан [37].

Возражение, что исследователь должен в первую очередь нормативно следовать научной беспристрастности, — тавтология, который, как

мы показали относительно интервьюирования, редко можно реализовать в исследовательской практике. Аргумент эпистемологически более высокого порядка можно найти в интерпретации А. Шюцем веберовского *понимания* (Verstehen). Понимание не является уникальным, сугубо научным инструментом. Понимание социолога трансформируется из понимания обыденной жизни ординарных социальных акторов [6]. Именно поэтому восприятие исследователем наиболее важных и острых проблем сначала проистекает из его базовой идентификации как элемента феноменального жизненного мира, и только после этого он, как отмечает Шюц, «заявляя позицию ученого, “замещает” свою персональную биографическую ситуацию тем, что, по примеру Ф. Кауфмана, я назову научной ситуацией» [7]. Именно конфликт двух миров — научного и «человеческого» — приводит исследователя, осознавшего неспособность решить проблему интервьюируемого, к фрустрации [10].

Опыт интервьюирования военнослужащих и способы преодоления ролевого конфликта

Современная этнография и качественная социология уже давно описали тот подготовительный когнитивный процесс, который часто оформляется в автоэтнографические замечания и ауторефлексию по поводу исследования [3]: информантов, самого исследователя, результатов, целей и способов использования полученных данных. Используя эти инструменты, на примере нашего исследования участников боевых действий мы хотели бы выйти дальше «того паралича, который возник в результате непрекращающегося [социологического. — С.С.] метаанализа, одержимого тропами, позиционностью, этикой, открытостью и множественностью объектов и слабостями профессионализации» [51, р. 7], и предложить свои ответы на поставленные вопросы.

Интервью, которые послужат иллюстрацией к описанным выше проблемам, проводились в рамках проекта «Опыт локальных конфликтов: переработка, ресоциализация, инвалидность» в 2022–2024 гг. Мы беседовали с участниками боевых действий на территории Афганистана и Украины, чтобы проанализировать специфический боевой опыт, который становится основой военной и ветеранской идентичности. Часто интервью предшествовали неформальные разговоры, посвященные как целям исследования, так и более неформальным темам, которые, однако, также требовали от нас осознанной реакции. Цитаты из таких разговоров будут приводиться благодаря записям в дневниках и мемо, которые мы составляли после встреч с нашими информантами.

В ходе интервью мы часто говорили о событиях и людях, которые непосредственно относятся к боевым действиям, и сознательной стратегией было не «сокрытие слона в комнате» — напротив, мы явно

подчеркивали разницу наших биографий⁵. Мы говорили, что у нас не было не только опыта участия в военных конфликтах, но и опыта прохождения службы в Вооруженных Силах России. Четкое осознание границ исследовательской ситуации и ситуации интервью нами и нашими собеседниками снимало конфликтность разговора и приоритизировало его гуманистическую сторону.

Интервьюер: *Я в армии не служил никогда, поэтому не понимаю немного, как устроено боевое слаживание. В чем суть этого?*

Информант: *Да, смотри, это нужно всегда для <...>*

Интервьюер: *Я на войне не был, и, наверное, не буду уже...*

Информант: *Не зарекайся [смеется], успеешь еще.*

Интервьюер: *Из меня солдат, наверное, неважный будет, я не служил в ВС, оружие в руках не держал.*

Информант: *Ладно, учись, война не для всех, я расскажу, что смогу <...>*

Интервьюер: *Какое Ваше отношение к противнику, насколько к нему есть уважение как к врагу?*

Информант: *Противник, мишень.*

Интервьюер: *И все?*

Информант: *Конечно, кто он? Я не собираюсь с ними детей крестить и по душам разговаривать. Но знаю, как они целую аллею детскую [Аллея Ангелов в Донецке. — С.С.]... издеваются, наших пацанов режут.*

Интервьюер: *А если бы Вы к ним в плен попали, я думаю, что не хотели бы такого отношения к себе от них?*

Информант: *А оно будет в любом случае.*

Мы также часто обозначали наши взгляды на оценку некоторых исторических и современных событий, используя эти расхождения не как способ провокации конфликта, а как стимул к активизации разговора. Нежелание некоторых исследователей раскрывать информацию о себе проистекает из убеждения, что необходимое для интервью качество отношений может достигаться только путем уступки собственных этических, эстетических и иных позиций [9]. Такая интерпретация оказывается контрпродуктивной в рамках исследования. Мы же пытались приблизиться к тому, что Д. Рогозин, ссылаясь на коллективную монографию К. Эллис, Т. Адамса и А. Бохера, называет рефлексивным интервью: когда информант и исследователь постоянно меняются местами, обсуждая ход интервью и реагируя на рефлексии и эмоции друг друга [3]. На адресованные информантами вопросы о некоторых провокационных ситуациях российского общества⁶ мы отвечали честно, совместно производя полученное в интервью знание.

⁵ Характерна фраза, которая часто хотя и звучала не в нашу сторону, но все же обнажала разницу опытов: «Человек, который не был на войне, никогда не поймет того, кто на ней был».

⁶ Обилие риторических вопросов по поводу людей, которые сознательно отказывались участвовать в частичной мобилизации, часто достигало кри-

Информант: *Вот к тем, кто сбегает, кто там Ларсы штурмует на самокатах, — ну, как к ним относиться можно?*

Интервьюер: *Им страшно, скорее всего, было <...> Всем тогда страшно было, переживали многие, потому что не ожидали такого <...> Я тоже тогда не знал, как на это реагировать, не знал, что дальше будет, потому что вроде и учусь, а вроде и студентам повестки приходят.*

Каждое интервью мы начинали с преамбулы, в которой напоминали, что хотим понять определенный аспект опыта нашего собеседника. Формат биографического интервью — именно этот дизайн мы выбрали в качестве основного — предполагал фазу свободного повествования. Мы никак не перебивали и не останавливали рассказчиков, не поправляли их, когда они, например, использовали определенные этнофолизы, относящиеся к их противникам. Такое поведение может вводить в смущение: как отмечали некоторые исследователи, они испытывают стыд из-за умалчивания своей позиции по тому или иному вопросу [49; 56]. Это, однако, не приближало нас к первостепенной цели — к пониманию военного опыта и военной идентичности, того, что их отличает от опыта гражданских, в чем их особенность и отличительная черта, а главное — как сами участники боевых действий формулируют и вербализируют такой опыт. Чтобы преодолеть вопросы идеологии и позиционирования, парализующие, как было сказано выше, исследовательскую работу, мы обратились к принципам, которые могли бы помочь более внятно и конкретно объективировать — в смысле Бурдьё — изучаемых людей и наши исследовательские установки. Эти принципы приведены в исследовании Д. Захле, посвященном объективности в качественных исследованиях [55].

Среди шести принципов объективности исследования Захле выделяет описательную адекватность. Такая адекватность должна соответствовать тому, что говорят и думают сами информанты: их слова должны быть переданы точно, а точки зрения не должны затемняться или ретушироваться исследователем. Отказ от исправления прямой речи информантов строится именно на такой логике: фиксация всего, что говорят информанты, остается залогом приближения к исследовательской объективности.

Такого же рода объективность должна иметь процессуальный оттенок. В интервью мы старались применять эти принципы следующим образом: описательная адекватность как главный принцип и процессуальная объективность как полный отказ от «заигрываний» с информантами, идентитарной гимнастики, которая будет проявляться в подстройке своих реплик и поведения под «правильные» ожидания

тической точки, и эти вопросы превращались в прямые, артикулированные интервьюеру. В таких случаях мы с оглядкой на технику рефлексивного интервью высказывали свою искреннюю точку зрения, оставаясь в сформированных ситуацией рамках этики беседы.

информанта. Мы стремились блокировать те вербальные и невербальные акты, которые обостряли бы проблему, возникающую, «когда осуждение заменяет объяснение, что и происходит, если некоторые явления рассматриваются как отклонения, лишённые какой-либо объяснимой причины» [33].

Интервьюер: *В связи с чувством патриотизма Вы пошли [добровольцем]?*

Информант: *А почему нет? Как бы пафосно ни звучало, я Родину люблю.*

Интервьюер: *Нет, не звучит так. Я так понимаю, что и отношение к тому, что началось в 2014 году, у Вас тоже было вполне однозначное. Вы поддерживали Донецк и Луганск?*

Информант: *Ну да. Тем более Украины как таковой же не было, это пусть они спасибо скажут дяде Вове Ленину.*

Акцент на понимании сообществ чаще оказывается более полезным, чем воинствующая этнография [31, р. 64]. Для большего контроля самих себя мы постоянно возвращались к коллегам, чтобы воплотить другое условие процессуальной объективности — «буферную зону». Это пространство критической автономии исследователей от любых внешних агентов: представителей государственной власти, информантов и групп, с которыми они ассоциированы, академических функционеров и пр. [11]. Этот шаг был важен в связи с тем, что сенситивные темы часто оказываются притягательной мишенью для рефрейминга со стороны описанных агентов.

После всех наших интервью оставалось преимущественно одно ощущение: разговор прошёл с обычными людьми, жизнь которых состоит из наполненных сильными, экзотическими смыслами периодов. Они охотно делились своими историями, не испытывая (по нашим ощущениям) отчуждения от своих биографий и не демонстрируя агрессию по поводу несовпадения наших взглядов. На прямые вопросы о наших политических взглядах мы давали честные ответы, а собеседники, как хочется верить, были честны с нами.

Если мы в ходе интервью старались быть искренними с информантами, то ряд исследователей, напротив, предлагают комбинировать две стратегии — нейтрального и вовлечённого интервьюера, — используя их в зависимости от конъюнктурных целей и задач исследования [8]. Они показывают, что и нейтральная и вовлечённая позиции являются *ситуативными* практиками, с помощью которых интервьюер пытается обеспечить этичное слушание, сохраняющее точку зрения информанта на рассказываемые события. Однако такая точка зрения переводит дискуссию в пространство спора об «искусстве качественных методов» и сразу становится уязвимой для критики со стороны тех, кто справедливо упрекает практиков качественной методологии в склонности эзотеризировать ее навыки и знания [1].

Заключение

Разговор о том, в каком техническом исполнении качественная методология избавиться от всех изъянов, принципиально невозможен, и данная статья не имеет подобных амбиций. Именно такой литанией должно заканчиваться любое исследование, посвященное тому или иному аспекту качественных исследований, и мы не будем исключением.

Цель данной статьи в том, чтобы проблематизировать традиционные установки исследователя и продемонстрировать, что он не оператор ограниченного набора исследовательских техник, а интерактивный собеседник, который может реагировать на информанта настолько различными, в том числе негативными, способами. Подобная ситуация становится заметной в связи с такими особыми темами, имеющими высокое гуманитарное и социальное значение, как война, преступления, расовые предрассудки, терроризм. В таких областях исследователю трудно быть беспристрастным и интервьюировать информантов так, как будто они не имеют прошлого, не совершали поступков и не думают иначе, чем мы.

На примере интервью с участниками военных конфликтов на территории Афганистана и Украины было продемонстрировано, что исследователю не всегда приходится жертвовать своими мировоззрением, ценностями или попросту притворяться тем, кем он не является, чтобы расположить собеседника к разговору. Напротив, благодаря использованию стратегии честности, авторефлексивности, четкому улавливанию запросов ситуации, а также приверженности процессуальной и субстанциональной объективности исследователю удастся «очеловечить» разговор, который ранее казался неприятным.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Старцев Сергей Вячеславович — аспирант, факультет социологии; стажер-исследователь, Международная лаборатория исследований социальной интеграции, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». **Телефон:** +7 (495) 531-00-00 * 11803.

Электронная почта: sstartsev@hse.ru

Research Article

SERGEY V. STARTSEV¹

¹ HSE University.

11, Pokrovsky Boulevard, 109028, Moscow, Russian Federation.

ANALYZING THE RESEARCHER'S ATTITUDES IN THE PROCESS OF STUDYING SENSITIVE TOPICS: THE EXPERIENCE OF INTERVIEWING PARTICIPANTS OF MILITARY CONFLICTS

Abstract. The article is devoted to methodological problems that arise when conducting high-quality interviews on sensitive topics, in particular with participants of military

conflicts. The author analyzes the contradiction between the traditional requirement of researcher neutrality and the need to establish trust with an informant. Using the example of our own experience in interviewing people who participated in combat operations in Afghanistan and Ukraine, it is demonstrated that strict adherence to the principle of neutrality can get in the way of obtaining in-depth information. An alternative approach based on honesty, self-reflection and procedural objectivity is proposed. The author argues that the researcher's open expression of his own position and willingness to engage in dialogue make it possible to overcome the "wall of empathy" and establish productive contact even given significant differences in views. The article contributes to the discussion on the balance between scientific impartiality and researcher's involvement in qualitative sociology. The proposed methodological recommendations can be useful in conducting research on complex social and political topics.

Keywords: military studies; interviewer's attitudes; researcher's objectivity; study of military identity; self-reflection; qualitative methodology.

For citation: Startsev, S.V. Analysis of the Researcher's Attitudes in the Process of Studying Sensitive Topics: the Experience of Interviewing Participants of Military Conflicts. *Sotsiologicheskii Zhurnal = Sociological Journal*. 2024. Vol. 30. No. 3. P. 61–75. DOI: 10.19181/socjour.2024.30.3.3

Acknowledgments. The author expresses gratitude to Elena Rozhdestvenskaya, colleagues who participated in the seminar of the project group "Experience of local conflicts", as well as Mikhail Maltsev, Alexey Ryzhkov, Evgenia Shmeleva and Svetlana Biryukova for useful comments and ideas on improving this text. The author would like to thank the reviewers and editors of the journal for their valuable comments on the text. The article is based on the results of the work of the project group "Experience of local conflicts: processing, re-socialization, disability" with the support of the Faculty of Social Sciences of the Higher School of Economics (2023–2024).

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Sergey V. Startsev — Graduate Student, Department of Sociology;
Research Intern, International Laboratory of Social Integration Studies, HSE University.
Phone: +7 (495) 531-00-00 * 11803. **Email:** sstartsev@hse.ru

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Батыгин Г.С., Девятко И.Ф. Миф о «качественной социологии» // Социологический журнал. 1994. № 2. С. 28–42. EDN: TZKHOJ
Batygin G.S., Devyatko I.F. The Myth of "Qualitative Sociology". *Sotsiologicheskii Zhurnal = Sociological Journal*. 1994. No. 2. P. 28–42. (In Russ.)
2. Квале С. Исследовательское интервью / Пер. с англ. М.Р. Мироновой; Под ред. Д.А. Леонтьева. М.: Смысл, 2003. — 301 с. EDN: QXGGCB
Kvale S. Interviews: An Introduction to Qualitative Research Interviewing. [Russ. ed.: *Issledovatel'skoe interv'yu*. Transl. from Eng. by M.R. Mironova, ed. by D.A. Leont'ev. Moscow: Smysl publ., 2003. 301 p.]
3. Рогозин Д. Как работает автоэтнография? // Социологическое обозрение. 2015. Т. 14. № 1. С. 224–273. EDN: TRRRBD

- Rogozin D. How Autoethnography Works. *Sotsiologicheskoe obozrenie*. 2015. Vol. 14. No. 1. P. 224–273. (In Russ.)
4. *Рогозин Д.* Этнографическое интервью: научная пьеса в двух действиях и способ ее интерпретации // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2018. Т. 10. № 16. С. 26–49. DOI: 10.19181/inter.2018.16.3
 Rogozin D. Ethnographic Interview: Science Play in Two Acts and Interpretation Techniques. *Interaktsiya. Interv'yu. Interpretatsiya*. 2018. Vol. 10. No. 16. P. 26–49. DOI: 10.19181/inter.2018.16.3 EDN: VPHVCI (In Russ.)
 5. *Старцев С.В., Рождественская Е.Ю.* Как уходят в альтернативную медицину: кризис доверия в коммуникации врача и онкопациента // Журнал социологии и социальной антропологии. 2022. Т. 25. № 2. С. 96–126. DOI: 10.31119/jssa.2022.25.2.5 EDN: JWDPTQ
 Startsev S.V., Rozhdestvenskaya E.Yu. “There Is Nothing Left but to Trust Anyone”: A Crisis of Trust in the Communication of a Doctor and an Onco-Patient. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii*. 2022. Vol. 25. No. 2. P. 96–126. DOI: 10.31119/jssa.2022.25.2.5 (In Russ.)
 6. *Шюц А., Парсонс Т.* Теория социального действия: переписка / Пер. с англ. А. Корбута; Под ред. Р. Гратхоффа. М.: Элементарные формы, 2021. — 224 с.
 Schutz A., Parsons T. *Teoriya sotsial'nogo deistviya: perepiska*. [Theory of Social Action: Correspondence.] Transl. from Eng. by A. Korbut, ed. by R. Gratkhoff. Moscow: Elementarnye formy publ. 224 p. (In Russ.)
 7. *Шюц А.* Формирование понятия и теории в социальных науках // Вестник культурологии. 2003. № 1. С. 5–24. EDN: EVEMTR
 Schutz A. Concept and Theory Formation in the Social Sciences. *Vestnik kul'turologii*. 2003. No. 1. P. 5–24. (In Russ.)
 8. Alby F., Fatigante M. Preserving the Respondent's Standpoint in a Research Interview: Different Strategies of 'Doing' the Interviewer. *Human Studies*. 2014. Vol. 37. P. 239–256. DOI: 10.1007/s10746-013-9292-y
 9. Back L., Solomos J. Doing Research, Writing Politics: The Dilemmas of Political Intervention in Research on Racism. *Economy and Society*. 1993. Vol. 22. No. 2. P. 178–199. DOI: 10.1080/03085149300000010
 10. Bashir N. The Qualitative Researcher: The Flip Side of the Research Encounter with Vulnerable People. *Qualitative Research*. 2020. Vol. 20. No. 5. P. 667–683. DOI: 10.1177/146879411988480
 11. Bennett H., Brunner R. Nurturing the Buffer Zone: Conducting Collaborative Action Research in Contemporary Contexts. *Qualitative Research*. 2022. Vol. 22. No. 1. P. 74–92. DOI: 10.1177/1468794120965373
 12. Blee K.M. Ethnographies of the Far Right. *Journal of Contemporary Ethnography*. 2007. Vol. 36. No. 2. P. 119–128. DOI: 10.1177/0891241606298815
 13. Broch-Due V. *Violence and Belonging: The Quest for Identity in Post-Colonial Africa*. L.: Routledge, 2004. 261 p.

14. Bull P., Elliott J. Level of Threat: A Means of Assessing Interviewer Toughness and Neutrality. *Journal of Language and Social Psychology*. 1998. Vol. 17. No. 2. P. 220–244. DOI: 10.1177/1468794120965373
15. Clark J.N. Post-Research Reflexivity in Qualitative Research: Through Cloaks and Cross-Threading. *Qualitative Research*. 2023. Vol. 10. No. 1. P. 1–7. DOI: 10.1177/146879412311196
16. Cofnas N., Carl N., Woodley of Menie M.A. Does Activism in Social Science Explain Conservatives' Distrust of Scientists? *The American Sociologist*. 2018. Vol. 49. No. 6. P. 135–148. DOI: 10.1007/s12108-017-9362-0
17. Damhuis K., de Jonge L. Going Nativist. How to Interview the Radical Right? *International Journal of Qualitative Methods*. 2022. Vol. 21. DOI: 10.1177/16094069221077761
18. Delin J. *The Language of Everyday Life: An Introduction*. L.; Thousand Oaks; New Delhi: Sage, 2000. 224 p. DOI: 10.4135/9781446218631
19. Denzin N. *The Cinematic Society and The Reflexive Interview*. *Postmodern Interviewing*. Ed. by J. Gubrium, J. Holstein. Thousand Oaks: Sage, 2003. 280 p. DOI: 10.1007/s12115-012-9558-4
20. Denzin N.K. *The Qualitative Manifesto: A Call to Arms*. L.: Routledge, 2018. 124 p. DOI: 10.4324/9780429449987
21. Dickson-Swift V., James E.L., Kippen S., Liamputtong P. Researching Sensitive Topics: Qualitative Research as Emotion Work. *Qualitative research*. 2009. Vol. 9. No. 1. P. 61–79. DOI: 10.1177/1468794108098031
22. *Engaged Observer: Anthropology, Advocacy, and Activism*. Ed. by V. Sanford, A. Angel-Ajani. New Brunswick, NJ: Rutgers University Press. 2006. 272 p.
23. Fontana A., Frey J.H. From Neutral Stance to Political Involvement. *Handbook of Qualitative Research*. Ed. by N.K. Denzin., Y.S. Lincoln. SAGE Publications, 2005. P. 695–727.
24. Garrels V., Skåland B., Schmid E. Blurring Boundaries: Balancing Between Distance and Proximity in Qualitative Research Studies with Vulnerable Participants. *International Journal of Qualitative Methods*. 2022. Vol. 21. No. 10. DOI: 10.1177/16094069221095655
25. Gerson K., Damaske S. *The Science and Art of Interviewing*. N.-Y.: Oxford University Press, 2020. 292 p. DOI: 10.1093/oso/9780199324286.001.0001
26. Gingrich A., Banks M. *Neo-Nationalism in Europe and Beyond: Perspectives from Social Anthropology*. Berghahn Books, 2006. 312 p. DOI: 10.3167/9781845451899
27. Goffman E. *Relations in Public: Microstudies of the Public Order*. L.: Routledge, 2017. 424 p. DOI: 10.4324/9781315128337
28. Hedican E.J. Understanding Emotional Experience in Fieldwork: Responding to Grief in a Northern Aboriginal Village. *International Journal of Qualitative Methods*. 2006. Vol. 5. No. 1. P. 17–24. DOI: 10.1177/160940690600500102

29. Hochschild A.R. *Strangers in Their Own Land: Anger and Mourning on the American Right*. N.-Y.; L.: The New Press, 2016. 368 p.
30. *How to End a War: Essays on Justice, Peace, and Repair*. Ed. by G. Parsons, M. Wilson. Cambridge University Press, 2023. 244 p.
31. Juris J. Performing Politics: Image, Embodiment, and Affective Solidarity During Anti-Corporate Globalization Protests. *Ethnography*. 2008. Vol. 9. No. 1. P. 61–97. DOI: 10.1177/1466138108088949
32. Krause J. The Ethics of Ethnographic Methods in Conflict Zones. *Journal of Peace Research*. 2021. Vol. 58. No. 3. P. 329–341. DOI: 10.1177/0022343320971021
33. Laclau E. *On Populist Reason*. L.; N.-Y.: Verso, 2005. 250 p.
34. Lee R.M. David Riesman and the Sociology of the Interview. *The Sociological Quarterly*. 2008. Vol. 49. No. 2. P. 285–307. DOI: 10.1111/j.1533-8525.2008.00116.x
35. Lee R.M. Interviewing, Social Work, and Chicago Sociology in the 1920s. *Qualitative Social Work*. 2018. Vol. 17. No. 5. P. 639–658. DOI: 10.1177/1473325016680727
36. Low S.M., Merry S.E. Engaged Anthropology: Diversity and Dilemmas: An Introduction to Supplement. *Current Anthropology*. 2010. Vol. 5. No. S2. S203–S226. DOI: 10.1086/653837
37. Malešević S. How Pacifist Were the Founding Fathers?: War and Violence in Classical Sociology. *European Journal of Social Theory*. 2010. Vol. 13. No. 2. P. 193–212. DOI: 10.1177/1368431010362298
38. Mallozzi C.A. Voicing the Interview: A Researcher's Exploration on a Platform of Empathy. *Qualitative Inquiry*. 2009. Vol. 15. No. 6. P. 1042–1060. DOI: 10.1177/1077800409334227
39. Mann M. *Fascists*. Cambridge; L.: Cambridge University Press, 2004. 330 p.
40. Miller S.M. The Participant Observer and “Over-Rapport”. *American Sociological Review*. 1952. Vol. 17. No. 1. P. 97–99. DOI: 10.2307/2088368
41. Morgan M. *How to Interview Sexual Abuse Victims: Including the Use of Anatomical Dolls*. Thousand Oaks: Sage Publications, 1994. 143 p. DOI: 10.4135/9781483326849
42. Morris A. *A Practical Introduction to In-Depth Interviewing*. Los Angeles: Sage Publications, 2015. 160 p. DOI: 10.4135/9781473921344
43. Patton M.Q. *Qualitative Research and Evaluation Methods: Integrating Theory and Practice*. Thousand Oaks: Sage publications, 2014. 670 p.
44. Pilkington P. *Loud and Proud: Passion and Politics in the English Defence League*. Manchester: Manchester University Press, 2016. 328 p. DOI: 10.7765/9781526114013
45. Richards K. Using Micro-Analysis in Interviewer Training: ‘Continuers’ and Interviewer Positioning. *Applied Linguistics*. 2011. Vol. 32. No. 1. P. 95–112. DOI: 10.1093/applin/amq040

46. Scheurich J.J. A Postmodernist Critique of Research Interviewing. *International Journal of Qualitative Studies in Education*. 1995. Vol. 8. No. 3. P. 239–252. DOI: 10.4324/9781315043258
47. Skovlund H., Lerche Mørck L., Celosse-Andersen M. The Art of Not Being Neutral in Qualitative Research. *Qualitative Research in Psychology*. 2023. Vol. 20. No. 3. P. 363–381. DOI: 10.1080/14780887.2023.2223529
48. Sluka J.A. Managing Danger in Fieldwork with Perpetrators of Political Violence and State Terror. *Conflict and Society*. 2015. Vol. 1. No. 1. P. 109–124. DOI: 10.3167/arcs.2015.010109
49. Smyth L., Mitchell C. Researching Conservative Groups: Rapport and Understanding Across Moral and Political Boundaries. *International Journal of Social Research Methodology*. 2008. Vol. 11. No. 5. P. 441–452. DOI: 10.1080/13645570701401636
50. *The SAGE Handbook of Interview Research: The Complexity of The Craft*. Ed. by J.F. Gubrium, J.A. Holstein, A.B. Marvasti, K.D. McKinney. Thousand Oaks: Sage Publications, 2012. 624 p.
51. Tolich M., Iphofen R. *The SAGE Handbook of Qualitative Research Ethics*. Thousand Oaks: Sage Publications, 2018. 585 p. DOI: 10.4135/9781526435446
52. Thomas W.I. Race Psychology: Standpoint and Questionnaire, with Particular Reference to the Immigrant and the Negro. *American Journal of Sociology*. 1912. Vol. 17. P. 725–775. DOI: 10.1086/212034
53. Wacquant L. For a Sociology of Flesh and Blood. *Qualitative Sociology*. 2015. Vol. 38. P. 1–11. DOI: 10.1007/s11133-014-9291-y
54. Weiss R.S. *Learning from Strangers: The Art and Method of Qualitative Interview Studies*. N.-Y.: Simon & Schuster, 1995. 256 p.
55. Zahle J. Objective Data Sets in Qualitative Research. *Synthese*. 2021. Vol. 199. P. 101–117. DOI: 10.1007/s11229-020-02630-2
56. Zhang T., Okazawa R. Managing Neutrality, Rapport, and Antiracism in Qualitative Interviews. *Qualitative Research*. 2022. Vol. 23. No. 6. DOI: 10.1177/14687941221110183

Статья поступила в редакцию: 25.03.2024; поступила после рецензирования и доработки: 04.08.2024; принята к публикации: 05.08.2024.

Received: 25.03.2024; revised after review: 04.08.2024; accepted for publication: 05.08.2024.

СОЦИОЛОГИЯ ОБРАЗОВАНИЯ

DOI: 10.19181/socjour.2024.30.3.4

EDN: HXNMKB

А.В. ФИЛЬКИНА¹, Д.С. КЛЕВЦОВ¹

¹ Национальный исследовательский «Томский государственный университет». 634050, Томск, просп. Ленина, д. 34а.

ОЦЕНКА ЭФФЕКТИВНОСТИ МЕРОПРИЯТИЙ ПО ВОВЛЕЧЕНИЮ ШКОЛЬНИКОВ В НАУКУ (STEM) В КОНТЕКСТЕ КОНЦЕПЦИИ ВОВЛЕЧЕННОСТИ И МОТИВАЦИОННЫХ ТЕОРИЙ: ОБЗОР ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ СТРАТЕГИЙ¹

Аннотация. В российском контексте недостаточно развита практика описания концептуальной рамки образовательных программ по вовлечению школьников в науку и эмпирических исследований их эффективности. Цель статьи заключается в выявлении актуальных теоретических концепций и измерительных инструментов в сфере оценки эффективности образовательных интервенций по вовлечению школьников в науку (STEM). В первой части статьи делается обзор ключевых аспектов концепции вовлечения и наиболее популярных мотивационных теорий в исследованиях образования школьников. Во второй части анализируются 10 конкретных кейсов исследований, демонстрирующих, как именно в рамках этих теоретических направлений реализуются исследования по оценке эффективности образовательных интервенций с акцентом на инструментарий и измеряемые концепты. Экскурс в поле зарубежных прикладных исследований в данной области может быть полезен как вклад в популяризацию доказательного подхода в целом, а также актуальных концептов и исследовательских стратегий в области оценки узкопрофильных образовательных программ.

Ключевые слова: вовлеченность в STEM; мотивационные теории в образовании; оценка эффективности образовательных интервенций.

Для цитирования: Филькина А.В., Клевцов Д.С. Оценка эффективности мероприятий по вовлечению школьников в науку (STEM) в контексте кон-

¹ Исследование выполнено при поддержке программы развития Томского государственного университета (Приоритет-2030).

цепции вовлеченности и мотивационных теорий: обзор исследовательских стратегий // Социологический журнал. 2024. Том 30. № 3. С. 76–97. DOI: 10.19181/socjour.2024.30.3.4 EDN: HXNMKB J

Введение

Образование STEM (Science, Technology, Engineering, Mathematics — наука, технология, инженерное дело и математика) стало объектом повышенного внимания и интенсивных исследований на протяжении последних 15 лет. Это связано с тем, что данные области критически важны для современного технологического прогресса и экономического роста [27]. Следует отметить, что программы STEM не только передают знания по дисциплинам, но и ориентированы на развитие междисциплинарных навыков, что важно для успешной карьеры в этих областях [25; 30]. Во многих развитых странах (особенно в США, Канаде и Австралии) программы по повышению интереса к STEM и развитию навыков STEM, делающие ставку на междисциплинарность, уже интегрированы в школьное обучение и поддерживаются в рамках целевого государственного финансирования. Одна из главных причин повышения значимости образовательных интервенций в сфере STEM заключается в систематическом отсеве студентов технических направлений из университетов, изначально проявлявших интерес к STEM-наукам в школе, но постепенно потерявших к ним интерес; существует специальная метафора для этого процесса: “pipeline leakage” («протекающий трубопровод») [44]. К ситуации в России эта метафора также применима: студенты отчисляются с технических направлений [5], девушки реже выбирают их для обучения [3]. Как и за рубежом, в России для профилактики подобного рода «протечки» реализуется большое количество мероприятий, направленных на вовлечение школьников в науку, начиная от программ дополнительного образования и кружков научной направленности и заканчивая всероссийскими фестивалями, конкурсами и сменами. Специфика российской ситуации заключается в том, что образование STEM происходит в системе дополнительного образования, в том числе в коммерческих кружках, тогда как в рамках школ системных образовательных STEM-программ фактически нет [4]. Кроме того, в России отсутствует культура систематического сбора данных об эффективности таких образовательных интервенций. Результативность программ оценивается в основном количественными показателями, что не позволяет оценить реальную эффективность этих программ. Во многих отчетах об образовательных интервенциях отсутствует концептуальная рамка как в описании методических разработок, лежащих в основе мероприятий, так и в оценке их эффективности (см., например, работу [1] в качестве типичного примера). Это затрудняет понимание того, на что была направлена и кому адресована педаго-

гическая разработка, а также были ли достигнуты образовательные результаты. Систематические исследования, оценивающие эффекты образовательных интервенций, достаточно редки (один из немногих примеров — исследование, проведенное сотрудниками Центра общего и дополнительного образования имени А.А. Пинского [2]). Между тем данные об эффективности различных образовательных программ (и культура их систематического сбора) были бы актуальны в контексте поиска оптимальных решений для вовлечения школьников в STEM-профессии.

Цель данной статьи: проанализировать концептуальные рамки и инструментарий, используемые для оценки эффективности образовательных интервенций по вовлечению школьников в STEM, в исследованиях, публикуемых в международных рецензируемых журналах. В первой части статьи представлен обзор ключевых аспектов концепции вовлечения и популярных мотивационных теорий, применяемых в исследованиях образовательных программ для школьников. Во второй части рассмотрены конкретные примеры исследований, демонстрирующие применение этих теорий в эмпирических доказательствах эффективности образовательных интервенций.

Обзор литературы: мотивационные теории и модели вовлеченности как теоретическая рамка в исследованиях эффективности образовательных интервенций

Проблема вовлечения школьников в образовательную деятельность, в том числе в конкретную область — STEM, связана с созданием условий и возможностей для повышения уровня вовлеченности обучающихся. Рефлексия о том, как сделать эффективным процесс вовлечения, происходит в контексте двух обширных теоретических направлений: концепции вовлеченности и теорий мотивации. Каждое из этих направлений имеет свою традицию концептуализации, эмпирических исследований, а также педагогических разработок. Понятия «мотивация» и «вовлеченность» идейно близки, однако распространенным вариантом объяснения взаимосвязи между ними является трактовка мотивации как условия либо предпосылки (или некоего «топлива» для действия, а вовлеченности — как самого итогового действия [33]. В “Handbook of research on student engagement” Э. Скиннер и К. Рейн описывают мотивационные теории как своего рода архипелаг изолированных островов, где различные теории мотивации выстроены вокруг определенных мотивационных конструкторов и имеют множественные эмпирические доказательства. Вместе с тем эти мотивационные конструкторы связаны друг с другом неочевидным образом, во многом пересекаются и накладываются друг на друга. Модель же вовлеченности авторы сравнивают с монолитным конструктором (материком), образованным зонтичным понятием, хотя многие элементы, входящие в этот материк, и связи между

ними являются умозрительными, слишком абстрактными и не вполне проверенными эмпирически [38]. В настоящее время ведутся попытки интегрировать оба подхода [18]. Многие мотивационные конструкты также анализируются в качестве предикторов и фасилитаторов в исследованиях вовлеченности. Вовлеченность в школьную деятельность, в частности в образовательные активности, принимается некоторыми исследователями в качестве индикатора мотивационного климата в школе, действия как внутренних (мотивационные параметры личности), так и внешних (подход учителя, взаимодействие с одноклассниками и т. д.) аспектов мотивации, причем и те и другие рассматриваются как динамические и подверженные корректировке.

Значимыми являются циклы мотивационной динамики, то есть рекурсивный характер связи между мотивационными параметрами и вовлеченностью школьников — то, каким образом они способствуют повышению вовлеченности (или приводят к ее спаду); это формирует определенные «копинг»-стратегии и приводит к формированию саморегулируемого обучения, которое, в свою очередь, проявляется в более высоком уровне вовлеченности. В пролонгированном виде этот цикл динамики мотивационных параметров и вовлеченности можно рассматривать как внутренний механизм вовлечения в определенное образовательное или профессиональное направление. Анализ публикаций с 2010 по 2019 г. показывает, что в контексте исследований вовлечения школьников самым ярко выраженным, постоянно растущим трендом в анализе способов увеличения эффективности обучения является связка вовлеченности с мотивацией и изучение вовлечения в конкретное образовательное направление или образовательный контекст, в частности в STEM [20].

Модели вовлечения

Вовлеченность учащихся является сложносоставным конструктом. В 2004 г. вышла статья Дженнифер Фредрикс, в которой вовлеченность концептуализируется как состоящая из трех аспектов: поведенческого, эмоционального и когнитивного [15]. В ней поведенческий аспект связывается с такими индикаторами, как участие в учебной и внеучебной деятельности, эмоциональный аспект — с позитивными и негативными эмоциональными реакциями на контент, процесс, учителей, одноклассников и т. д., а когнитивный — с когнитивными усилиями для понимания сложных идей / усвоения материала и оттачивания трудно формирующихся навыков, саморегулируемым обучением, образовательными стратегиями. В настоящее время трехкомпонентная модель остается базовой, но иногда исследователи включают другие компоненты в качестве четвертого (например, социоэмоциональный, академический, агентный [34]). Базовая модель вовлеченности оставляет возможность использовать разные индикаторы для трех компонентов [14]. Использование разных индикаторов обусловлено в том числе различными уровнями

концептуализации вовлеченности: как минимум, возможна фокусировка анализа на вовлеченности в отдельное образовательное событие (урок/лекция, образовательный курс) и на институциональной вовлеченности (например, вовлеченность в обучение в школе в целом или вовлеченность в университетскую среду [38]). Накоплено множество эмпирических свидетельств связи между вовлеченностью и более высокими академическими успехами, посещаемостью, удовлетворенностью жизнью обучающихся, а также ее превентивная роль в предупреждении девиантного поведения [16]. В связи с этим показатели вовлеченности считаются одним из наиболее значимых критериев эффективности образовательных программ и образовательных интервенций.

Мотивационные теории

В “Handbook of research on student engagement” (2022) приводят-ся девять основных теорий мотивации образовательного поведения школьников: достижения целей (achievement goal theory); атрибуции (attribution theory); результативности и внутренней мотивации (effectance and intrinsic motivation); ожидаемой ценности (expectancy-value theory); выученной беспомощности (learned helplessness and mastery); образа мышления (mindsets); самодетерминации (self-determination theory); самоэффективности (self-efficacy); а также модель мотивационного развития (self-system model of motivational development) [38].

Исходя из базовой модели мотивационного действия, теории мотивации описывают разнообразные *мотивационные конструкты, связанные с представлениями о себе* и опосредованно влияющие на другие элементы: образовательные и профессиональные цели, выбор образовательных стратегий, получаемые образовательные результаты (об интеграции мотивационных теорий в образовании вокруг модели действия см.: [43]). Такими мотивационными конструктами являются, например, «самоэффективность» (термин А. Бандуры, связанный с представлениями человека о том, насколько эффективны могут быть его действия в отношении конкретных целей [8]), а также идейно близкий концепт «ожидания успеха» в теории ожиданий и ценностей Ж. Экклз и А. Уигфилд [12]. Некоторые ключевые концепты из мотивационных теорий перекликаются друг с другом, поэтому существуют попытки их интеграции посредством универсального использования концептов, общих для разных теорий; например, таких как «самоэффективность/самость» (self-efficacy/self-concept), «ценность выполняемой задачи» (task value), «достигаемые цели» (achievement goals), «чувство автономии» (sense of autonomy) и «чувство сопричастности» (sense of relatedness) [30].

В таблице 1 приведены четыре теории мотивации, которые наиболее часто встречаются в исследованиях образования для описания, объяснения и прогнозирования в отношении направления, предполо-сылок, интенсивности и устойчивости поведения в сфере школьного

и внешкольного образования: теория ожиданий и ценностей Ж. Экклз и А. Уигфилд (expectancy value theory), социально-когнитивная теория А. Бандуры, теория самодетерминации Э. Деси и Р. Райана, теория развития интереса С. Хиди и А. Ренингер.

Таблица 1

**Ключевые мотивационные теории
 в оценке эффективности образовательных интервенций**

Теории мотивации	Концепты в рамках теорий мотивации
Теория самодетерминации (Э. Деси и Р. Райан) [35]	Базовые потребности: в автономии, компетентности, сопричастности; внешняя мотивация (экстернальная, интроецированное регулирование, идентифицированное, интегрированное), внутренняя мотивация, амотивация
Социально-когнитивная теория (А. Бандура) [8]	Концепт самоэффективности, саморегулируемое обучение
Теория ожиданий и ценностей (Ж. Экклз и А. Уигфилд) [12]	Ожидания в отношении успеха, субъективная ценность выполняемой задачи: ценность достижения (важность хороших результатов), внутренняя ценность (личное удовольствие от выполнения задания), полезность (предполагаемая полезность в перспективе карьерных целей), стоимость (соотнесение затрат и приобретений)
Теория развития интереса (С. Хиди и А. Ренингер) [23]	Ситуативный интерес, устойчивый индивидуальный интерес

Ключевые тезисы данных мотивационных теорий стали обязательной компонентой для разработки и оценки образовательных интервенций, ориентированных на повышение вовлеченности. Например, Дж. Фредриксон и С. Кристенсон обозначают пять главных факторов, влияющих на вовлеченность, которые учитываются при конструировании образовательных интервенций и проверялись эмпирически: 1) значимые для учеников задания (с отсылкой к теории развития интереса Хиди и Ренингер и теории ожиданий и ценностей Экклз и Уигфилд); 2) поддержка агентности ученика — ощущения независимости и контроля за происходящим (с отсылкой к Деси и Райану); 3) поддержка развития компетентности (отсылка к концепции самоэффективности Бандуры); 4) развитие позитивных отношений со сверстниками (роль социального контекста Б. Браун) и 5) развитие позитивных отношений с учителем, в которых ученик чувствует поддержку и заботу о себе (Деси и Райан) [16]. С учетом этих факторов конструировались, например, такие глобальные американские образовательные программы, ориентированные на повышение вовлеченности в школьное обучение, как “Check and connect” [9]. В данной статье рассмотрены теории, которые можно отнести, скорее, к американской

традиции исследований. Однако существуют и другие подходы к исследованиям оценки эффективности образовательных интервенций по вовлечению в STEM (например, культурно-деятельностный подход к мотивации, реализуемый в деятельности научного общества ISCAR).

Кейсы оценки эффективности образовательных интервенций

Проанализируем отдельные кейсы, посвященные изучению эффективности образовательных интервенций, спроектированных для вовлечения школьников в дисциплины STEM (табл. 2).

Таблица 2

Исследования эффективности образовательных интервенций по повышению интереса школьников к STEM

Авторы	Страна и выборка	Описание образовательной интервенции	Теоретическая основа и методология	Основные выводы исследований
Дж. Читтум и др. (2017) [10]	США 121 учащийся с 5-го по 7-й класс	Studio STEM — внеклассная и летняя программа, проводимая в школах K-7 и предназначенная для ознакомления молодежи средних школ с концепциями и практиками STEM	Теория ожиданий и ценностей (Экклз и Уигфилд)	После завершения двух программ Studio STEM школьники высоко оценивали мотивационный климат на занятиях, что оказало положительное влияние на их восприятие науки: оценки участников по ценности для них науки и собственной научной компетентности были выше, чем у контрольной группы школьников, не участвовавших в занятиях
С. Ван и др. (2022) [45]	Китай 95 учащихся трех средних школ Гонконга от 13 до 15 лет	Внедрение образовательных форматов TBP — textbook problem (решение проблем из учебника), RWP — real-world problems (решение реальных проблем), RWPM — real-world problems with mentoring (решение реальных проблем с наставничеством) в школьные занятия	Теория самодетерминации (Деси и Райан)	Применение формата решения реальных проблем в учебной программе по ознакомлению со STEM оказывается эффективнее с точки зрения развития у учащихся чувства сопричастности, причем эффект оказывался еще сильнее, если ученики работали с индивидуальными менторами

Продолжение таблицы 2

Авторы	Страна и выборка	Описание образовательной интервенции	Теоретическая основа и методология	Основные выводы исследований
И. Дримиоту и др. (2021) [11]	Кипр 16 учащихся средних школ в возрасте от 13 до 15 лет	«Карьерные сценарии» — дизайн интервенции был основан на проблемно-ориентированном обучении (PBL)	Социально-когнитивная теория (Бандура) и теория развития интереса (Хиди и Ренингер)	Результаты этого исследования показали, что использование разработанных карьерных сценариев может служить механизмом формирования у студентов ситуационного интереса и повышать осведомленность о карьере в STEM
К. Хект и др. (2019) [22]	США 1039 студентов колледжа	Педагогический инструмент “utility value intervention”	Теория ожиданий и ценностей (Экклз и Уигфилд)	Выявлены специфицированные эффекты изучаемой образовательной интервенции для двух различных категорий студентов: выполнение задания способствует повышению оценок за курс для всех категорий студентов, что положительно влияет на их желание выбрать следующие курсы в рамках данного направления; задание создает контекст, в котором происходит личная фокусировка студентов на предметной области, что способствует сохранению желания двигаться в выбранном направлении у студентов, уже имевших хорошую успеваемость

Продолжение таблицы 2

Авторы	Страна и выборка	Описание образовательной интервенции	Теоретическая основа и методология	Основные выводы исследований
К.Л. Таблатин и др. (2023) [39]	Филиппины 117 учащихся средних школ в возрасте 13–14 лет	Проект “What-If Hypothetical Implementations in Minecraft” — работа с компьютерными симуляциями на базе Minecraft	Социальная когнитивная карьерная теория (модификация социально-когнитивной теории) (Бандура)	Использование WHIMC в качестве инструмента обучения оказывает лишь минимальное влияние на интересы студентов в области STEM
Дж. Шмидт и др. (2020) [36]	США 203 человека в возрасте от 10 до 16 лет	9 летних программ, направленных на вовлечение в STEM-науки посредством практических исследований; для школьников из семей с низким социально-экономическим статусом	Теория возникающей мотивации	Результаты исследования показали значимость трех параметров для вовлечения школьников в STEM: уровень сложности, релевантность и оценка обучения как усвоения чего-то нового. Наибольший эффект давала релевантность, а наименьший — уровень сложности. Среди типов активности более высокие показатели вовлеченности демонстрировались на создании продукта и активностях по развитию базовых навыков
Ю.Д. Керша, А.С. Обухов (2023) [2]	Россия (Республика Саха (Якутия)) 1023 школьника 7–9-х классов	Онлайн-кружки по естествознанию на платформе «ГлобалЛаб». Курс «Изучаем мир вокруг нас» по шести естественнонаучным предметам: астрономии, биологии, физике, географии, экологии и химии	Теории мотивации; измерение самооэффективности	Занятия в онлайн-кружках повышают уровень мотивации; выявлен низкий интерес школьников к участию в онлайн-кружках в качестве дополнительного образования

Окончание таблицы 2

Авторы	Страна и выборка	Описание образовательной интервенции	Теоретическая основа и методология	Основные выводы исследований
Дж. Фальк, Д. Мейер (2021) [13]	США 560 участников до участия в лагере и 196 — после участия	Camp Invention — программа летнего дневного лагеря, в рамках которой дети в возрасте от 5 до 12 лет участвуют в практических мероприятиях	Теории мотивации; измерение релевантности науки, концепта самости в науке и интереса к науке	Подтверждение высокой значимости для развития интереса к STEM и связанных с ним навыков креативности и критического мышления всего опыта школьника / предвдущих STEM-активностей, помимо лагеря, высоким уровнем родительской поддержки и более высокими показателями экстраверсии
К. Майорка и др. (2021) [28]	США 507 учащихся с 5-го по 8-й класс	Однонедельный летний учебный курс в рамках модели “Deep Blue Sea STEM” со специалистами STEM из университетов и предприятий	Социальная когнитивная карьерная теория (модификация социально-когнитивной теории) (Бандура)	Значимый рост самооффективности у школьников по итогам прохождения курса
М. Трегюль, С. Алтыок (2021) [42]	Турция 41 учащийся 6–8-х классов	Два лагеря по робототехнике, рассчитанных в общей сложности на 48–60 ч в течение 8–10 дней, в среднем по 6 ч в день. Использовались робототехнические наборы Lego Mindstorms Education EV3	Теории мотивации; измерение восприятия STEM и установок в отношении STEM	После занятий робототехникой, ориентированных на STEM, существенных изменений в отношении студентов к STEM обнаружено не было

Кейсы были отобраны с использованием поисковика Google Scholar по ключевым словам “engagement”, “interest”, “interest in science”, “STEM”, “school students”. Ставилась основная задача: понять, что является актуальной теоретической рамкой для оценки эффективности мероприятий по вовлечению школьников в науку. Сначала было отобрано 30 статей, опубликованных с 2017 по 2023 г.; из них в результате нескольких итераций отобрали для анализа 10 статей, вошедших в итоговую таблицу. Помимо исключения из списка статей, не содержащих оригинальные эмпирические исследования, при

отборе мы старались обеспечить широкий географический диапазон и разнообразие образовательных контекстов. В большинстве статей измеряется динамика различных мотивационных параметров, в одной из них — вовлеченность в образовательный процесс. Отраженные в статьях исследования опубликованы в журналах “Scopus” 1-го и 2-го квартилей. Из 10 исследований 1 российское, 5 выполнены в США, 1 — в Китае, 1 — на Кипре, 1 — на Филиппинах и 1 — в Турции. При всем разнообразии педагогического дизайна интервенций и инструментов для оценки их эффективности все выбранные кейсы концептуально укладываются в одну схему: вовлечение отслеживается через динамику мотивационных параметров обучающихся и/или параметров вовлеченности в образовательный процесс в контексте психологических теорий мотивации.

Результаты исследования

Образовательные интервенции

Большая часть рассмотренных образовательных интервенций по вовлечению школьников в науку были представлены внеклассными образовательными программами — либо летними лагерями, либо сверхурочными занятиями (“Studio STEM”, “Camp Invention”, “The See Blue See STEM Model”), в том числе в онлайн-формате («Изучаем мир вокруг нас») и в одном случае — в рамках междисциплинарного предмета в школе “Science”. Программы разрабатывались совместно представителями школ (например, классными руководителями), представителями университетов и/или профессионалами из индустрии в качестве экспертов или менторов, а также в некоторых случаях с привлечением студентов в качестве «фасилитаторов». В трех случаях программы были выстроены вокруг специальных инструментов: конструктора “Arduino Student Kit”, специально разработанных симуляций на базе игры Minecraft “What-If Hypothetical Implementations in Minecraft”, а также образовательного набора “Lego Mindstorms Education EV3”. В одном исследовании оценивался эффект педагогического инструмента “Utility Value intervention”, который представляет собой задание на рефлекссию в письменном формате в рамках учебного курса (необходимо ответить на открытые вопросы: в какой степени то, что изучается, значимо для твоей жизни, какова связь между изучаемыми темами и чем-то важным в твоей жизни; затем написать об этом несколько предложений).

Все разработанные программы проектировались с учетом значимых с точки зрения мотивационных теорий аспектов. В частности, ключевым принципом в них обозначено укрепление чувства сопричастности, связи с другими (relatedness) — концепт из теории самодетерминации Деси и Райана. На это направлены взаимодействие со студентами и экспертами в программах, а также формат групповой

работы со сверстниками. Ряд педагогических практик — например, использование робототехники, групповая работа, неформальное общение с менторами, PBL (Problem Based Learning), а также Game Based Learning — имеют доказанную эффективность в повышении вовлеченности и интереса обучающихся. Наконец, важным аспектом является релевантность содержания в качестве триггера интереса. Например, в рамках программы “Studio STEM” все задачи были связаны с темой «Спасите животных», которая должна была заинтересовать школьников, показав, как их поведение, связанное с потреблением энергии, может повлиять на животных во всем мире. В одной из групп, работавших с “Arduino Student Kit”, конструировалась система светофоров для локального участка дорожного движения, в “The See Blue See STEM Model” был ряд заданий на продумывание помощи конкретным группам нуждающихся.

Исследовательские вопросы и изучаемые переменные

Ключевой вопрос в оценке эффективности образовательных интервенций по вовлечению в науку: как участие в образовательной интервенции способствовало положительной динамике вовлечения в науку или STEM как профессиональную область? Теоретическое основание в выбранных исследованиях представлено либо социальной когнитивной карьерной теорией (модификация социально-когнитивной теории А. Бандуры), либо теорией ожиданий и ценностей, либо теорией развития интереса. Использовалось также универсальное для мотивационных теорий представление, в соответствии с которым профессиональный выбор человека понимается как процесс, где происходит взаимодействие, во-первых, внутри личности (между представлениями о самооэффективности, личными целями и ожиданиями результата), а во-вторых, между отдельной личностью и образовательной средой, или укрепляющей, или разрушающей интерес, а тем самым и целеполагание, касающееся карьерных выборов.

Исследователи исходят из общего посыла мотивационных теорий: специально спроектированная среда обучения может потенциально положительно повлиять на процессы формирования интереса к профессии и карьерные решения. Стандартной гипотезой, проверяемой в этих исследованиях, является предположение о том, что конкретная образовательная интервенция повлияла на характеристики обучающихся: либо на их когнитивные способности и/или непосредственно на знание предмета (предметов), либо на некогнитивные или мотивационные характеристики личности. В таблице 3 приведены концепты, связи между которыми анализировались в рассмотренных исследованиях. Их можно категоризировать следующим образом: 1) входные характеристики школьников: социальные (например, поддержка родителей) и индивидуальные (гендер, национальность, экстраверсия/ин-

троверсия); 2) восприятие школьниками образовательной интервенции и/или включенность в нее (оценка ими мотивационного климата, вовлеченность, игровой опыт); 3) результаты: когнитивные ауткомы (критическое мышление, креативность, оценки за курс), деятельностные (карьерные или образовательные выборы) и мотивационные.

Таблица 3

Измеряемые концепты в оценке эффективности образовательных интервенций

Входные характеристики	Социально-демографические, индивидуальные
восприятие образовательной интервенции	вовлеченность, оценка мотивационного климата, игровой опыт
результаты	когнитивные, мотивационные, деятельностные

Мотивационные параметры, динамика которых рассматривается как ключевой критерий эффективности образовательных интервенций, представлены широким спектром концептов и инструментов, среди которых:

— самоэффективность в сфере STEM. Термином «самоэффективность» Бандура в социально-когнитивной теории обозначил ожидания индивида относительно собственных возможностей сформировать и реализовать курс действий для достижения определенных результатов [8]. Измеряется, например, посредством шкалы научной самоэффективности PISA 2015 (Science self-efficacy);

— ситуативный или индивидуальный интерес к STEM (Хиди, Ренингер). В соответствии с четырехступенчатой моделью развития интереса Хиди и Ренингер [23], спровоцированный «ситуативный интерес» (triggered situational interest), который генерируется и поддерживается извне, в соответствующих условиях эволюционирует в «хорошо развитый индивидуальный интерес», по большей части являющийся самогенерируемым. Проявление индивидуального интереса предполагает сформировавшиеся стратегии достижения целей и выполнения заданий, способность преодолевать фрустрацию при отсутствии непосредственных результатов, продолжать деятельность в выбранном направлении (reengagement). Поддержку на этой стадии могут оказать ровесники-единомышленники и эксперты в интересующей профессиональной области [32]. Ситуативный интерес может операционализироваться, например, через личную значимость и релевантность, ощущение новизны. Пример инструмента для измерения интереса к STEM — STEM Semantics Survey Scales или SERI [24];

— субъективная ценность профессионального развития в STEM и ожидание успеха (Экклз, Уигфилд). Ожидания успеха (то есть убеждения, связанные с собственной компетентностью) и ценность задачи представляют собой разные конструкции; в то же время эти два фактора взаимосвязаны: ожидание успеха, как правило, определяет ценность задачи для обучающихся (дети склонны ценить области, в которых они чувствуют себя компетентными, и выбирать соответствующие образовательные траектории [12]). Теория ожиданий и ценностей часто используется для объяснения гендерных различий в мотивации и карьерных выборах, особенно в STEM-специальностях [26]. Измеряется, например, посредством опросника SIQ, где оценивание производится по таким 5 параметрам, как: самооэффективность, ожидания результата, интересы, цели, действия в соответствии с выбранными целями;

— увеличение чувства сопричастности (relatedness) и внутренней мотивации (Деси, Райан). Чувство сопричастности — ощущение принадлежности и связанности с другими в соответствии с теорией самодетерминации Деси и Райана является одним из трех базовых психологических потребностей личности наряду с потребностью в автономии и компетентности. Внутренняя мотивация связана с действиями, которые совершаются «ради самих себя» или потому, что выполнение этих действий дает ощущение интереса и удовольствия и в этом плане противопоставляется внешней мотивации, зависящей от внешних стимулов и амотивации, отсутствию интенциональности [35]. К инструментам с отсылкой к теории самодетерминации относится измерение предметной мотивации.

В отдельных случаях измеряются просто установки в отношении к наукам: например, формирование STEM-идентичности [19] или интерес к STEM (семантическая шкала восприятия STEM) [41], шкала “The STEM Attitude Scale”, разработанная FIFI (Friday Institute for Educational Innovation) [17] без привязки к какой-то конкретной мотивационной теории.

Два базовых дизайна исследования в рассмотренных статьях: измерение переменных только после образовательной сессии (и сравнение среднего с возможным максимумом) [11] или измерение одних и тех же переменных в динамике — до и после интервенции [45], а также экспериментальный дизайн, где показатели, например отношения к науке, сравниваются с отношением к науке у контрольной группы школьников, не проходивших занятия [2; 10]. По умолчанию фактором, влияющим на зависимые переменные (ауткомы), является само проведение образовательной интервенции. Отсутствие непосредственного экспериментального дизайна в исследовании компенсируется измерением параметров по оценке самого образовательного события — через обратную связь или измерение вовлеченности в образовательное событие (моментальной вовлеченности или трехкомпонентной вовлеченности). Например, в одном из исследований для

оценки мотивационного климата на занятиях используется теоретическая модель “MUSIC” Б. Джонса, которая комбинирует концепты из разных теорий мотивации: возможность управлять своим обучением (eMpowerment), личную полезность изучаемого для ученика (Usefulness), ощущение возможности успеха/достижений в данной сфере (Success), вызывающее интерес обучение (Interest) и забота/внимание к ученику со стороны обучающихся (Care) [40]. В отдельных случаях также оценивается связь между внешними независимыми переменными (индивидуальными характеристиками школьников или степенью родительской поддержки) и ауткомами.

Рассматриваемые исследования демонстрируют положительную динамику в измеряемых мотивационных концептах, что, в принципе, подтверждает более общие наблюдения в эмпирических исследованиях мотивации: студенты, посещающие STEM-соревнования и внешкольные программы, чаще склонны выражать заинтересованность в сферах профессиональной деятельности, связанных со STEM, и чем больше программ они посещают, тем выше эта заинтересованность [21; 29].

В то же время одна из главных претензий к оценке эффективности образовательных интервенций по вовлечению в науку: последнее измерение проводится непосредственно после проведения программы, тогда как эффект этих программ может быть в действительности непродолжительным [7]. Из анализируемых исследований только одно является лонгитюдным [22], и можно заметить, что возможность его реализации была связана с тем, что оценивалась эффективность педагогического инструмента в рамках курса для первокурсников колледжа, и дальнейшую их траекторию и образовательные выборы было легко отследить. Данные об образовательных и профессиональных стратегиях прошедших STEM-программы школьников были бы намного информативнее, но такие данные в силу очевидных организационных сложностей обычно не собираются. Интересно, что в одном из исследований часть данных были собраны ретроспективно — через несколько лет после завершения программ, и они свидетельствовали о том, что для развития интереса к STEM и связанных с ней навыков креативности и критического мышления имеет значение не только интервенция как таковая, но весь образовательный опыт школьника. В частности, несмотря на то что участие в программе способствовало росту интереса к STEM у всех школьников, наиболее высокие результаты, особенно в долгосрочной перспективе, были связаны с наличием опыта у школьника других STEM-активностей, помимо летнего лагеря, а также с высоким уровнем родительской поддержки и более высокими показателями экстраверсии [13].

Обсуждение и заключение

Область российских образовательных программ по вовлечению в STEM и исследования их эффективности является только формирую-

щимся полем, где использование валидизированных инструментариев и обращение к мотивационным теориям при конструировании программ — скорее исключение, чем правило. Мы надеемся, что экскурс в поле зарубежных прикладных исследований в этой области внесет вклад в популяризацию доказательного подхода в целом и актуальных концептов и исследовательских стратегий в области оценки образовательных интервенций в частности.

По итогам обзора прикладных исследований оценки эффективности внешкольных образовательных интервенций, рассчитанных на вовлечение школьников в STEM, можно сделать следующие методологические наблюдения.

1. Теоретической платформой для исследований эффективности образовательных интервенций на данный момент выступает сфера психологии и, в частности, мотивационные теории и концепция вовлеченности.

2. Исследовательские вопросы строятся вокруг изучения того, как образовательное мероприятие повлияло на динамику когнитивных результатов или мотивационных характеристик участников. Среди последних в основном фигурируют самооффективность или субъективная ценность профессионального развития в STEM (с отсылкой к социально-когнитивной теории или теории ожиданий и ценностей), развитие индивидуального интереса к STEM (Хиди, Ренингер) либо такие более универсальные мотивационные параметры, как установки, предметная мотивация, агентность и т. д.

3. Среди инструментов исследования распространены самооценивание посредством валидизированных опросников для измерения мотивационных концептов и оценки динамики вовлеченности.

4. Разные образовательные интервенции ориентированы на различные таргет-группы, что важно учитывать при оценке эффективности этих интервенций. Объектом большого количества образовательных интервенций становятся группы, менее представленные на рынке труда STEM, — девушки, студенты первого поколения, дети из неблагополучной среды [31]. Многие программы ориентированы на школьников младшего и среднего звена, поскольку выявлено, что раннее вовлечение учащихся в науку, в том числе в направления STEM, является фактором повышения заинтересованности школьников в обучении и дальнейшей карьере в STEM [6; 37]. Исходя из того что в формировании профессиональной траектории большую роль играют факторы среды и представления о себе, которые являются в высшей степени резистентными, оцениваемый эффект программ может быть различным для участников разных пола и социально-экономического бэкграунда. Например, среди рассмотренных кейсов присутствовали исследования как уязвимых социальных групп, так и школьников из селективных школ [42].

Во втором случае эффект от программы может быть менее ярко выражен из-за высоких показателей вовлеченности на входе.

5. Ограничения дизайна рассмотренных исследований связаны с тем, что большая их часть являются «одноразовыми» — хотя и достаточно продолжительными — программами, где динамика интереса измеряется путем сравнения показателей мотивационного параметра до и после реализованной образовательной интервенции. Это накладывает существенные ограничения на качество результатов, поскольку эффект программ дополнительного образования и прочих программ, направленных на вовлечение, может быть ограничен по времени [7; 13]. Общей методологической проблемой является нехватка таких исследований, которые позволяли бы делать вывод, что именно проведенная интервенция способствовала росту интереса к STEM, особенно в случае с одаренными и/или мотивированными детьми [44]. Лонгитюдные исследования, в которых бы отслеживалась динамика образовательных и профессиональных траекторий школьников, посещавших те или иные мероприятия, в этом плане могут рассматриваться как ожидаемое и необходимое направление для фокусировки исследовательского интереса.

6. Несмотря на то что, строго говоря, подтвердить наличие эффекта образовательной интервенции можно только при проведении контрольного эксперимента с контрольной группой, для оценки локальных образовательных интервенций данный метод используется так же редко, как и лонгитюд, по причине сложности (и дороговизны) его организации.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Филькина Александра Витальевна — кандидат социологических наук, научный сотрудник Центра социологии образования Института образования, Национальный исследовательский Томский государственный университет.

Телефон: +7 (903) 915-17-35. **Электронная почта:** lexia@inbox.ru

Клевцов Дмитрий Сергеевич — лаборант Центра социологии образования Института образования, Национальный исследовательский Томский государственный университет. **Телефон:** +7 (960) 928-15-39. **Электронная почта:** klevtsov.tsu@mail.ru

Research Article

ALEXANDRA V. FILKINA¹, DMITRY S. KLEVTSOV¹

¹ National Research Tomsk State University.

34a, Lenina avenue, 634050, Tomsk, Russian Federation.

EVALUATING THE EFFECTIVENESS OF ENGAGING SCHOOL CHILDREN IN SCIENCE (STEM) IN THE CONTEXT OF ENGAGEMENT AND MOTIVATIONAL THEORIES: A REVIEW OF RESEARCH STRATEGIES

Abstract. The discussion on the effectiveness of educational programs for engaging schoolchildren in science is necessary because there is a lack of development in Russia

when it comes to describing the framework of such interventions and conducting empirical research on their effectiveness. The first part of the article gives an overview of key aspects of engagement concepts and popular motivational theories in education research. The second part examines 10 specific cases that demonstrate how research evaluates the effectiveness of educational interventions within these theoretical frameworks, focusing on tools and measurable concepts. Exploring foreign applied research in this area can contribute to popularizing the evidence-based approach and current concepts and research strategies for assessing specialized educational programs.

Keywords: engagement in STEM; motivation theories in education; educational interventions research.

For citation: Filkina, A.V., Klevtsov, D.S. Evaluating the Effectiveness of Engaging School Children in Science (STEM) in the Context of Engagement and Motivational Theories: A Review of Research Strategies. *Sotsiologicheskii Zhurnal = Sociological Journal*. 2024. Vol. 30. No. 3. P. 76–97. DOI: 10.19181/socjour.2024.30.3.4

Acknowledgments: The research was carried out with the support of the development program of Tomsk State University (Priority-2030).

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Alexandra V. Filkina — Candidate Of Sociological Sciences, Researcher, Center for the Sociology of Education, Institute of Education, National Research Tomsk State University. **Phone:** +7 (903) 915-17-35. **Email:** lexia@inbox.ru

Dmitry S. Klevtsov — Laboratory Assistant, Center for Sociology of Education, Institute of Education, National Research Tomsk State University. **Phone:** +7 (960) 928-15-39. **Email:** klevtsov.tsu@mail.ru

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Захарова А.Н., Троешестова Д.А., Ярдухин А.К. Взаимодействие вуза и школы в поддержке научно-исследовательской деятельности одаренных обучающихся как современное направление профориентационной работы // Человеческий капитал. 2022. № 1. С. 79–89. DOI: 10.25629/НС.2022.01.08 EDN: LJRSIE
Zakharova A.N., Troeshestova D.A., Yardukhin A.K. Interaction of the University and School in Support of Research Activities of Gifted Students as a Modern Direction of Vocational Guidance Work. *Chelovecheskii kapital*. 2022. No. 1. P. 79–89. DOI: 10.25629/НС.2022.01.08 (In Russ.)
2. Керша Ю.Д., Обухов А.С. Экспериментальное исследование роли онлайн-кружков в повышении мотивации и самооффективности учащихся в естествознании // Интеграция образования. 2023. Т. 27. № 2. С. 208–226. DOI: 10.15507/1991-9468.111.027.202302.208-226 EDN: KDAAFI
Kersha Yu.D., Obukhov A.S. Investigating the Impact of Online Learning Clubs on Student Motivation and Self-Efficacy in Science: An Experimental Study. *Integratsiya obrazovaniya*. 2023. Vol. 27. No. 2. P. 208–226. DOI: 10.15507/1991-9468.111.027.202302.208-226 (In Russ.)

3. *Малошенок Н.Г., Щеглова И.А., Вилкова К.А., Абрамова М.О.* Гендерные стереотипы и выбор инженерно-технического направления подготовки // *Вопросы образования*. 2022. № 3. С. 149–186. DOI: 10.17323/1814-9545-2022-3-149-186 EDN: KQPQHC
 Maloshonok N.G., Shcheglova I.A., Vilkova K.A., Abramova M.O. Gender Stereotypes and the Choice of an Engineering Undergraduate Program. *Voprosy obrazovaniya*. 2022. No. 3. P. 149–186. DOI: 10.17323/1814-9545-2022-3-149-186 (In Russ.)
4. Технологическое образование школьников: актуальная ситуация и пути развития. Аналитический отчет за 2018 год. М.: Кружковое движение НТИ, Институт образования НИУ ВШЭ. — 129 с. [электронный ресурс]. Дата обращения 08.09.2023. URL: <https://publications.hse.ru/pubs/share/direct/289430426.pdf>
Tekhnologicheskoe obrazovanie shkol'nikov: aktual'naya situatsiya i puti razvitiya. Analiticheskii otchet za 2018 god. [Technological Education of Schoolchildren: The Current Situation and Ways of Development. Analytical Report for 2018.] Moscow: Kruzhkovoe dvizhenie NTI, Institut obrazovaniya NIU VShE publ., 2019. 129 p. Accessed 08.09.2023. URL: <https://publications.hse.ru/pubs/share/direct/289430426.pdf> (In Russ.)
5. *Шмелева Е.Д., Фрумин И.Д.* Факторы отсева студентов инженерно-технического профиля в российских вузах // *Вопросы образования*. 2020. № 3. С. 110–136. DOI: 10.17323/1814-9545-2020-3-110-136 EDN: PLGUIG
 Shmeleva E.D., Frumin I.D. Factors of Attrition among Computer Science and Engineering Undergraduates in Russia. *Voprosy obrazovaniya*. 2022. No. 3. P. 110–136. DOI: 10.17323/1814-9545-2020-3-110-136 (In Russ.)
6. Ainley M., Ainley J. A Cultural Perspective on the Structure of Student Interest in Science. *International Journal of Science Education*. 2011. Vol. 33. No. 1. P. 51–71. DOI: 10.1080/09500693.2010.518640
 Archer M., DeWitt J., Davenport C., Keenan O., Coghill L., Christodoulou A., Durbin S., Campbell H., Hou L. Going Beyond the One-Off: How Can STEM Engagement Programmes with Young People Have Real Lasting Impact? *Research for All*. 2021. Vol. 5. No. 1. P. 67–85. DOI: 10.14324/RFA.05.1.07
7. Bandura A. The Role of Self-Efficacy in Goal-Based Motivation. *New Developments in Goal Setting and Task Performance*. Ed. by E.A. Locke, G.P. Latham. N.Y.: Routledge, 2013. P. 147–157
8. Check & Connect Student Engagement Intervention. About Check & Connect. *The University of Minnesota*. Accessed 15.11.2023. URL: <https://checkandconnect.umn.edu/model/default.html>
9. Chittum J.R., Jones B.D., Akalin S., Schram Á.B. The Effects of an Afterschool STEM Program on Students' Motivation and Engagement. *International Journal of STEM Education*. 2017. Vol. 4. No. 1. P. 1–16. DOI: 10.1186/s40594-017-0065-4
10. Drymiotou I., Constantinou C. P., Avraamidou L. Enhancing Students' Interest in Science and Understandings of STEM Careers: The Role of Career-

- Based Scenarios. *International Journal of Science Education*. 2021. Vol. 43. No. 5. P. 717–736. DOI: 10.1080/09500693.2021.1880664
11. Eccles J.S., Wigfield A. From Expectancy-Value Theory to Situated Expectancy-Value Theory: A Developmental, Social Cognitive, and Sociocultural Perspective on Motivation. *Contemporary Educational Psychology*. 2020. Vol. 61. P. 101859. DOI: 10.1016/j.cedpsych.2020.101859
 12. Falk J.H., Meier D.D. Expanding the Boundaries of Informal Education Programs: An Investigation of the Role of Pre and Post-Education Program Experiences and Dispositions on Youth STEM Learning. *Frontiers in Education. Frontiers Media SA*. 2021. Vol. 6. P. 672487. DOI: 10.3389/educ.2021.672487
 13. Fredricks J.A. The Measurement of Student Engagement: Methodological Advances and Comparison of New Self-Report Instruments. *Handbook of Research on Student Engagement*. Cham: Springer International Publishing, 2022. P. 597–616. DOI: 10.1007/978-3-031-07853-8_29
 14. Fredricks J.A., Blumenfeld P.C., Paris A.H. School Engagement: Potential of the Concept, State of the Evidence. *Review of Educational Research*. 2004. Vol. 74. No. 1. P. 59–109. DOI: 10.3102/00346543074001059
 15. Fredricks J.A., Reschly A.L., Christenson S.L. Interventions for Student Engagement: Overview and State of the Field. *Handbook of Student Engagement Interventions*. 2019. P. 1–11. DOI: 10.1016/B978-0-12-813413-9.00001-2
 16. Faber M., Unfried A., Eric N., Corn J., Walker L., Louise T. Student Attitudes Toward STEM: The Development of Upper Elementary School and Middle/High School Student Surveys. *2013 ASEE Annual Conference & Exposition*. 2013. P. 23–1094. DOI: 10.18260/1-2--22479
 17. Gladstone J.R., Wigfield A., Eccles J.S. Situated Expectancy-Value Theory, Dimensions of Engagement, and Academic Outcomes. *Handbook of Research on Student Engagement*. Cham: Springer International Publishing, 2022. P. 57–76. DOI: 10.1007/978-3-031-07853-8_3
 18. Godwin A. The Development of a Measure of Engineering Identity. *Proceedings of the ASEE Annual Conference & Exposition*. New Orleans, LA. 2016. DOI: 10.18260/p.26122
 19. Gurcan F., Erdogan F., Cagiltay N.E., Cagiltay K. Student Engagement Research Trends of Past 10 Years: A Machine Learning-Based Analysis of 42,000 Research Articles. *Education and Information Technologies*. 2023. Vol. 28. P. 1–25. DOI: 10.1007/s10639-023-11803-8
 20. Halim L., Rahman N.A., Ramli N.A. M., Mohtar L.E. Influence of Students' STEM Self-Efficacy on STEM and Physics Career Choice. *AIP Conference Proceedings. AIP Publishing*. 2018. Vol. 1923. Iss. 1. No. 1. DOI: 10.1063/1.5019490
 21. Hecht C.A., Harackiewicz J.M., Priniski S.J., Canning E.A., Tibbetts Y., Hyde J.S. Promoting Persistence in the Biological and Medical Sciences: An Expectancy-Value Approach to Intervention. *Journal of Educational Psychology*. 2019. Vol. 111. No. 8. P. 1462. DOI: 10.1037/edu0000356

22. Hidi S., Renninger K. A. The Four-Phase Model of Interest Development. *Educational Psychologist*. 2006. Vol. 41. No. 2. P. 111–127. DOI: 10.1207/s15326985ep4102_4
23. Kang J., Keinonen T., Simon S., Rannikmäe M., Soobard R., Direito I. Scenario Evaluation with Relevance and Interest (SERI): Development and Validation of a Scenario Measurement Tool for Context-Based Learning. *International Journal of Science and Mathematics Education*. 2019. Vol. 17. No. 3. P. 1317–1338. DOI: 10.1007/s10763-018-9930-y
24. Kennedy T.J., Odell M.R.L. Engaging Students in STEM Education. *Science Education International*. 2014. Vol. 25. No. 3. P. 246–258.
25. Lesperance K., Hofer S., Retelsdorf J., Holzberger D. Reducing Gender Differences in Student Motivational-Affective Factors: A Meta-Analysis of School-Based Interventions. *British Journal of Educational Psychology*. 2022. Vol. 92. No. 4. P. 1502–1536. DOI: 10.1111/bjep.12512
26. Li Y., Wang K., Xiao Y., Froyd J. E. Research and Trends in STEM Education: A Systematic Review of Journal Publications. *International Journal of STEM Education*. 2020. Vol. 7. No. 1. P. 1–16. DOI: 10.1186/s40594-020-00207-6
27. Maiorca C., Roberts T., Jackson C., Bush S., Delaney A., Mohr-Schroeder M.J., Soledad S.Y. Informal Learning Environments and Impact on Interest in STEM Careers. *International Journal of Science and Mathematics Education*. 2021. Vol. 19. P. 45–64. DOI: 10.1107/s10763-019-10038-9
28. Miller K., Sonnert G., Sadler P. The Influence of Students' Participation in STEM Competitions on Their Interest in STEM Careers. *International Journal of Science Education, Part B*. 2018. Vol. 8. No. 2. P. 95–114. DOI: 10.1080/21548455.2017.1397298
29. Murphy S., MacDonald A., Wang C.A., Danaia L. Towards an Understanding of STEM Engagement: A Review of The Literature on Motivation and Academic Emotions. *Canadian Journal of Science, Mathematics and Technology Education*. 2019. Vol. 19. P. 304–320. DOI: 10.1080/03057267.2022.2154997
30. Pearson J., Giacumo L.A., Farid A., Sadegh M. A Systematic Multiple Studies Review of Low-Income, First-Generation, And Underrepresented, STEM-Degree Support Programs: Emerging Evidence-Based Models and Recommendations. *Education Sciences*. 2022. Vol. 12. No. 5. 333 p. DOI: 10.3390/educsci12050333
31. Renninger K.A., Hidi S.E. Interest Development, Self-Related Information Processing, and Practice. *Theory into Practice*. 2022. Vol. 61. No. 1. P. 23–34. DOI: 10.1080/00405841.2021.1932159
32. Reschly A.L., Christenson S.L. Jingle, Jangle, and Conceptual Haziness: Evolution and Future Directions in the Engagement Construct. *Handbook of Research on Student Engagement*. Ed. by Christenson S.L., Reschly A.L., Wylie C.A. N.Y.: Springer Science. 2012. P. 3–19. DOI: 10.1007/978-1-4614-2018-7_1

33. Reschly A.L., Christenson S.L. Jingle-Jangle Revisited: History and Further Evolution of the Student Engagement Construct. *Handbook of Research on Student Engagement*. Cham: Springer International Publishing. 2022. P. 3–24. DOI: 10.1007/978-3-031-07853-8_1
34. Ryan R.M., Deci E.L. Intrinsic and Extrinsic Motivation from a Self-Determination Theory Perspective: Definitions, Theory, Practices, and Future Directions. *Contemporary Educational Psychology*. 2020. Vol. 61. P. 101860. DOI: 10.1016/j.cedpsych.2020.101860
35. Schmidt J.A., Beymer P.N., Rosenberg J.M., Naftzger N.N., Shumow L. Experiences, Activities, and Personal Characteristics as Predictors of Engagement in STEM-Focused Summer Programs. *Journal of Research in Science Teaching*. 2020. Vol. 57. No. 8. P. 1281–1309. DOI: 10.1002/tea.21630
36. Shahali E.H.M., Halim L., Rasul M.S., Osman K., Zulkifeli M.A. STEM Learning Through Engineering Design: Impact on Middle Secondary Students' Interest Towards STEM. *EURASIA Journal of Mathematics, Science and Technology Education*. 2016. Vol. 13. No. 5. P. 1189–1211. DOI: 10.12973/eurasia.2017.00667a
37. Skinner E.A., Raine K.E. Unlocking the Positive Synergy Between Engagement and Motivation. *Handbook of Research on Student Engagement*. Cham: Springer International Publishing. 2022. P. 25–56. DOI: 10.1007/978-3-031-07853-8_2
38. Tablatin C.L.S., Casano J.D.L., Rodrigo M.M.T. Using Minecraft to Cultivate Student Interest in STEM. *Frontiers in Education*. 2023. Vol. 8. P. 1127984. DOI: 10.3389/educ.2023.1127984
39. *The MUSIC model of motivation*. Accessed 17.11.2023. URL: https://www.themusicmodel.com/music_model/
40. Tyler-Wood T., Knezek G., Christensen R. Instruments for Assessing Interest in STEM Content and Careers. *Journal of Technology and Teacher Education*. 2010. Vol. 18. No. 2. P. 345–368.
41. Üçgül M., Altıok S. You Are an Astroneer: The Effects of Robotics Camps on Secondary School Students' Perceptions and Attitudes Towards STEM. *International Journal of Technology and Design Education*. 2022. Vol. 32. P. 1679–1699. DOI: 10.1007/s10798-021-09673-7
42. Urhahne D., Wijnia L. Theories of Motivation in Education: An Integrative Framework. *Educational Psychology Review*. 2023. Vol. 35. No. 2. 45 p. DOI: 10.1007/s10648-023-09767-9
43. Van den Hurk A., Meelissen M., van Langen A. Interventions in Education to Prevent STEM Pipeline Leakage. *International Journal of Science Education*. 2019. Vol. 41. No. 2. P. 150–164. DOI: 10.12973/eu-jer.8.3.753
44. Weng X., Chiu T.K.F., Jong M.S.Y. Applying Relatedness to Explain Learning Outcomes of STEM Maker Activities. *Frontiers in Psychology*. 2022. Vol. 12. P. 800569. DOI: 10.3389/fpsyg.2021.800569

Статья поступила в редакцию: 10.02.2024; поступила после рецензирования и доработки: 05.07.2024; принята к публикации: 25.07.2024.

Received: 10.02.2024; revised after review: 05.07.2024; accepted for publication: 25.07.2024.

DOI: 10.19181/socjour.2024.30.3.5

EDN: MBBZVC

Д.М. РОГОЗИН^{1,2}, О.Б. СОЛОДОВНИКОВА³

¹ Институт социологии ФНИСЦ РАН.

109544, Москва, ул. Большая Андроньевская, д. 5, стр. 1.

² Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (РАНХиГС).

119571, Москва, просп. Вернадского, д. 82.

³ Институт социального анализа и прогнозирования РАНХиГС.

119034, Москва, Пречистенская наб., д. 11.

УДОВЛЕТВОРЕННОСТЬ ТРУДОМ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ ОРГАНИЗАЦИЙ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ: ОТ РЕТРОСПЕКТИВНОГО АНАЛИЗА ПОДХОДОВ К СОВРЕМЕННЫМ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯМ¹

Аннотация. Статья посвящена рецепции и переосмыслению концепции удовлетворенности трудом, разработанной советскими социологами в конце 1960-х гг. Подвергается критике общепринятый в настоящее время подход, выдвигающий в качестве основного фактора удовлетворенности трудом оплату труда (Н.В. Рудаков, 2021; О. Ротар, Б.У. Сармиенто, 2022). Другие подходы, рассматривающие более широкий набор факторов удовлетворенности (например, Е.В. Михалкина и др., 2020; Г.З. Ефимова, А.С. Латышев, 2023) остаются существенно несвободны от доминирующей финансово-прагматической рамки.

На основе ретроспективного анализа авторами предлагается обновленная концепция удовлетворенности трудом. Она апробируется на фактическом материале многолетнего мониторингового исследования профессорско-преподавательского состава российских вузов, проводимого Президентской академией. Анализируются данные шестой волны этого мониторинга, реализованного авторами статьи. Опрос проводился с 18 апреля по 10 июня 2023 г. включительно посредством анкетирования

¹ Статья написана в рамках выполнения государственного задания на 2024 г. Авторы выражают признательность коллективу Центра «Институт социального анализа и прогнозирования» Президентской академии за поддержку и критическое обсуждение основных положений, выносимых на публичное рассмотрение.

в онлайн-среде, собрана 16 581 полная анкета. Совокупный доход семьи преподавателя и оплата его труда рассматриваются как значимые факторы общей удовлетворенности трудом, однако важнейшими концептуальными признаками удовлетворенности названы творческие возможности работы и содержание труда. Первый признак определяется набором операциональных определений, отражающих представления о мире и уверенность в собственной профессиональной позиции. Второй — представлениями о системе образования и наличием установки на свободу творчества.

Ключевые слова: удовлетворенность трудом; образовательные организации высшего образования; оплата труда; преподаватели высшей школы; советская социология; совокупный доход; содержание труда; творческие возможности работы.

Для цитирования: Рогозин Д.М., Солодовникова О.Б. Удовлетворенность трудом преподавателей организаций высшего образования: от ретроспективного анализа подходов к современным концептуализациям // Социологический журнал. 2024. Том 30. № 3. С. 98–123. DOI: 10.19181/socjour.2024.30.3.5 EDN: MBBZVC

Введение

Исследования удовлетворенности трудом преподавателей высшей школы широко распространены как за рубежом, так и в России. Существуют различные концептуальные рамки для анализа соответствующего показателя, и если одни ориентируются на крайне лаконичный набор параметров удовлетворенности (например, концептуальная рамка анализа удовлетворенности трудом академических сотрудников — Conceptual Framework for Academic Job Satisfaction — профессора Линды Хагедорн [21]), то другие тяготеют к исчерпывающему изучению факторов, влияющих на удовлетворенность трудом (например, 12 доменов с уникальными показателями в концепции профессора Марии де Лурдес Мачадо-Тейлор [23]). Существенной особенностью данной сферы социологических исследований является большая дисперсия данных: в разных работах, как правило, делаются различные выводы относительно наиболее значимых факторов удовлетворенности академической работой [13].

О невозможности обнаружить единый набор факторов удовлетворенности для всех стран во все времена говорят и результаты одного из самых масштабных международных проектов по исследованию настроений преподавателей высшей школы — «Меняющаяся академическая профессия» (The Changing Academic Profession, далее — CAP). Авторы тематического обзора, посвященного факторам удовлетворенности академической работой на примере 12 стран, вошедших в выборку CAP, открыто признают: «Удовлетворенность работой значительно различается в разных странах с точки зрения как общей удовлетворенности, так и ее компонентов», «данные о связи различ-

ных факторов с удовлетворенностью академическим трудом остаются неоднозначными», при этом «культурные различия влияют на степень удовлетворенности, которую человек получает от различных элементов академической работы и окружающей среды» [19].

Можно привести в пример массу отдельных исследований, изучающих вклад одного конкретного фактора в удовлетворенность работой преподавателей. Например, отдельно изучалось, насколько важны хорошие взаимоотношения со студентами и коллегами [25], какое влияние оказывает участие в принятии решений [26] и, конечно, финансовое вознаграждение [24]. Другие работы, основанные на результатах САР, показывают сложную корреляцию между уровнем удовлетворенности преподавательским трудом и уровнем стресса на рабочем месте. Часто оба этих состояния переживаются преподавателями одновременно, поскольку порождены разным набором причин: за удовлетворенность отвечает репутация, социальный статус преподавателей в конкретном обществе, а за стресс — рыночные реформы, «маркетингизация» образовательной сферы [28]. В последнее время распространение получили исследования, в которых удовлетворенность академическим трудом выступает не объектом изучения, а медиатором, фактором, положительно влияющим на продуктивность и снижающим издержки высокой рабочей нагрузки в вузе [22] или мотивирующим к занятиям предпринимательством [20].

Можно сказать, что «удовлетворенность профессиональной деятельностью» сотрудников вузов сохраняет черты «вещи в себе»: очевидно, что она как-то влияет на многие жизненно важные параметры функционирования образовательной и научной сред, однако реальный объем этого понятия, его фактическая наполненность остаются скрытыми от восприятия. О подобной неоднозначности и многомерности понятия удовлетворенности трудом писали советские социологи более 50 лет назад (см., например: [8; 18]). Более того, они предупреждали о распространенности однобокой — психологической — концептуализации удовлетворенности как индивидуальной характеристики человека, исключительно его восприятия окружающей профессиональной среды. При всей очевидности психологического подхода, распространенности и неproblemатичности трактовки человеческого поведения исключительно исходя из его восприятия, мотивации, личностных качеств и приоритетов самого человека, представляется весьма продуктивным расширить теоретическое описание удовлетворенности как социальной категории, отражающей не столько характеристики индивида, сколько особенности группы, профессионального сообщества, университета или высшей школы. Именно такой вопрос ставит, а затем предлагает варианты решения Н.Ф. Наумова: «Измерение удовлетворенности трудом является традиционной процедурой в социологии труда, поскольку оно дает нам одну из важнейших переменных при изучении

человека в сфере трудовой деятельности. В то же время вопрос о том, какую — социальную или психологическую — реальность мы измеряем через удовлетворенность трудом, остается во многом нерешенным. Характеристикой чего является удовлетворенность трудом — человека, группы, социального целого или чего-либо иного?» [8, с. 1].

Несмотря на традицию, весомые достижения в измерении удовлетворенности трудом, достигнутые в прошлом, в современной России исследователи, скорее, заимствуют западную психологизированную оптику, нежели опираются на труды советских социологов. Сразу несколько крупнейших университетов предлагают свои модели изучения данного показателя: НИУ «Высшая школа экономики», РАНХиГС, Южный федеральный университет, Тюменский государственный университет и т. д. Очевидным драйвером интереса к теме послужили пандемия и связанные с ней вызовы для системы высшего образования; свой вклад вносят и долгосрочные планы правительства в достижении научного и технологического суверенитета, который невозможен без поддержания отечественных научных и образовательных школ и их кадров. На символическом уровне внимание к проблеме социального престижа и значимости профессии преподавателя выразилось как в учреждении Дня преподавателя высшей школы в 2021 г., так и в наименовании 2023 г. Годом педагога и наставника.

На данный момент наиболее заметный вклад в развитие проблематики удовлетворенности академической работой внес коллектив авторов НИУ ВШЭ, работающих с данными «Мониторинга экономики образования». Информационный бюллетень «Удовлетворенность работой, карьерные стратегии и планы преподавателей российских вузов» [12] исследует вклад как материальных, так и нематериальных факторов в удовлетворенность преподавателей своим трудом, при этом подчеркивается приоритет первых по сравнению со вторыми: «Основным фактором, определяющим уровень удовлетворенности работой, является заработная плата» [12, с. 10]. Наблюдается практически линейная зависимость между вопросами об удовлетворенности трудом и величиной заработной платы: растет заработная плата — возрастает удовлетворенность трудом.

Похожие корреляции сотрудники НИУ ВШЭ выявили между удовлетворенностью работой и занимаемой преподавателем должностью: чем должность выше, тем выше удовлетворенность. Однако базовая гипотеза авторов состоит в том, что «более высокую удовлетворенность может приносить не административная должность сама по себе, а более высокая заработная плата, которая ей сопутствует» [12, с. 10]. Заметим, что характер исследования, направленного на изучение как удовлетворенности работой, так и удовлетворенности заработной платой, возможно, несколько сужал разнообразие факторов, принимаемых в расчет, однако общий тезис о важнейшем влиянии материаль-

ного вознаграждения на самочувствие преподавателей высшей школы остается устойчивым для исследовательского коллектива. В частности, он был повторен в докладе Ольги Ротарь и Бернардо Сарmento на Ясинской конференции [27], посвященном «факторам, определяющим удовлетворенность академической работой»: «Заработная плата отдельного человека оказывает сильное положительное влияние на удовлетворенность работой. Наши выводы подтверждают результаты предыдущих исследований рынка академического труда в России» [27, р. 2]. Помимо заработной платы, Ольга Ротарь и Бернардо Сарmento выделяют четыре дополнительных фактора удовлетворенности — это медицинская страховка, возможность занятий спортом, административная должность и полная занятость. Можно отметить, что большинство факторов из расширенного перечня также имеют «материальный» характер.

Два других исследовательских коллектива — из Южного федерального университета и Тюменского государственного университета — при анализе факторов удовлетворенности академической работой ориентируются в первую очередь на данные опросов и мониторингов, реализуемых в своих вузах [5; 2]. Вместе с тем локальный характер опросов позволяет авторам разрабатывать оригинальные анкеты, включающие более широкий набор переменных. По мнению исследователей, наибольший вклад в удовлетворенность трудом вносят взаимоотношения с руководством и удовлетворенность заработной платой [5, с. 174]. Результаты исследования коллег из Тюменского государственного университета несколько отличаются. Прежде всего, здесь представлено большее разнообразие факторов, а единый в предыдущих исследованиях фактор зарплаты разбит на два вида «материальной мотивации»: на собственно зарплату и премирование, что усиливает их кумулятивное влияние [2, с. 98]. Интересно, что «другие формы мотивации» в данном исследовании также значимы в оценках респондентов.

Зарубежные и российские исследования удовлетворенности преподавательским трудом на протяжении десятков лет демонстрируют подход, опирающийся на модель «психологических реакций индивида на трудовую ситуацию» [8, с. 2]. Основными зависимыми переменными в такой модели выступают обобщенные показатели удовлетворенности, а независимыми — разнообразные условия труда, в которых несомненной доминантой выступает заработная плата. Это объясняется упрощенной концептуализацией удовлетворенности трудом, представлением работника как некоторого воспринимающего устройства, перерабатывающего и интерпретирующего сигналы внешней среды.

Среди российских социологов первым на эту ситуацию обратил внимание А.Л. Темницкий с коллегами [1]. Отвечая на отказ от измерения удовлетворенности трудом и критику современных подходов,

высказанную Ф.Н. Ильясовым [3], Темницкий справедливо отмечает необходимость различать два теоретических объекта: трудовое и производственное поведение [17, с. 140]. В академическом труде производственное поведение по большей части отражает аудиторские часы работы преподавателя, трудовое — время подготовки к лекциям и семинарам, работу в библиотеке, написание статей и отчетов, то есть все то, что подразумевается, но никак не тарифицируется, находится на периферии внимания менеджмента образовательной организации.

Разработка новых подходов и способов концептуализации — задача сложная, которая требует многолетней концептуальной работы. В настоящее время можно наметить лишь направления апробации и переосмысления советского социологического наследия применительно к современным реалиям трудовых отношений. Осмысление полученных концептуальных схем, первоначально разработанных для промышленных предприятий, в сфере образования — лишь первый шаг на пути концептуализации предложенного теоретического языка описаний. Классики советской социологической теории удовлетворенности трудом уже сделали немало в этом направлении, поскольку предложили способы формализации и операционализации различных профессий, а не только рабочих промышленных предприятий (см., например: [4; 6; 8; 14]). Перед нами стоит лишь скромная задача реконструкции советской социологической теории удовлетворенности трудом и приложения ее к текущей ситуации в организациях высшего образования.

Теоретическая рамка

За последние десятилетия под воздействием доминирующих социально-психологических западных теорий и запросов служб по управлению персоналом сформировалась психологическая трактовка удовлетворенности трудом. Согласно последней в качестве единицы анализа выступал человек с его целями, мотивами и действиями. Концепт удовлетворенности определялся как важнейший элемент повышения эффективности, продуктивности и результативности труда через учет и управление психологической реакции индивида на трудовую ситуацию.

Вместе с тем подобный — весьма эвристический — подход не является единственным. Н.Ф. Наумова противопоставляет ему социологические интерпретации удовлетворенности, существенным образом расширяя возможности измерительного инструмента, который может быть востребован не только для подбора стимульных материалов и формирования политики управления персоналом, но и для осмысления социальной структуры организации и общества в целом.

Если шкала удовлетворенности может быть объяснена на уровне некоторого социального целого (а не через систему личности), то,

следовательно, в рамках определенного методологического подхода она может рассматриваться не как характеристика индивида, а как показатель социальной интеграции и дифференциации. Вопрос о том, каким образом можно вывести из шкалы удовлетворенности показатель этих состояний, требует дальнейшего исследования. Можно для начала предположить, что уровень интеграции связан с нижним порогом удовлетворенности и с величиной интервалов между уровнями, а уровень дифференциации — с величиной интервала между нижней и верхней границами [8, с. 5].

В качестве альтернативных социологических концептуализаций Н.Ф. Наумова предлагает рассматривать удовлетворенность трудом, во-первых, как показатель социального статуса, а значит, оценки дифференциации и интеграции различных уровней (страт) некоторого социального целого; во-вторых, как меру адаптации индивида к социальной реальности через рассмотрение системы ценностей и сформированных на их основе потребностей индивида (рис. 1)².

Концепт удовлетворенности трудом как меры адаптации индивида к социальной реальности пересекается с психологическими теориями и подходами к изучению человека, однако на первое место выходит изучение социального дискурса, норм и ценностей, определяющих общественные отношения, а не индивидуальные предпочтения.

Принципиальным моментом в теоретическом описании удовлетворенности трудом как связующего элемента трудовых социальных норм является возможность оценки тех самых интеграции и дифференциации некоторого социального целого. Особенно критичной такая задача становится в периоды слома и переопределения системы ценностей, формирования конфликтных ситуаций внутри большого коллектива и малых групп, что видела Н.Ф. Наумова в 1990-е гг., что переживает высшая школа сейчас. Ограниченный, групповой характер интеграции, усиление социальной напряженности и конфликтности приводят к быстрому размежеванию людей и общностей по признаку принимаемых ими норм и ценностей. Сначала такая поляризация разводит группы сложившейся социальной структуры: социально-профессиональные, статусные, социально-демографические (например, возрастные, национальные), территориальные (например, центр и периферия) и т. д. Затем она почти мгновенно начинает углубляться и может разводить людей уже внутри групп, коллективов, организаций: что ни ценность или норма — то размежевание [7, с. 94–95].

Всеобщее увлечение оплатой труда как доминирующим фактором удовлетворенности дезинформирует управленческий персонал

² Рисунки 1–4 см. в онлайн-приложении к статье «Дополнительные материалы» по адресу — URL: <https://www.journal-socjournal.ru/index.php/socjour/article/view/9477/9280>

и разрушает логику принятия управленческих решений в тех ситуациях, когда базовые материальные потребности входят в конфликт с потребностями самовыражения, справедливости, представлений о правильном и должном поведении. В отношении трудовой этики базовым элементом выступает не материальное вознаграждение за труд, подчеркивают авторы фундаментального исследования «Человек и его работа», а содержание труда, или наполнение смыслом производимой деятельности. «При данных общих социальных условиях развития нашего общества содержание труда, творческие возможности работы являются ведущими специфическими факторами, которые определяют отношение рабочего к труду преимущественно или как к потребности личности, или как к средству существования» [18, с. 289].

Через содержание труда вкупе с творческими возможностями работы формируется полярное представление о труде как о потребности личности или средстве к существованию, соответственно, укрепляются инициативность и удовлетворенность трудом или формируется установка на удовлетворенность исключительно размером заработной платы (онлайн-приложение, рис. 2).

В.А. Ядов, А.Г. Здравомыслов с коллегами аргументированно доказали, что материальное стимулирование работника является опосредованным элементом развития культуры труда и может быть эффективным лишь при выполнении ряда условий, ключевым из которых выступает содержание самого труда. «Материальное стимулирование работника повышает производительность и качество труда независимо от содержания трудовой деятельности. Однако лишь при условии высокого содержания самого труда оно является эффективным средством формирования отношения к труду как к потребности личности; при низком содержании труда материальное стимулирование скорее тормозит этот процесс, нежели способствует его развитию» [18, с. 289].

Подобное представление о значимости содержания труда составило ядро социологической теории, описывающей социалистический подход к труду. Однако сейчас видны универсальность и теоретическая глубина сформулированных авторами наблюдений, которые весьма актуальны и для текущей социально-политической ситуации в России, весьма далекой от идеологических представлений прошлых лет. Удивляют разумность и широта взглядов советских социологов, поддерживавших и развивавших концепт содержания труда в своих работах.

Содержание наиболее сильных ценностных ориентаций человека, нравственное значение для него своей работы зависят от многих факторов — объективных и субъективных. Среди первых ведущее место занимают характер и содержание труда. Чем интереснее, содержательнее и ответственнее работа, тем большее значение она приобретает в жизни человека, определяя стиль его поведения и в других сферах [10, с. 29].

Характер и содержание труда раскрываются Н.Ф. Наумовой через систему целеполаганий, которая состоит из объективных, недетализируемых условий труда; личностной ситуации, связанной с индивидуальными чертами, жизненным ресурсом, уровнем притязаний, частной удовлетворенностью и т. д.; системы ориентирования поведения, включающей ценностный резерв, общую удовлетворенность, идентификацию с объектом, намерения и несостоявшийся элемент, вынужденный или осмысленный отказ от действий (онлайн-приложение, рис. 3).

При видимой психологизации базовых концептов Н.Ф. Наумова подчеркивает социологический характер построенной концептуализации: «Некоторые характеристики целенаправленного поведения человека в сфере труда отвечают общим требованиям нашей задачи. Оно может исследоваться социологически, то есть с помощью социологических техник, как социальное поведение, ориентированное на социальные предметы и отношения, а не на психологические состояния (например, на высококвалифицированную работу и высокий статус, а не на самореализацию и уважение) и регулируемое социальными стереотипами и социальным сравнением, а не личностными психологическими механизмами» [9, с. 47].

Разговоры о мотивации труда, материальном стимулировании работников не исключаются из рассмотрения, а лишь занимают свое — вторичное и опосредованное — место в общей структуре социальных норм и отношений. Социологическая теория удовлетворенности трудом в первую очередь опирается на социальные нормы, общественно разделяемые ценности, соотнесение индивида с некоторым общим, значимым и направляющим вектором социального развития малого коллектива или большого общества. Оставаясь в рамках традиционных операциональных схем, работая с устоявшимися вопросниками, в этой теоретической рамке можно иначе посмотреть на особенности трудовых отношений, тем более в такой квалифицированной, творчески опосредованной и интеллектуальной среде, как высшее образование. И важнейшим шагом в таком развороте теоретической оптики становится отказ от представлений, что оплата труда есть единственная характеристика удовлетворенности (см., например, пионерные работы, в которых опровергается доминирование материального фактора в удовлетворенности трудом на современных российских предприятиях [1; 15], хотя в прямых ответах рабочих оплата труда обозначалась как основополагающий фактор [15, с. 81], это не могло объяснить парадоксальную ситуацию, в которой при низкой оплате труда сохранялась удовлетворенность трудом), фальсификация устоявшихся зависимостей и представлений о монетарной детерминации человека работающего.

Методическое описание

В 2023 г. Центром полевых исследований ИНСАП РАНХиГС проведена шестая волна ежегодного мониторингового обследования

преподавателей образовательных организаций высшего образования. Детальное описание методологии построения, контроля и редактирования выборки мониторингового исследования приведено в работе [11]. Текущий опрос проводился с 18 апреля по 10 июня включительно посредством анкетирования в онлайн-среде. Опрос представляет все федеральные округа и крупнейшие города России. После редактирования массива собрана 16 581 полная анкета. Анкета состоит из 50 вопросов, среднее время заполнения анкеты — 10 мин.

За 54 календарных дня прохождения опроса совершено 28 792 перехода на анкету. Наибольший пик активности приходится на неделю после майских праздников — 10–17 мая, за этот период собрано 64% всего массива данных. 73% респондентов, перешедших по ссылке, приступили к заполнению анкеты. Доля полных анкет от количества переходов составила 58%, что несколько выше показателя предыдущего года. В среднем около 80% респондентов, начавших отвечать на вопросы анкеты, доходят до ее конца. Столь высокие показатели достижимости объясняются административным способом организации опроса.

Выборка административная, неслучайная, потоковая. Всего организовано четыре потока, или способа администрирования респондентов, которые позволили существенно расширить понимание особенностей генеральной совокупности. Основной поток, или массив анкет (79%), собран посредством рассылки писем от РАНХиГС в ректораты российских вузов с просьбой содействовать в проведении общероссийского опроса. 5% выборки собрано среди преподавателей РАНХиГС, 6% — по каналам, не связанным с администрацией вузов (инициативная выборка) и 11% выборки — анкеты участников прошлых опросов, которые дали информированное согласие на повторные обращения с просьбой участия в общероссийском исследовании.

Массив данных собран на неслучайной выборке, поэтому применение классических методов анализа, основанных на вероятностных характеристиках, некорректно. Мы опираемся лишь на простые линейные распределения и сопоставления различных групп опрошенных. Речь не идет о доказательстве казуальных связей, о проверке гипотез или оценке значимости полученных результатов. Наша задача скромнее: проиллюстрировать социологическую теорию удовлетворенности трудом и наметить варианты статистической модели для ее апробации.

Результаты исследования

Стоит начать с наиболее проблемного утверждения: на основании данных мониторинга, в частности, шестой его волны, мы, как и наши коллеги, обнаруживаем связь между удовлетворенностью академической работой и уровнем дохода респондентов ($\chi^2 = 355,068$, $df = 10$; $p < 0,000$). Однако показатель удовлетворенности трудом незначительно возрастает в сегменте средних доходов с 82 до 88%, но уже у высокодоходных групп преподавателей снижается до 85% (табл. 1).

Таблица 1

**Удовлетворенность преподавательским трудом
 в разных по доходу группах преподавателей в 2023 г., % по столбцу**

В целом Вы удовлетворены или не удовлетворены своей преподавательской деятельностью в текущем учебном году?	Укажите, пожалуйста, свой личный примерный совокупный доход в месяц, тыс. руб.						
	10–30	40–60	70–90	100–120	более 120	з/о	всего
Удовлетворены / скорее удовлетворены	82	84	86	88	85	78	84
Не удовлетворены / скорее не удовлетворены	14	14	12	11	14	11	13
Затрудняюсь ответить (з/о)	4	2	2	1	2	11	3
Всего ответивших, человек	3533	6826	2403	1557	947	1315	16 581

Мы не наблюдаем значительного роста удовлетворенности трудом с ростом доходов и не можем утверждать о простой и понятной ситуации, которую демонстрируют коллеги из НИУ ВШЭ (см.: [Рудаков, 2021; Rotar, Sarmiento, 2022]). Куда более значительные различия наблюдаются между административной (по письму из ректората) и инициативной (через таргетирование в социальных сетях и личных рассылках) выборками. Преподаватели из инициативной выборки закономерно более критичны к себе и своей работе: среди них 71% удовлетворены работой, что на 14 процентных пунктов меньше, чем в административной выборке (табл. 2).

Таблица 2

Доля удовлетворенных или скорее удовлетворенных преподавательским трудом в административной и инициативной выборках в разных по доходу группах преподавателей в 2023 г., % от числа ответивших

В целом Вы удовлетворены или не удовлетворены своей преподавательской деятельностью в текущем учебном году? Ответ: удовлетворены / скорее удовлетворены	Укажите, пожалуйста, свой личный примерный совокупный доход в месяц, тыс. руб.						
	10–30	40–60	70–90	100–120	более 120	з/о	всего
Административная выборка	83	85	88	90	89	79	85
Инициативная выборка	72	72	71	74	69	69	71

Административная выборка опирается на формальные регламенты организации опроса. Мы пересылаем запросы о содействии исследованию в ректораты вузов, а затем из ректоратов письма или распоряжения за подписью ректора или проректора рассылаются

в учебные подразделения. Такая организация опроса приводит к росту административных ожиданий и возникновению административно одобряемого поведения, поскольку участие в опросе определяется пусть и мягким, но внешним воздействием от вышестоящих коллег. Инициативная потоковая выборка, напротив, полностью регулируется самими респондентами. Приглашение к участию размещается в социальных сетях, и только желающие переходят по ссылке и полностью заполняют анкету (подробнее об особенностях формирования административной и инициативной выборок см.: [11]). В таком варианте организации выборки возникает противоположный эффект протестного и критического поведения, поскольку в социальных сетях отвечающие склонны более критично относиться к задаваемым вопросам. Инициативная выборка в административном опросе, организованном на неслучайной выборке, необходима для оценки нижней границы распределений по наиболее чувствительным вопросам, к которым относится самооценка и удовлетворенности преподавательской деятельностью, и удовлетворенности жизнью в целом.

В инициативной выборке зависимости между оплатой и удовлетворенностью практически нет, то есть преподаватели с разным уровнем доходов, отвечавшие на анкету в инициативном порядке, в среднем высказывают одинаковые оценки удовлетворенности своим трудом. Заметим при этом, что респонденты двух выборок различаются по среднему уровню дохода: представители инициативной группы в среднем состоятельнее, чем представители административной.

В чем причина отсутствия ярко выраженного материального фактора в удовлетворенности трудом респондентов в мониторинге РАНХиГС, а равно и повышенной значимости этого фактора в других мониторингах? Этот вопрос представляется перспективным сюжетом для внутриакадемической дискуссии, которая, однако, может быть интересна и администраторам образовательного процесса, и самим преподавателям. Помимо сомнительных объяснений, предполагающих, что в нашу выборку неожиданно попали значительное число преподавателей-рантье, чей доход не связан с преподаванием вовсе (а значит, не может быть какой-либо связи), можно подвергнуть критике саму надежность мониторинговых обследований для изучения уровня удовлетворенности академической работой по двум основаниям: операциональному и концептуальному.

Во-первых, разница в удовлетворенности работой между респондентами инициативной и административной выборок (доля неудовлетворенных в инициативной на 21% выше, чем в административной) указывает на то, что результаты такого рода опросов чрезвычайно зависимы от способов их проведения. Анкета мониторинга, реализуемого РАНХиГС, не имеет прямых указаний на интерес составителей к анализу уровня удовлетворенности академической работой, а тем более заработ-

ной платой; ее первичной целью было изучение процессов цифровой трансформации высшей школы, о чем и сообщалось респондентам. Не исключено, что смена исследовательской оптики — более «экономическая» постановка основных вопросов и соответствующая последовательность блоков анкеты — повлияла бы на итоговый результат, тем более что мы имеем дело с высокообразованными респондентами, способными рефлексировать над вопросами (и целями сбора данных) социологов.

Во-вторых, концептуальная схема, в которой изначально преподаватель рассматривается как реактивно действующий на внешнюю ситуацию субъект (см. рис. 1), предполагает поиск наиболее значимых стимулов и реакций, создает систему самовоспроизводимых ожиданий, согласно которым нет ничего важнее оплаты в преподавательском труде. Заметим тут же, что в цитируемых выше исследованиях настроений преподавателей, основанных на проекте CAP, характер зависимости между двумя интересующими нас переменными также оставался проблематичным: в частности, для Италии некоторая положительная корреляция между удовлетворенностью трудом и уровнем заработной платы респондентов прослеживалась, а для Великобритании — уже нет [28, p. 12].

Отсутствует какая-либо связь между удовлетворенностью трудом и наличием исследовательской или административной нагрузки в работе преподавателей (табл. 3). Наличие последней дает существенный прирост в заработной плате, однако рост удовлетворенности не наблюдается.

Таблица 3

Удовлетворенность преподавательским трудом среди преподавателей, занятых исследовательской и административной деятельностью, % по столбцу

В целом Вы удовлетворены или не удовлетворены своей преподавательской деятельностью в текущем учебном году?	Профессиональная деятельность*				
	преподавательская	исследовательская	административная	другая	з/о
Удовлетворены	37	36	35	32	18
Скорее удовлетворены	47	48	50	47	14
Скорее не удовлетворены	10	11	11	14	3
Не удовлетворены	3	3	3	4	8
Затрудняюсь ответить	3	2	2	3	57
Всего ответивших, человек	16 316	9232	4581	834	101

* Анкетный вопрос со множественным выбором: «Какими направлениями профессиональной деятельности Вы занимались в вузе в текущем году? Отметьте все подходящие варианты: преподавательская, исследовательская, административная, другая (какая именно?), затрудняюсь ответить (блокирующий)».

Материальная компонента удовлетворенности трудом высока, однако ею не определяется отношение к преподавательскому труду. Оплата труда, скорее, выступает важнейшим из сопутствующих факторов позитивного отношения к труду. Основной же набор прямых, непосредственно влияющих на удовлетворенность факторов характеризуется концептуальными определениями, разработанными советскими социологами — содержание труда и творческие возможности работы (см. рис. 2) — и воспроизведенными на иной манер Линдой Хагедорн как обобщенные триггеры и медиаторы академической деятельности [21]. Ограничившись анкетными вопросами и особенностями операционализации в онлайн-исследовании, все же можно выделить ряд факторов, негативно влияющих на удовлетворенность академической профессией в России, согласно опросу 2023 г.

Для этого рассчитаем индекс неудовлетворенности как разницу между долей не удовлетворенных и долей удовлетворенных преподавательским трудом при негативном выборе внешнего наиболее значимого фактора. Например, среди преподавателей, не удовлетворенных своей жизнью в целом, 34% не удовлетворены и преподавательской деятельностью, а среди удовлетворенных своей жизнью в целом не удовлетворены преподавательской деятельностью всего 9% ($\chi^2 = 2157,373$, $df = 4$; $p < 0,000$). Разница между этими величинами составляет 25 п. п. и выступает индикатором влияния неудовлетворенности жизнью в целом на неудовлетворенность преподавательской деятельностью (табл. 4).

Таблица 4

Удовлетворенность преподавательским трудом среди преподавателей, удовлетворенных и не удовлетворенных своей жизнью в целом, % по столбцу

В целом Вы удовлетворены или не удовлетворены своей преподавательской деятельностью в текущем учебном году?	Насколько Вы сейчас удовлетворены своей жизнью в целом?			Всего
	удовлетворены / скорее удовлетворены	не удовлетворены / скорее не удовлетворены	з/о	
Удовлетворены / скорее удовлетворены	89	62	70	84
Не удовлетворены / скорее не удовлетворены	9	34	12	13
Затрудняюсь ответить	2	4	19	3
Всего ответивших, человек	13016	2605	960	16581

Рассмотрим все возможные факторы (в соответствии с переменными, которые были включены в анкету шестой волны мониторинго-

вого исследования преподавателей высшей школы) и отберем из них лишь те, в которых индикатор неудовлетворенности преподавательским трудом от выбранного фактора будет составлять более 10 п. п. (табл. 5).

Таблица 5

**Индикатор неудовлетворенности преподавательским трудом
в зависимости от наиболее значимых факторов
(различия более 10 п. п.)***

Фактор**	Индикатор неудовлетворенности, п. п.
1. Общая низкая удовлетворенность жизнью	25
2. Низкая оценка текущей социально-экономической ситуации в стране	24
3. Негативная оценка грамотности и ответственности руководителей высшего образования России	24
4. Участие в опросе посредством инициативной выборки	21
5. Высокий уровень тревоги	20
6. Отсутствие возможностей для профессионального развития	18
7. Конфликтные отношения с администрацией вуза	17
8. Негативная оценка своего материального положения в будущем	16
9. Оценка мер, принимаемых государством по поддержке высшего образования, как неадекватных (как чрезмерных, так и недостаточных)	15
10. Негативный прогноз развития индивидуальных траекторий обучения	13
11. Негативный прогноз перспектив академических свобод для преподавателя	12
12. Негативный прогноз возможностей студентов получать дополнительную квалификацию за время обучения	12
13. Оценка санкционного режима как усложняющего жизнь преподавателя	10
14. Мужской пол	10

* Индикатор рассчитывается как разница между долей негативной и долей позитивной характеристик фактора среди не удовлетворенных преподавательским трудом (см. табл. 4 и пояснение к расчету индикатора).

** Анкетные вопросы, по которым рассчитывались факторы: 1. «Насколько Вы сейчас удовлетворены своей жизнью в целом? Удовлетворены; скорее удовлетворены; скорее не удовлетворены; не удовлетворены». 2. «Как Вы в целом оцениваете текущую социально-экономическую ситуацию в России? Очень плохо; плохо; удовлетворительно; хорошо; отлично». 3. «Вы

согласны или не согласны со следующими утверждениями: как правило, в высшем образовании работают грамотные и ответственные руководители? Да, скорее согласны; нет, скорее не согласны». 4. «Выберите, пожалуйста, одно из наиболее подходящих для Вас в настоящее время высказываний: я не испытываю тревогу; я испытываю умеренную тревогу; я испытываю сильную тревогу». 5. «Какие возможности для своего профессионального развития Вы видите в текущих условиях?» 6. «Как бы Вы охарактеризовали свои отношения с администрацией Вашего вуза: отличные; хорошие; удовлетворительные; неудовлетворительные; нет никаких отношений?» 7. «Как изменится Ваше материальное положение к концу текущего года: улучшится; скорее улучшится; никак не изменится; скорее ухудшится; ухудшится?» 8. «По Вашему мнению, текущие меры, которые принимаются государством для поддержки развития высшего образования в России: чрезмерны; достаточны или недостаточны?» 9. «Если представить, каким будет высшее образование в России через год, насколько Вы согласны со следующим высказыванием: обучение станет более индивидуальным, настроенным на образовательную траекторию каждого студента: полностью согласны; скорее согласны; скорее не согласны; полностью не согласны?» 10. «Если представить, каким будет высшее образование в России через год, насколько Вы согласны со следующим высказыванием: увеличится свобода преподавателя в выборе способов и приемов обучения: полностью согласны; скорее согласны; скорее не согласны; полностью не согласны?» 11. «Если представить, каким будет высшее образование в России через год, насколько Вы согласны со следующим высказыванием: студенты во время обучения чаще будут получать еще как минимум одну (дополнительную) квалификацию: полностью согласны; скорее согласны; скорее не согласны; полностью не согласны?» 12. «Как Вы считаете, сегодняшняя ситуация, вызванная санкционным режимом, в ближайшие годы скорее усложнит, скорее упростит или никак не повлияет на Вашу работу как преподавателя?»

Можно заметить, что эти факторы, в свою очередь, объединяются в несколько базовых подгрупп:

- 1) низкий уровень субъективного благополучия и высокая тревожность;
- 2) негативная оценка социально-экономической конъюнктуры и страхи за свое материальное положение;
- 3) недовольство руководителями и конфликты с администрацией;
- 4) ожидания сужения своих академических свобод и возможностей выбора для учащихся;
- 5) социально-демографические характеристики, в первую очередь принадлежность к мужскому полу.

Первая подгруппа факторов не вызывает больших вопросов: действительно, для многих респондентов работа не является особым «резервуаром благополучия», который радует, несмотря на общую неудовлетворенность жизнью (заметим, что, согласно данным других мониторинговых обследований РАНХиГС, таким безусловным «резервуаром» выступают отношения с родными и близкими). Вместе с тем даже среди не удовлетворенных жизнью преподавателей большинство из них (62%) сообщают, что они удовлетворены работой.

Связь с тревогой менее явная. Напомним, что это описанный ранее феномен: высокая удовлетворенность работой может соседствовать с высоким уровнем личного или академического стресса [28]. Материальные факторы удовлетворенности преподавательской работой в нашем исследовании также заняли свое место, однако из области «наличного» оказались отнесены в область «гипотетического». Иначе говоря, на реальный уровень удовлетворенности академической работой влияет не столько имеющаяся заработная плата, сколько страхи за ее сохранность в будущем. Причем отрицательно на удовлетворенности работой сказывается именно негативный прогноз материального достатка.

Следующей значимой подгруппой факторов-предикторов снижения удовлетворенности академической работой являются конфликты с руководством и общее недовольство начальством. Заметим, что параметр «оценка взаимоотношений с руководством» оказался наиболее влиятельным и в исследовании наших коллег из Южного федерального университета (более весомым, чем заработная плата). Негативно влияют на уровень удовлетворенности академической работой как реальные конфликты с начальством, так и общее убеждение, что сферой высшего образования руководят некомпетентные люди, причем, что интересно, второе сказывается в большей мере: 37% против 30% соответственно (см. табл. 5).

Однако 17% тех, кто не имел за последний год споров или конфликтов с руководством вуза, все же занимают критическую позицию по отношению к руководителям высшего образования. Возможно, здесь проявляется недовольство общей политической конъюнктурой или некоторая невысказанная претензия в адрес того направления, которое принимает развитие высшего образования.

Неслучайно большой набор факторов неудовлетворенности академической работой может быть объединен в общую группу «ожидание сужения своих академических свобод и возможностей выбора для учащихся». Здесь и убеждение в отсутствии перспектив личностного роста и развития, и негативные прогнозы по ряду характеристик образовательной системы (использование индивидуальных траекторий обучения для студентов, наличие академических свобод для преподавателей, возможностей для студентов получать дополнительную квалификацию за время обучения).

Можно заметить, что в данном случае респонденты выступают с экспертной критикой динамики развития образовательной системы, и их удовлетворенность академической работой формируется не только на основе представлений о собственном комфорте, высоком доходе или стабильности социального статуса преподавателя, но и в связи с возможным (прогнозируемым) ухудшением параметров и, соответственно, результатов работы системы высшего образования

в целом. Такая критика имеет как прагматический, так и ценностный, и телеологический характер, поскольку восходит к представлению о некоем идеале, наиболее благоприятной траектории развития академической сферы.

Важно отдельно рассмотреть, какие возможности профессионального развития видят для себя преподаватели. Поскольку само наличие таких перспектив профессионального роста является (при прочих равных) фактором более высокого уровня удовлетворенности академической работой, после анализа открытых ответов можно привести рекомендации для конкретных действий по поддержке работников высшего образования.

В целом респонденты демонстрируют большую заинтересованность в традиционных способах академического развития (освоение курсов повышения квалификации, целевое обучение и т. д.). Многие называют конкретные ведомственные или коммерческие программы, прохождение которых представляется для них важным. Преподаватели предсказуемо подчеркивают, что были бы рады компенсации затрат на переобучение и профподготовку. Для ряда респондентов перспективой развития является разработка собственного курса повышения квалификации, то есть внутри преподавательской среды организованся некоторый «рынок», связанный с такого рода курсами и краткосрочным обучением, имеющий устойчивый спрос и предложение. Одним из популярных направлений повышения квалификации остается освоение цифровой грамотности, и, следовательно, возникают предложения по созданию соответствующих ресурсных центров и программ.

Более характерным для текущего момента стоит считать устойчивый спрос со стороны академических сотрудников на усиление контактов с производством, предприятиями, работодателями и т. д. Эти контакты могут быть выражены двояко: как самым непосредственным образом — через прохождение студентами соответствующей практики, реализации прикладных проектов, так и через «производственноориентированность» самого высшего образования, уверенность преподавателя, что его студенты нужны промышленности или бизнесу. Работа в условиях тесной связки с предприятиями воспринимается как ресурс профессионального развития.

Таким образом, у администраторов учебного процесса всех уровней в наличии множество рычагов для выявления новых возможностей профессионального развития преподавателей, а сама преподавательская корпорация остается открытой тем ресурсам, которые предоставляют устоявшаяся образовательная структура и изменившаяся ситуация.

Анализ факторов повышенной неудовлетворенности академической деятельностью стоит завершить наиболее бесспорным из них — принадлежность к мужскому полу. Хотя влияние пола на удовлетво-

ренность трудом нельзя считать решающим, данная закономерность, согласно которой женщины-преподаватели более удовлетворены своим трудом, чем их коллеги-мужчины, неоднократно описывалась в иных исследованиях и подтверждалась как на российских, так и на международных выборках [2]. Подобную ситуацию более высокой удовлетворенности трудом, а значит, и адаптивности к условиям труда, отмечали и советские социологи [18]. Впрочем, и здесь есть своя дисперсия и исключения, поэтому любые рассуждения о причинах большего благополучия женщин в академической профессии могут иметь исключительно спекулятивный характер: влияние культурного контекста и текущей социально-экономической ситуации на указанную диспропорцию невозможно надежно оценить.

Концептуализация удовлетворенности трудом

В текущих исследованиях удовлетворенность преподавательским трудом напрямую связана с доходами. Легкость и простота операционализации и обнаружения связей между доходом и уровнем удовлетворенности подталкивают исследователей к простым объяснительным схемам, определяющим оплату труда в качестве наиболее значимого и надежного фактора удовлетворенности. На ошибочность такого подхода явным образом указывали советские социологи; исследования в этом направлении продолжает коллектив под идейным руководством А.Л. Темницкого (см., например: [15; 16]), выделяя в качестве важнейших показателей удовлетворенности творческие возможности работы и содержание труда. Но их голос почти не слышен в общем потоке публикаций, основанных на регрессионных моделях, в которых преклонение перед статистическими зависимостями затмевает не только здравый смысл, но и давно разработанные и апробированные теоретические схемы.

Следует вернуться к советскому социологическому наследию и критически подойти к результатам текущих замеров. Те вопросы, которые Темницкий с коллегами по большей части изучали на промышленных предприятиях, следует продолжить исследовать и в интеллектуальной сфере, в образовательных организациях высшего образования. В первую очередь можно выделить четыре сферы жизненного мира преподавателя, определяющие целеполагание и осмысленное отношение к труду. Это, во-первых, представление о внешнем мире, социально-экономической ситуации, то, что задается системой личных ценностей и оценок происходящего; во-вторых, представление о системе образования, особенностях ее развития; в-третьих, уверенность в собственной позиции на рынке труда; в-четвертых, установка на свободу творчества, приоритет либеральных способов организации труда над авторитарными и формирование продуктивной учебной среды (онлайн-приложение, рис. 4).

Предлагаемые сферы жизненного мира преподавателя могут быть операционализированы посредством апробированных анкетных вопросов, часть из которых приведены выше. На данном этапе наша задача не состоит в обосновании связей, в опровержении или подтверждении статистических гипотез. Она в первую очередь связана с формулированием гипотез и разработкой опросника, который в будущем позволит сформировать те же статистические модели.

Оплата преподавательского труда и совокупный доход преподавателя, который складывается из разных источников, выступают важнейшими элементами удовлетворенности трудом, но не основными и системообразующими. Регулирование рынка труда через манипуляции со ставками и формами оплаты, сведение кадровой политики до зарплатных ведомостей скорее навредит, нежели поспособствует укреплению преподавательской дисциплины, ответственности и приверженности к ценностям высшей школы.

Вместе с тем концептуализация удовлетворенности трудом через его оплату удобна и закономерна как 60 лет назад, так и сегодня. Стремление к централизации, контролю, подчинению всех форм труда, сформированные советской властью, в настоящее время подкреплены всеобщим стремлением властной федеральной номенклатуры к цифровизации и тотальному контролю. Нет ничего плохого в цифровизации высшей школы, плохо то, что под цифровизацией понимается стремление к централизации, квантификации и упрощению представления о человеке как механизме, линейно воспринимающем внешние сигналы. Заработная плата — не столько самый эффективный сигнал, сколько самый простой, понятный и хорошо общитываемый.

В текущей социально-политической ситуации, как и в прошлом, подобная концептуализация может дать более точные прогнозы рынка преподавательского труда, оценки угрозы увольнений и добровольного ухода с работы, динамики занятости различных социально-демографических групп. Состояние свободы, в котором только и возможно осмысленное образование, не может быть продиктовано внешней целесообразностью и материальными мотивами. Не надо быть марксистом, чтобы понимать эту максиму. Но не надо быть и социологом, чтобы понимать невероятно низкие шансы появления теории удовлетворенности трудом, в которой главным является человек, а не механизм по достижению образовательных целей, формированию образовательных компетенций и реализации образовательных функций. Исполнитель поручений, поступающих сверху в организацию высшего образования, удобнее и понятнее преподавателя, находящегося в поиске средств и способов организации собственного образовательного процесса. Унификация, стандартизация и цифровизация — основа современного взгляда на управление высшим образованием.

Модель удовлетворенности трудом 1960-х гг. так и осталась в научных публикациях, реализация ее в социологических лабораториях советских предприятий столкнулась с непреодолимыми трудностями согласования содержания труда и творческих возможностей работников с партийными интересами правящей элиты. Получится ли сейчас? Исследователи российских вузов и руководители от образования с энтузиазмом воспроизводят монетарные объяснительные модели. Но шанс всегда есть. Шанс, на который не только можно надеяться, но и который можно проверять, критиковать и развивать. Шанс построения немонетарной теории удовлетворенности трудом, которая не только будет отражать плохо контролируемый человеческий фактор, но и сдерживать управленческий кураж «эффективных менеджеров» от науки и образования. Шанс включения социологической теории удовлетворенности трудом в государственную политику по развитию высшего образования в России, в которой когда-нибудь работа преподавателя станет определяться его творческими профессиональными мотивами и материальным достатком.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Рогозин Дмитрий Михайлович — кандидат социологических наук, заведующий лабораторией полевых исследований, Институт социального анализа и прогнозирования РАНХиГС; старший научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН. **Телефон:** +7 (495) 695-11-62. **Электронная почта:** rogozin@ranepa.ru

Солодовникова Ольга Борисовна — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт социального анализа и прогнозирования РАНХиГС. **Телефон:** +7 (495) 695-11-62. **Электронная почта:** o.b.solodovnikova@gmail.com

Research Article

DMITRY M. ROGOZIN^{1,2}, OLGA B. SOLODOVNIKOVA³

¹ Institute of Sociology of FCTAS RAS.

5, bl. 1, Bolshaya Andronievskaya str., 109544, Moscow, Russian Federation.

² Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation (RANEPA).
82, Vernadskogo avenue, 119571, Moscow, Russian Federation.

³ Institute of Social Analysis and Forecast of RANEPA.

bl. 11, Prechistenskaya Emb., 119019, Moscow, Russian Federation.

JOB SATISFACTION OF THE TEACHING STAFF IN RUSSIAN UNIVERSITIES: FROM A RETROSPECTIVE ANALYSIS OF APPROACHES TO MODERN CONCEPTUALIZATIONS

Abstract. The article is devoted to the reception and rethinking of the concept of job satisfaction developed by Soviet sociologists in the late 1960's. It criticizes the

currently accepted approach, which puts forward wages as the main factor of job satisfaction (N.V. Rudakov, 2021; O. Rotar, B.E. Sarmiento, 2022). Other approaches that consider a broader set of satisfaction factors remain significantly dependent on the dominant financial-pragmatic framework (E.B. Mikhalkina, et. al, 2020; G.Z. Efimova, A.S. Latyshev, 2023).

Based on a retrospective analysis, the authors propose an updated concept of job satisfaction. It is tested on the data of a long-term monitoring study of the teaching staff of Russian universities, conducted by the Presidential Academy. The data from the sixth wave of this monitoring (the survey was conducted online by the authors of the article from April 18 up to and including June 10, 2023, 16,581 complete questionnaires were collected) are analyzed. A higher education teacher's total family income and teacher's wage are considered as significant factors in overall job satisfaction, but the most important conceptual attributes of satisfaction are the creative capacity and the content of a job. The first attribute is determined by a set of operational definitions that reflect perceptions of the world and confidence in one's own professional position. The second is determined by the perceptions of the educational system and whether a person is seeking freedom of creativity.

Keywords: job satisfaction; educational organizations of higher education; universities; remuneration; wage; higher education teachers; Soviet sociology; total income; job content; creative job capacities.

For citation: Rogozin, D.M., Solodovnikova, O.B. Job Satisfaction of the Teaching Staff in Russian Universities: From a Retrospective Analysis of Approaches to Modern Conceptualization. *Sotsiologicheskii Zhurnal = Sociological Journal*. 2024. Vol. 30. No. 3. P. 98–123. 10.19181/socjour.2024.30.3.5

Acknowledgements: The article was prepared within the framework of the RANEPА State task.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Dmitry M. Rogozin — Candidate of Sociological Sciences, Senior Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS; Head of the Laboratory for Field Research, Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation (RANEPА). **Phone:** +7 (499) 120-82-57. **Email:** rogozin@ranepa.ru

Olga B. Solodovnikova — Candidate of Philological Sciences, Research Fellow, Institute of Social Analysis and Forecast of RANEPА. **Phone:** +7 (495) 695-11-62. **Email:** o.b.solodovnikova@gmail.com

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Бессокирная Г.П., Темницкий А.Л. Удовлетворенность работой на предприятии и удовлетворенность жизнью рабочих: традиционные и новые факторы // Социологический журнал. 1999. № 1/2. С. 186–191. EDN: PZQKHV
Bessokirnaya G.P., Temnitskii A.L. Job Satisfaction at the Enterprise and Satisfaction with the Life of Workers: Traditional and New Factors. *Sotsiologicheskii Zhurnal = Sociological Journal*. 1999. No. 1/2. P. 186–191. (In Russ.)

2. Ефимова Г.З., Латышев А.С. Удовлетворенность трудом у работников высшего учебного заведения // Вопросы образования. 2023. № 1. С. 72–108. DOI: 10.17323/1814-9545-2023-1-72-108 EDN: KYIXFQ
Efimova G.Z., Latyshev A.S. Job Satisfaction among Employees of a Higher Educational Institution. *Voprosy obrazovaniya*. 2023. No. 1. P. 72–108. DOI: 10.17323/1814-9545-2023-1-72-108 (In Russ.)
3. Ильясов Ф.Н. Удовлетворенность трудом / Под ред. В.Г. Андрееенкова. Ашхабад: Ылым, 1988. — 99 с.
Il'yasov F.N. *Udovletvorennost' trudom*. [Job Satisfaction.] Ed. by V.G. Andreenkov. Ashgabat: Ylym publ. 99 p. (In Russ.)
4. Козлова З.И., Файнбург З.И. Изменение характера труда и всестороннее развитие человека // Вопросы философии. 1963. № 3. С. 55–58.
Kozlova Z.I., Fainburg Z.I. Changing the Nature of Work and Comprehensive Human Development. *Voprosy filosofii*. 1963. No. 3. P. 55–58. (In Russ.)
5. Михалкина Е.В., Скачкова Л.С., Дюжиков С.А. Удовлетворенность трудом в академической сфере // Terra Economicus. 2020. Т. 18. № 3. С. 160–181. DOI: 10.18522/2073-6606-2020-18-3-160-181 EDN: ARMOMM
Mikhalkina E.V., Skachkova L.S., Dyuzhikov S.A. Job Satisfaction in the Academic Sphere. *Terra Economicus*. 2020. Vol. 18. No. 3. P. 160–181. DOI: 10.18522/2073-6606-2020-18-3-160-181 (In Russ.)
6. Наумова Н.Ф. Два мира — два отношения к труду // Вопросы философии. 1963. № 1. С. 15–23.
Naumova N.F. Two Worlds — Two Attitudes to Work. *Voprosy filosofii*. 1963. No. 1. P. 15–23. (In Russ.)
7. Наумова Н.Ф. Рецидивирующая модернизация в России: беда, вина или ресурс человечества? / Под ред. В.Н. Садовского, В.А. Ядова. М.: Эдиториал УРСС, 1999. — 174 с.
Naumova N.F. *Retsidiviruyushchaya modernizatsiya v Rossii: beda, vina ili resurs chelovechestva?* [Recurrent Modernization in Russia: Trouble, Guilt or Humanity's Resource?] Moscow: Editorial URSS publ., 1999. 174 p. (In Russ.)
8. Наумова Н.Ф. Удовлетворенность трудом как социальная характеристика. М.: Институт конкретных социальных исследований АН СССР, 1970. — 15 с.
Naumova N.F. *Udovletvorennost' trudom kak sotsial'naya kharakteristika*. [Job Satisfaction as a Social Characteristic.] Moscow: Institut konkretnykh sotsial'nykh issledovaniy AN SSSR publ., 1970. 15 p. (In Russ.)
9. Наумова Н.Ф. Целеполагание как системный процесс: препринт. М.: Всесоюзный научно-исследовательский институт системных исследований, 1982. — 65 с.
Naumova N.F. *Tselepolaganie kak sistemnyi protsess: preprint*. [Goal Setting as a System Process: Preprint.] Moscow: Vsesoyuznyi nauchno-issledovatel'skii institut sistemnykh issledovaniy publ., 1982. 65 p. (In Russ.)

10. *Наумова Н.Ф., Роговин В.З.* Социальное развитие и общественные нравы: некоторые актуальные вопросы теории и практики. М.: Знание, 1984. — 64 с.
Naumova N.F., Rogovin V.Z. *Sotsial'noe razvitie i obshchestvennyye nrvy: nekotorye aktual'nye voprosy teorii i praktiki.* [Social Development and Social Mores: Some Topical Issues of Theory and Practice.] Moscow: Znanie publ., 1984. 64 p. (In Russ.)
11. *Рогозин Д.М.* Дистанционное обучение в период пандемии COVID-19: Методология административного опроса преподавателей и студентов вузов. М.: Дело, 2021. — 295 с. EDN: VSNUSS
Rogozin D.M. *Dstantsionnoe obuchenie v period pandemii COVID-19: Metodologiya administrativnogo oprosa prepodavatelei i studentov vuzov.* [Distance Learning During the COVID-19 Pandemic: Methodology of the Administrative Survey of University Teachers and Students.] Moscow: Delo publ., 2021. 295 p. (In Russ.)
12. *Рудаков В.Н.* Удовлетворенность работой, карьерные стратегии и планы преподавателей российских вузов: информационный бюллетень. М.: Высшая школа экономики, 2021. — 36 с. DOI: 10.17323/978-5-7598-2592-0 EDN: ZAOPHP
Rudakov V.N. *Udovletvorennost' rabotoi, kar'ernye strategii i plany prepodavatelei rossiiskikh vuzov: informatsionnyi byulleten'.* [Job Satisfaction, Career Strategies and Plans of Russian University Teachers: Newsletter.] Moscow: Vysshaya shkola ekonomiki publ., 2021. 36 p. DOI: 10.17323/978-5-7598-2592-0 (In Russ.)
13. *Солодовникова О.Б., Малькова Е.Е.* Исследование удовлетворенности преподавателей своей работой: концептуальная рамка для России // Социологический журнал. 2023. Т. 29. № 4. С. 56–76. DOI: 10.19181/socjour.2023.29.4.3 EDN: HOATOR
Solodovnikova O.B., Mal'kova E.E. Academic Job Satisfaction Research: Conceptual Framework for Russia. *Sotsiologicheskii Zhurnal = Sociological Journal.* 2023. Vol. 29. No. 4. P. 56–76. DOI: 10.19181/socjour.2023.29.4.3 (In Russ.)
14. *Таганов И.Н., Шкаратан О.И.* Исследования социальных структур методом энтропийного анализа // Вопросы философии. 1969. № 5. С. 74–82.
Taganov I.N., Shkaratan O.I. Research of Social Structures by the Method of Entropy Analysis. *Voprosy filosofii.* 1969. No. 5. P. 74–82. (In Russ.)
15. *Темницкий А.Л.* Социокультурные факторы трудового поведения промышленных рабочих: 1990-е годы // Социологический журнал. 2002. № 2. С. 76–93. EDN: PZQLIT
Temnitskii A.L. Sociocultural Factors of Industrial Workers' Labor Behavior: The 1990s. *Sotsiologicheskii Zhurnal = Sociological Journal.* 2002. No. 2. P. 76–93. (In Russ.)

16. Темницкий А.Л. Коллективистские ориентации и практики трудового поведения // Социологические исследования. 2008. № 12. С. 62–72. EDN: JUQDDD
Temnitskii A.L. Collectivist Orientations and Work Behavior Practices. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2008. No. 12. P. 62–72. (In Russ.)
17. Темницкий А.Л. Расширение функций и контекста современных исследований удовлетворенности трудом // Социологический журнал. 2013. № 3. С. 139–148. EDN: RDMAAR
Temnitskii A.L. Expanding the Functions and Context of Modern Research on Job Satisfaction. *Sotsiologicheskii Zhurnal = Sociological Journal*. 2013. No. 3. P. 139–148. (In Russ.)
18. Человек и его работа: социологическое исследование / Под ред. А.Г. Здравомыслова, В.П. Рожина, В.А. Ядова. М.: Мысль, 1967. — 392 с.
Chelovek i ego rabota: sotsiologicheskoe issledovanie. [Man and His Work: A Sociological Study.] Ed. by A.G. Zdravomyslov, V.P. Rozhin, V.A. Yadov. Moscow: Mysl' publ., 1967. 392 p. (In Russ.)
19. Bentley P.J., Coates H., Dobson I.R., et al. Academic Job Satisfaction from an International Comparative Perspective: Factors Associated with Satisfaction Across 12 Countries. *Job Satisfaction Around the Academic World*. Ed. by P.J. Bentley, H. Coates, I.R. Dobson, et al. N.-Y.: Springer, 2013. P. 239–262. DOI: 10.1007/978-94-007-5434-8_13
20. Blaese R., Noemi S., Brigitte L. Should I Stay, or Should I Go? Job Satisfaction as a Moderating Factor Between Outcome Expectations and Entrepreneurial Intention Among Academics. *International Entrepreneurship and Management Journal*. 2021. Vol. 17. P. 1357–1386. DOI: 10.1007/s11365-021-00744-8
21. Hagedorn L.S. Conceptualizing Faculty Job Satisfaction: Components, Theories, and Outcomes. *New Directions for Institutional Research*. 2000. Vol. 2000. No. 105. P. 5–20. DOI: 10.1002/ir.10501
22. Janib J., Mohd Rasdi R., Omar Z., et al. The Relationship between Workload and Performance of Research University Academics in Malaysia: The Mediating Effects of Career Commitment and Job Satisfaction. *Asian Journal of University Education*. 2021. Vol. 17. No. 2. P. 85–99. DOI: 10.24191/ajue.v17i2.13394
23. Lourdes Machado-Taylor de M., Soares V.M., Brites R., et al. Academic Job Satisfaction and Motivation: Findings from a Nationwide Study in Portuguese Higher Education. *Studies in Higher Education*. 2016. Vol. 41. No. 3. P. 541–559. DOI: 10.1080/03075079.2014.942265
24. Mustapha N. The Influence of Financial Reward on Job Satisfaction among Academic Staffs at Public Universities in Kelantan, Malaysia. *International Journal of Business and Social Science*. 2013. Vol. 4. No. 3. P. 244–248.
25. Oshagbemi T. Overall Job Satisfaction: How Good Are Single Versus Multiple-Item Measures? *Journal of Managerial Psychology*. 1999. Vol. 14. No. 5–6. P. 388–403. DOI: 10.1108/02683949910277148

26. Paul E., Phua S. Lecturers' Job Satisfaction in a Public Tertiary Institution in Singapore: Ambivalent and Non-Ambivalent Relationships between Job Satisfaction and Demographic Variables. *Journal of Higher Education Policy and Management*. 2011. Vol. 33. No. 2. P. 141–151. DOI: 10.1080/1360080X.2011.550087
27. Rotar O., Sarmiento B.E. Determinants of academic job satisfaction: findings from Russia. *XXIII Yasin (April) International Conference on Economic and Social Development*. Moscow. HSE University, 2022. Accessed 11.01.2024. URL: https://conference.hse.ru/files/download_file_ex?id=B138607D-B020-41C3-A3AA-7423F0C6F6F5&hash=DCBF43C4CEDDD7717B2D38B-8CBDC2B84
28. Shin J.C., Jung J. Academics Job Satisfaction and Job Stress Across Countries in the Changing Academic Environments. *Higher Education*. 2014. Vol. 67. P. 603–620. DOI: 10.1007/s10734-013-9668-y EDN: ADQEMX

Статья поступила в редакцию: 19.05.2024; поступила после рецензирования и доработки: 20.06.2024; принята к публикации: 28.06.2024.

Received: 19.05.2024; revised after review: 20.06.2024; accepted for publication: 28.06.2024.

СОЦИОЛОГИЯ СЕМЬИ

DOI: 10.19181/socjour.2024.30.3.6

EDN: NPHRX

В.М. ПЕШКОВА¹

¹ Институт социологии ФНИСЦ РАН.

109544, Москва, ул. Большая Андроньевская, д. 5, стр. 1.

СМЕШАННЫЕ БРАКИ: ФАКТОРЫ, ХАРАКТЕРИСТИКИ И ВЛИЯНИЕ НА СЕМЬЮ И ОБЩЕСТВО (ОБЗОР ЗАРУБЕЖНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ)

Аннотация. Смешанные браки — один из ярких примеров суперразнообразия как ключевой характеристики современного мира. Наиболее распространенными и, соответственно, активно изучаемыми видами смешанного брака являются межрасовые, межэтнические и межконфессиональные браки, о чем свидетельствуют ситуации в разных, в первую очередь активно принимающих мигрантов, странах. Изучение смешанных браков требует комплексного подхода, включающего понимание их места и роли в миграционных, социально-экономических, демографических и социокультурных процессах как в каждой стране в отдельности, так и в общемировых процессах. Цель статьи — систематизация зарубежных англоязычных исследований смешанных браков в странах, активно принимающих мигрантов, таких как США, Канада, Австралия и страны Западной Европы. Задача нашего обзора — систематизация тем и проблем, повторяющихся в исследованиях этого социального явления, которые выявляют и описывают особенности смешанных браков, зачастую посредством сравнения их с моногамными браками. Обзор состоит из двух частей. В первой части коротко рассматривается концептуальная основа исследований смешанных браков: теория социального обмена, теория брачного рынка и транзакционная модель — в социологии; теория взаимозависимости, инвестиционная модель и теория обмена ресурсами — в социальной психологии. Во второй части дается систематизация исследований, наиболее ярко выявляющих особенности любых смешанных браков. Рассмотрены внешние факторы, определяющие физическую и социокультурную доступность смешанных браков, создающие для них возможности либо ограничения. Среди индивидуальных факторов — возраст, гендер, образование, социально-экономический статус, религиозная, этническая или расовая принадлежность, которые рассматриваются и как персональные качества участников брачного рынка, и как обмениваемые ресурсы. Завершает обзор анализ влияния смешанных

браков как на семейные отношения, так и на сообщества, к которым принадлежат партнеры, и общества в целом. С позиции партнеров рассматриваются психологические и социально-психологические качества, определяющие стабильность внутрисемейных отношений в смешанных союзах. Долгосрочное влияние смешанных браков на общество проблематизируется через место и роль детей в смешанных браках, а также самих браков во взаимной социальной интеграции разных групп населения в целом.

Ключевые слова: смешанные браки; межэтнические браки; межнациональные браки; межрелигиозные браки; межрасовые браки; брачный рынок; социальный обмен; контакты; международная миграция; интеграция.

Для цитирования: Пешкова В.М. Смешанные браки: факторы, характеристики и влияние на семью и общество (обзор зарубежных исследований) // Социологический журнал. 2024. Том 30. № 3. С. 124–144. DOI: 10.19181/socjour.2024.30.3.6 EDN: NHPHRX

Введение

Одна из особенностей мирового социального развития последних десятилетий — это транснационализация и глобальные перемещения людей, приводящие, в частности, к суперразнообразию. Последнее выражается не только в усложнении состава населения и его характеристик, но и в формировании новых либо изменении существующих социально-культурных контекстов, форм, паттернов и идентичностей [7]. Яркий пример этого — смешанные браки, которые широко распространяются, в том числе благодаря масштабной международной миграции. В то же время темпы и масштабы перемещения людей различаются от страны к стране, а также в периоды времени, что определяет разную степень актуальности проблематики смешанных браков для стран и регионов и, соответственно, особенности их изучения.

Начнем с того, что понимать под смешанными браками. Анализ русскоязычных и англоязычных¹ словарей демонстрирует либо отсутствие этого термина, либо описательное определение, включающее перечисление видов браков исходя из характеристик состоящих в нем людей. Речь, как правило, о браке между людьми разных рас или религий². Начало научного осмысления феномена связывается с изучением экзогамии и эндогамии, где понятие «смешанный брак» используется как синоним экзогамии и/или как отклонение от гомогамии [11, p. 150, 177; 44]. Одно из первых социологических определений, согласно кото-

¹ В английском языке понятие «смешанный брак» переводится либо “intermarriage”, либо “mixed marriage”, которые используются как синонимы.

² The Britannica Dictionary. — URL: <https://www.britannica.com/dictionary/mixed-marriage>; Collins Dictionary. — URL: <https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english/mixed-marriage>; Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. — URL: https://broukgauzeffron.slovaronline.com/94118-SMESHANNYIE_BRAKI (дата обращения 01.07.2024).

рому смешанный брак — это «брак между лицами, принадлежащими к разным группам», то есть, по сути, любой межсоциальный, гетерогенный брак, предложил Р. Мертон [45]. Такое определение охватывает все возможные комбинации браков между людьми разных рас, этнического происхождения, религий, классов, образования, возрастов и социального происхождения, а также иммигрантами разных волн [28; 55].

Но как определить, о каком конкретном смешанном браке идет речь? Ответ на этот вопрос, на наш взгляд, дает предложенное Д. Родригес-Гарсия понятие исторического, культурного и географического контекста, который актуализирует тот или иной вид смешанного брака для каждой конкретной страны [52]. В зависимости от одного контекста это может быть кастовый брак, от другого — классовый или межрасовый брак. Например, в США в первую половину XX века наиболее социально проблемным был межрасовый брак, к которому через несколько десятилетий добавляются браки между мигрантами разного происхождения и поколений. Для большинства европейских стран смешанные браки приобрели особую актуальность в связи с масштабной международной миграцией, поэтому наиболее распространенным и изучаемым видом является брак мигрантов из незападных (часто мусульманских обществ) и местным населением. В Российской Федерации в советское время благодаря перемещениям в первую очередь русского населения между регионами с разным национальным составом наиболее распространенным видом смешанных браков был межнациональный брак [5; 6].

Также представляется методологически интересной идея Родригес-Гарсия [52, р. 9, 11], что в эпоху активной международной миграции для понимания рассматриваемого феномена может быть более продуктивен термин «смешанность» (*mixedness*), который позволяет описывать не только результаты, но и процессы смешения, с учетом и контекста, и характеристик индивидов/групп. Например, в последние десятилетия исследования смешанности дополняются работами, посвященными и другим видам формальных и неформальных смешанных партнерств, предшествующих браку, от свиданий до совместного проживания, которые часто рассматриваются и в качестве предиктора смешанных браков, и в качестве показателя распространенности социальных контактов (например: [22; 67]).

Итак, наиболее распространенными и активно изучаемыми видами смешанного брака являются межрасовые, межэтнические и межконфессиональные браки. Одними из первых к изучению смешанных браков обратились США, где долгое время самой острой была проблема межрасовых отношений. В частности, в ряде штатов запрет на межрасовые браки существовал до 1967 г., но после его отмены их число постепенно увеличилось: с 3% до примерно 7% в 1980 г. и почти до 16% — в 2021 г. [43, р. 5]. В Канаде, согласно данным за 2011 г., 4,6% всех пар, состоящих в официальном или гражданском браке, — это смешанные союзы [46]. В Западной Европе также наблюдается увели-

чение числа смешанных браков, особенно в 2000-е гг., прежде всего из-за активизации международной миграции. Например, в Испании доля браков, где хотя бы один из партнеров родился за границей, в 1996 г. составляла 4,7%, а в 2006 г. — уже 15,6% [60]. В Швеции в 2016 г. из 10 миллионов населения 7% рождены в смешанном браке, где один родитель шведского, а другой иностранного происхождения [62]. В Италии в 2022 г. в 15,6% случаев один из брачующихся являлся иностранцем³. В Германии эта доля составляла 7%, а доля браков, где оба партнера иностранцы, — 8% (2018 г.)⁴. Своя статистика по смешанным бракам в странах Азии и Африки. Например, в Африке к югу от Сахары доля межконфессиональных браков составляет около 10% [23, р. 1], а доля межэтнических браков — в среднем почти 20%. Но наибольшая доля смешанных браков характерна для Австралии: если в 2006 г. доля браков между людьми, «родившимися в других странах», здесь составляла 18%, то к 2018 г. она увеличилась до 32%⁵.

Российская ситуация имеет свою специфику. История смешанных межэтнических, точнее межнациональных (в соответствии с преобладающей в советское время терминологией), браков [5; 6] начинается после Второй мировой войны и закрепляется как социокультурный феномен и часть советской национальной политики в 1970-е гг. [2]. В 1989 г. доля смешанных семей в СССР составляла 17,5%, но этот показатель различался в разных республиках. В РСФСР доля смешанных браков была ниже общесоюзной — 14,7%. В первое время после распада Союза доля смешанных браков сократилась до 11,5%. Уровня до 1991 г. (14,8%) она достигла в 2002 г. [2], а затем снова снизилась до 12,0% в 2010 г. [4, с. 114].

Одним из значительных факторов развития современной России, в том числе в сфере смешанных браков, является международная миграция, в первую очередь из стран СНГ. В связи с этим в данной сфере существуют две разнонаправленные тенденции. С одной стороны, благоприятствующее подобным бракам этнокультурное разнообразие, которое унаследовало элементы советской «дружбы народов» [2]; с другой — достаточно высокий уровень ксенофобии и мигрантофобии, распространяющихся и на отношение к смешанным бракам⁶.

³ Aumentano i matrimoni misti in Italia. — URL: <https://www.ismu.org/aumentano-i-matrimoni-misti-in-italia/> (дата обращения 01.07.2024).

⁴ 1,5 Millionen binationale Paare in Deutschland. — URL: <https://www.migazin.de/2018/09/21/statistik-amt-millionen-paare-deutschland/> (дата обращения 01.07.2024).

⁵ Australian migrants share the challenges of intercultural marriages. — URL: <https://www.abc.net.au/news/2020-03-15/australia-migrants-share-challenges-of-intercultural-marriage/12045598> (дата обращения 01.07.2024).

⁶ См., например, аналитический обзор ВЦИОМа от 8 июля 2020 г.: Любовь не по расчету, или о браках за пределами привычной среды // ВЦИОМ. — URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/>

Представляется актуальным рассмотрение темы смешанных браков как в качестве комплексного феномена, так и с точки зрения его места и роли в миграционных, социально-экономических, демографических и социокультурных процессах. В отечественной традиции изучения межнациональных браков число работ, не рассматривающих отдельные аспекты, а систематизирующих исследования разных тем, на наш взгляд, недостаточно. Поэтому мы видим свою задачу в первую очередь в том, чтобы систематизировать зарубежные социальные исследования с целью выявить традиции изучения феномена смешанных браков и его концептуальных направлений. В зависимости от странового контекста, как показано выше, смешанные браки могут быть межрасовыми, межэтническими или межконфессиональными. Но в обзоре считаем важным сфокусироваться прежде всего на систематизации общей для них проблематики, поскольку это, на наш взгляд, позволит рассмотреть феномен смешанного брака комплексно.

Концептуальные основы изучения смешанных браков

Теоретическую основу исследований смешанных браков представляют *теории брачного рынка и социального обмена*. Согласно этим теориям участники брачного рынка имеют набор качеств и ресурсов, в соответствии с которыми потенциальные супруги оцениваются и которыми обмениваются [1]. Совокупность качеств и ресурсов является своего рода семейным капиталом, а брак — институционализированной формой договора о распределении ресурсов и доходов в семье, что подробно рассматривается в рамках транзакционной теории [3].

Этничность, раса или религия стоят в ряду множества качеств или ресурсов (наряду с образованием или родом занятий), определяющих рациональный выбор брачного партнера по сходству или различию с целью максимизации полезности союза [1, с. 17; 3]. Смешанные браки, соответственно, рассматриваются как результат обмена социально-экономическими и этническими / расовыми / культурными статусами [37, р. 399]. То есть люди из одной расовой, этнической или религиозной группы, часто также являющейся меньшинством, выбирают брак с представителями другой расовой, этнической или конфессиональной группы в первую очередь из-за более высокого социально-экономического статуса последних. Пример подобного обмена приводит Р. Мертон, который на основе комбинации таких характеристик, как каста, класс и пол, анализирует 16 типов возможных брачных пар [45; 53]. В качестве классического примера подобного обмена экономического и классового положения на расовое преимущество Р. Мертон приводит пару, состоящую из белой женщины

lyubov-ne-po-raschetu-ili-o-brakakh-za-predelami-privychnoj-sredy (дата обращения 01.07.2024); Межнациональные отношения. Отношение к людям других национальностей // ФОМ. 16 августа 2021 г. — URL: <https://fom.ru/Nastroeniya/14616> (дата обращения 01.07.2024).

из низшего класса и чернокожего мужчины из высшего класса [45, р. 365, 373]. В то же время теория социального обмена критикуется за упрощение схемы социального взаимодействия в целом и в сфере брачно-семейных отношений в частности, например, поддержка статусной гомогамии не всегда означает необходимость обмена статусами [21].

Понятие обмена присутствует и в таких социально-психологических теориях, как теория взаимозависимости, инвестиционная модель и теория обмена ресурсами [20; 29; 39]. Теория взаимозависимости объясняет смешанные браки с точки зрения вознаграждений, затрат, инвестиций и альтернатив. Предпочтение гомогамных браков объясняется тем, что на них требуется меньше затрат и инвестиций. В случае смешанных браков награды — это положительные характеристики партнера, способствующие какому-либо развитию или улучшению, например, росту уровня благополучия, для не только состоящих в браке, но и общества в целом. В поздних версиях инвестиционной модели вознаграждения рассматриваются как факторы, способствующие удовлетворению, а затраты — как препятствующие ему [54]. В теории обмена ресурсами особое внимание также уделяется механизмам создания близких отношений на основе обмена нематериальными «товарами», а именно любовью и уважением [27].

Тематические исследования смешанных браков

Внешние факторы смешанных браков

Создание любой семьи предполагает поиск и выбор партнера, а также возможность быть избранным в качестве такового, которые определяются разными структурными факторами. Один из них — это социально-географическая доступность: социально-демографический состав населения, география и плотность расселения, а также размер и численное соотношение представителей разных этнических, расовых, религиозных групп, что создает возможности для тех или иных контактов. Например, города и особенно мегаполисы характеризуются большим по сравнению с менее урбанизированными районами расовым и этническим разнообразием, что создает и большее разнообразие брачного рынка, тем самым повышая уровень смешанных браков [43]. Другой фактор — социокультурная доступность, как правило, он означает частоту и плотность социального взаимодействия, а также социокультурные характеристики среды, где возникают смешанные семьи. Влияние этого фактора, например, проявляется в том, что частота смешанных браков отрицательно связана со строгостью религиозных или других социальных мер, регулирующих эндогамию, с сегрегацией или концентрацией по месту жительства, а также отношением членов группы к эндогамии или экзогамии (см., например: [33; 37; 48]).

Механизмы межгруппового взаимодействия наиболее полно трактуются в теории контактов Г. Олпорта. Она получила развитие во множестве работ, призванных продемонстрировать, как тот или иной опыт контакта

влияет на отношение к смешанным бракам и на их создание [17; 25; 26; 47; 49]. Приемлемость и распространенность контактов с представителями иных групп часто измеряется с помощью шкалы Э. Богардуса, в соответствии с которой максимальная степень близости приписывается браку, что также используется как показатель принятия представителей другой группы и в прочих сферах социального взаимодействия [16; 18]. С этой точки зрения отношение к смешанным бракам расценивается как показатель социальной дистанции и отношения к близким межрасовым и межэтническим контактам в целом. Дружеское, соседское общение, а также рабочие коллективы и районы проживания рассматриваются не только как сферы взаимодействия с разной социальной дистанцией, но и как локальные брачные рынки, состояние которых определяет распространенность смешанных браков [37]. Чем разнообразнее дружеские сети, причем не только потенциальных партнеров, но и их родителей и родственников, тем больше вероятность позитивного отношения к смешанным бракам и шансы их создания [10; 19; 47; 49]. Рабочие места и коллективы, согласно исследованиям, меньше влияют как на отношение к смешанным бракам, так и на их создание, поскольку выявлено, что контакты на работе, как правило, не переходят в частные отношения [37]. Особую актуальность, прежде всего для стран, принимающих мигрантов, имеет расселение и соседское окружение (например: [24]). Общий вывод относительно социального взаимодействия как фактора смешанных браков состоит в том, что опыт любых контактов, особенно в детском и юношеском возрасте, повышает вероятность состоять в разнообразных группах или кругах общения, что, в свою очередь, увеличивает количество смешанных свиданий и браков [25; 26]. Данный вывод получает подтверждение и в части макросоциологической теории, согласно которой множественное пересечение социальных кругов и сетей принадлежности способствует глубоким и прочным межгрупповым отношениям, в том числе смешанным бракам [13].

С этим фактором связан еще один — отношение семьи партнеров и сообщества к эндогамии и экзогамии в целом и к бракам с членами определенной группы в частности [47]. Семейные ценности и убеждения, определяемые в том числе и культурно, а также отношения внутри семьи влияют на уровень принятия смешанных браков. Такие характеристики, как теплота, чувство привязанности и поддержка в семье, способствуют принятию смешанного брака, а семейная сплоченность, соблюдение семейных обязательств и следование установленным правилам, напротив, создают сопротивление (например: [34]). В обществах с преобладанием индивидуалистических ценностей (например, европейских) семейное и социальное давление часто минимизировано и человек имеет возможность сам выбирать, с кем иметь отношения или вступать в брак. Поэтому в таких обществах больше условий и возможностей для смешанных браков, в отличие от условно более коллективистских (например, азиатских), где акцент делается на семейные и общественные правила [32]. Разница

в ценностях может проявляться и в разных моделях взаимодействия в семье, в культурных несоответствиях ожиданий относительно гендерных ролей [48, р. 449]. Также выявлено, что между распространенностью смешанных браков и отношением к ним существует и обратная связь: по мере того, как она становится выше, общество становится более терпимым и открытым им [15; 43, р. 25–29; 51]. В то же время одобрение возможности смешанных браков для обобщенного «другого» значительно превышает личную готовность принять близкие межэтнические и межрасовые отношения, особенно супружество [17; 31].

Индивидуальные факторы смешанных браков

К индивидуальным факторам можно отнести такие характеристики, как возраст, гендер, образование, социально-экономический статус, религиозная, этническая или расовая принадлежность, которые рассматриваются и как персональные качества или характеристики партнеров, и как обмениваемые ресурсы [15; 16; 48]. Д. Олбридж, обобщив исследования 1950–1970-х гг., выявила, что состоящие в смешанных браках чаще, чем не состоящие в них: менее религиозны; из более благополучных семей; живут в городских районах; небелые мужчины с социально-экономическим статусом выше среднего; белые мужчины низшего класса, а также рожденные за границей [9]. Выявленные ею тенденции в целом подтверждаются и более поздними исследованиями.

Первой характеристикой и ресурсом смешанных браков является возраст. Множество исследований показали, что как сами смешанные свидания и браки, так и положительное отношение к ним свойственны более молодым людям [10; 43]. Наиболее распространенные объяснения состоят в том, что, во-первых, молодежь в целом более либеральна; во-вторых, с возрастом люди склонны больше соответствовать общественным нормам [36]. Другой важной характеристикой и ресурсом является гендер. В смешанных браках чаще состоят мужчины [15; 35; 37]. В некоторых случаях женщины и мужчины с одинаковой вероятностью выражают неодобрение смешанным бракам, но женщины чаще не принимают их не только для себя, но и для своих детей [17; 29]. Это объясняется тем, что влияние социально сконструированных гендерных ролей, сексуальных стереотипов и их социального давления больше ощущается женщинами, чем мужчинами [37, р. 398; 86]. Значимость гендера в данном вопросе меняется в зависимости от этничности и расы. Согласно некоторым исследованиям, в США в межрасовые браки чаще вступают афроамериканские мужчины, чем женщины, среди азиатов наоборот — чаще женщины, чем мужчины [43].

Что касается образования, то в смешанные браки чаще вступают партнеры с образованием выше, чем в среднем среди их сверстников [35]. Кроме того, и одобряют смешанные браки чаще лица с высшим образованием. Это объясняется тем, что образовательные учреждения предоставляют больше возможностей для взаимодействия с людьми

разного происхождения [10]. Плюс к этому более образованные люди имеют более индивидуалистический и одновременно универалистский взгляд на жизнь, меньше связаны с семьей и сообществом происхождения [37, р. 408–409]. С точки зрения обмена статусами образование рассматривается и как ресурс, и как показатель определенного социально-экономического положения, которое может быть обменено на расовый или этнический статус, и наоборот [35, р. 640–642].

Социально-экономический статус или социальное происхождение — это отдельный ресурс. Его комплексность можно продемонстрировать на примере одного из исследований смешанных браков в Республике Кипр [28, р. 138]. Согласно выводам автора работы, кипрские женщины в качестве супругов предпочитают мужчин мигрантов из евро-американской группы из-за того, что они воспринимаются как партнеры с более высоким социально-экономическим и, соответственно, более подходящим для брака статусом. Восточно-европейские меньшинства, напротив, считаются менее статусными и чаще являются «поставщиком» невест для кипрских мужчин, менее конкурентных на местном брачном рынке. Влияние этого фактора также зависит от общего социально-экономического развития территории/страны в целом. Например, в более индустриализированных обществах влияние снижается, поскольку там у всего населения более высокий по сравнению с менее промышленно развитыми обществами уровень жизни, а также меньший контроль со стороны семьи, сообщества и общества в целом [37, р. 398, 416]. Иными словами, по мере повышения социально-экономического состояния населения в целом улучшается положение и меньшинств разного происхождения и, соответственно, происходит рост числа смешанных браков/семей.

Наконец, еще один важный индивидуальный фактор — этническая, расовая и конфессиональная принадлежность как участников брачного рынка, так и их окружения [37, р. 407–408]. Самым строгим и жестким предиктором является конфессия, чему находим примеры во многих, особенно иммиграционных, странах. Например, в Австралии середины 1980-х гг. наиболее активными противниками конфессионально смешанных браков выступали католики, принадлежавшие к средней социально-экономической группе, а также религиозные англиканцы [16, р. 221, 226–227]. Согласно выводам исследования греческого, словацкого и голландского меньшинств в Канаде, более религиозные греческое и словацкое меньшинства иммиграционного происхождения негативнее, в отличие от голландского, относятся к тому, чтобы их дети вступали в брак с представителями другой религиозной группы [19, р. 16]. В Германии на фоне активной трудовой миграции из Турции на отношение к смешанным бракам долгое время отрицательно влияли идеи о врожденных различиях между мусульманами и немусульманами [65]. В США многие десятилетия существовала ярко выраженная тенденция религиозной эндогамии, то есть смешанные браки заключались, но

внутри трех основных религиозных групп: протестантского «пула» (бри-танские американцы, немцы и скандинавы), католической (ирландцы, итальянцы и поляки) и еврейской [30, р. 273]. Данное явление получило название «тройного плавильного котла».

Влияние смешанных браков на семью и общество

Значительную часть исследований смешанных браков составляют работы, посвященные выявлению их влияния, особенно в сравнении с гомогамными браками, на внутрисемейные отношения и на социальные взаимодействия и социальную среду, в которой данные браки создаются. Влияние оценивается в нескольких социальных срезах: собственно партнеров; семей с детьми и сообществ, к которым они принадлежат; а также общества в целом. Рассматриваемые критерии различны, в первую очередь оценивается тональность этого влияния: насколько оно отрицательное или положительное с точки зрения разных сторон.

Когда речь идет о партнерах, как правило, рассматриваются психологические и социально-психологические характеристики, определяющие стабильность внутрисемейных отношений смешанных союзов, особенности конфликтов и их разрешения [56; 60]. Стрессовые факторы смешанных браков делят на три вида: индивидуальные, связанные с взаимодействием между партнерами и с характеристиками их личностей, включая культурные различия; внешние, связанные с взаимодействием пары с окружением; случайные — связанные с непредвиденными событиями в жизни пары либо обусловленные историческими и социокультурными изменениями [18]. Часто встречается точка зрения, согласно которой смешанные браки менее стабильны, чем гомогамные, в первую очередь потому, что для них характерен более высокий уровень психологического стресса, более низкий уровень удовлетворенности отношениями и более высокий уровень конфликтов [63]. Считается, что в смешанных парах чаще, чем в гомогамных, могут возникать проблемы из-за различного отношения к воспитанию детей, интимным отношениям, разделению семейных обязанностей, общению с расширенной семьей и пр.

Стрессовость этих факторов объясняется разной национальной, религиозной, этнической или культурной принадлежностью партнеров [14; 28], из-за чего, согласно теории обмена, внутрисемейные отношения в смешанных парах требуют больше затрат и инвестиций, поскольку необходимо больше времени и усилий для понимания партнера, сохранения или переопределения идентичности, сохранения семейных сетей и пр. [20; 29]. Указанные характеристики, зачастую воспринимаемые как потенциально конфликтогенные различия, нередко оказываются проблемой не столько для супругов, сколько для их окружения [41, р. 792]. Это может приводить к отсутствию поддержки со стороны семьи и к дискриминации в обществе, что, в свою очередь, и создает стрессовые ситуации, особенно для семей, в которых один партнер принадлежит меньшинству, а другой — к доминирующей группе [15, р. 96, 100]. В сегрегированной среде, где к расовому и эт-

ническому измерению часто добавляется социально-экономическое, создается больше стрессовых ситуаций, чем в этнически и расово разнобразной [14]. В рамках данного направления помимо выявления и трактовки особенностей смешанных пар изучаются и механизмы снижения нестабильности и стресса [60]. В частности, разные способы его минимизации, например, такие социально-психологические профилактические приемы для смягчения давления со стороны общества, как обучение своего партнера, обучение окружения, игнорирование, привыкание, рационализация и рефрейминг [12, p. 251].

Следующее направление — дети и детство в смешанных браках. Во-первых, предполагается, что воспитание детей в таких семьях имеет специфику, обусловленную этническими, расовыми и религиозными правилами, нормами поведения и ценностями родителей [20, p. 825, 830]. Во-вторых, выявляются особенности (само)идентификации детей, в частности влияние на этот процесс как (само)идентификации родителей, так и социокультурного контекста, а также отношения окружающего общества, формирующего ту или иную доступную и престижную идентичность. Подобные исследования характерны в первую очередь для классических иммиграционных стран. Например, при изучении межрасовых, прежде всего «бело-черных», пар в США отдельное внимание уделяется такому фактору, как оттенок кожи: если один из родителей афроамериканец, то, скорее всего, в такой семье ребенок идентифицируется как чернокожий. Это явление получило название правила «одной капли» [64]. Хотя пик его распространенности приходится на XIX — первую половину XX в., оно отчасти применялось и в более поздние годы [59, p. 51]. В связи с этим нередко идентификационные и межпоколенческие конфликты, когда дети смешанного происхождения идентифицируют себя как «коренные» или «белые», в то время как внешний мир, начиная с родителей, воспринимает их как «черных» или «азиатов» (например: [59]).

Ряд исследователей также рассматривают роль детей, рожденных в смешанных браках, в контексте долгосрочных социокультурных и экономических последствий таких браков как для самих меньшинств, так и для общества и государства в целом. Во-первых, хорошо изучена взаимосвязь между смешанными браками и восходящей мобильностью и семьи, и представляемого одним из партнеров меньшинства, именно благодаря мобильности детей, рожденных в таких семьях. Как показали исследования в Великобритании, многие британские меньшинства по целому ряду показателей демонстрируют лучшие результаты, чем их белые сверстники, например в отношении уровня образования [57; 58]. В то же время смешанные браки могут и не способствовать восходящей мобильности, что выявлено на примере иммиграционных меньшинств в США [50], где, например, второе чернокожее поколение, в том числе и из смешанных семей, расово сегрегировано и подвержено нисходящей мобильности. Некоторые исследования в Великобритании также

демонстрируют, что потомки белых из расово смешанных браков менее успешны на рынке труда, чем «чистые» чернокожие или белые [58].

В отдельное тематическое направление можно выделить изучение места и роли детей в смешанных семьях (особенно когда один из родителей представляет иммиграционное меньшинство) в адаптации и интеграции меньшинств. Благодаря детям, рожденным в смешанных браках, происходит уменьшение социальной дистанции [42; 51]. Это, в частности, находит выражение и в том, что во втором поколении мигрантов больше смешанных браков, чем в первом [35; 50; 61]. Калмийн [38] сравнил детей от смешанных браков с детьми мигрантов и с местными детьми в Великобритании, Германии, Нидерландах и Швеции по нескольким аспектам социальной, культурной и экономической интеграции. Общий вывод состоит в том, что дети от смешанных браков более интегрированы, чем дети мигрантов. В то же время выбор стратегии интеграции и ее успешность во многом зависят от политики страны по отношению к меньшинствам. Например, мультикультурная политика Швеции и Нидерландов объясняет, что в этих странах дети в смешанных семьях по всем аспектам интеграции оказались ближе к местным детям, чем в Германии с ее более сегрегационной политикой [38, р. 248, 261–262].

Отдельно следует назвать работы, объединенные темой масштабного и долгосрочного влияния смешанных браков на ситуацию в конкретном обществе и стране в целом. Общий вывод состоит в признании того, что смешанные браки являются индикатором состояния межэтнических, межрасовых и межрелигиозных (в зависимости от странового контекста) отношений [9; 20]. Высокая доля смешанных браков интерпретируется как свидетельство социальной интеграции, означающей в том числе приемлемость близких и глубоких отношений между представителями разных групп и слоев [38; 51]. Взаимосвязь распространенности смешанных браков и уровня социальной интеграции привлекает внимание исследователей в первую очередь в контексте активной международной миграции в таких классических иммиграционных странах, как США, Австралия или Канада. Но она получает дальнейшее развитие, особенно в последние два десятилетия, и в европейских государствах, принимающих мигрантов отличного от местного населения этнического, расового и религиозного происхождения. Теоретической основой многих работ является концепция структурной ассимиляции М. Гордона, согласно которой смешанные браки считаются одним из финальных этапов структурной ассимиляции, означающей равноправное участие представителей меньшинств в социальных кликах, клубах и институтах [30].

Эта классическая теория переосмыслена и дополнена Р. Альба и В. Ни [8], по мнению которых разрушение социальной дистанции между расовыми/этническими группами — двусторонний процесс, задействующий не только меньшинство, но и большинство населения, то есть он меняет и само принимающее общество. В то же время, образно говоря, плавильный котел кипит, но внутри классовых брачных рынков. Иными словами, интеграция

меньшинств, в том числе с помощью смешанных браков, неравномерна, поскольку происходит в рамках не всего общества, а в определенных этно-социальных или расово-социальных границах. В современных США подобным барьером на пути структурной ассимиляции является сохранение этно-расовой структуры благодаря, помимо прочего, новым волнам азиатских и латиноамериканских мигрантов. Речь о том, что латиноамериканцы во втором поколении чаще вступают в брак с латиноамериканцами в первом поколении, то есть новыми мигрантами, чем, если следовать теории ассимиляции, с латиноамериканцами или белыми в третьем поколении, что не только замедлило процесс брачной ассимиляции, но и увеличило социально-экономический разрыв в американском обществе [42; 52]. Таким образом, можно считать общепризнанным положение о заметном влиянии смешанных браков не только на внутрисемейные отношения, но и на общественные и государственные процессы. Однако оценка их места и роли в интеграции противоречива, что может быть объяснено политическим, историческим и социокультурным контекстом конкретной страны.

Заключение

Обзор зарубежных англоязычных исследований смешанных браков построен на основе систематизации тем и проблем, связанных с этим социальным явлением. Эти исследования объединяет цель: выявить и описать особенности смешанных браков, зачастую в сравнении с гомогамными браками. Наиболее активно изучаемыми видами смешанных браков, в зависимости от странового контекста и от характеристик участвующих в нем индивидов/групп, являются межрасовые, межэтнические и межконфессиональные браки. Что касается географического контекста, заметное место занимают работы, посвященные смешанным бракам в США, Австралии и Канаде, а также в странах Европы. Возможно, это объясняется динамикой миграционных процессов и степенью этно-расово-конфессионального разнообразия, также в большой степени связанного с темпами и масштабами миграции.

Проблематика смешанных браков, от выбора партнера и романтических отношений до создания семьи, представляет собой пересечение областей межгрупповых и межличностных отношений и попадает в зону интересов двух социальных дисциплин. Социальная психология изучает психологические и социально-психологические особенности внутрисемейных отношений. В фокусе социологического анализа — возникновение различных брачных моделей под воздействием таких социальных факторов, как предпочтения людей, в том числе в отношении ресурсов партнера, влияние социальной группы и возможности либо ограничения брачного рынка.

Концептуальную основу исследований составляет понятие обмена. В социологии — теории социального обмена и брачного рынка и трансакционная модель; в социальной психологии — теория взаимозависимости, инвестиционная модель и теория обмена ресурсами. Названные концепции объединяет то, что этничность, конфессия или раса рассма-

триваются как одно из множества персональных и групповых качеств/ресурсов участника брачного рынка, определяющих рациональный выбор партнера по сходству/различию с целью максимизации полезности союза. При этом конкретная брачная конфигурация и удовлетворенность ею оценивается исходя из соотношения вознаграждения, затрат, инвестиций и альтернатив, в значительной степени определяемых социокультурным, историческим и политическим контекстом.

Любой вид смешанного брака может быть проблематизирован и тематизирован через анализ его внешних и индивидуальных факторов, а также влияния смешанных браков на внутрисемейные отношения и социальные взаимодействия и социальную среду, в которой данные браки создаются.

Внешние факторы определяют наличие/отсутствие физической и социокультурной доступности контактов, то есть возможности/ограничений для заключения смешанных браков. Применение теории контактов в тандеме с методологией измерения социальной дистанции во множестве страновых исследований показало, что опыт любых контактов повышает вероятность состоять в общих кругах общения, что, в свою очередь, увеличивает количество смешанных браков, и наоборот. Среди индивидуальных факторов важны такие характеристики, как возраст, гендер, образование, социально-экономический статус, религиозная, этническая или расовая принадлежность, которые рассматриваются и как персональные качества участников брачного рынка, и как обмениваемые ресурсы.

Смешанные браки оказывают серьезное влияние как на внутрисемейные отношения, так и на сообщества, к которым принадлежат партнеры, и общества в целом. Считается, что внутрисемейные отношения в смешанных союзах менее стабильны, чем в гомогамных браках, в первую очередь из-за различий в национальной, религиозной, этнической или культурной принадлежности партнеров. В связи с этим в социальной психологии и психологии сложилось отдельное направление исследований по изучению механизмов снижения нестабильности и стресса в таких браках. Одно из направлений исследований фокусируется на детях в смешанных браках, а именно на особенностях их воспитания и (само)идентификации; роли в этом внутрисемейных, в том числе межпоколенческих отношений; а также месте и роли детей в адаптации и интеграции меньшинств. Другое направление охватывает изучение масштабного, комплексного и долгосрочного влияния смешанных союзов как на представляемые ими меньшинства, так и на общество и государство в целом. Ключевой тезис состоит в том, что смешанные браки являются индикатором состояния социальных отношений и уровня интеграции, особенно в странах с активной международной миграцией.

Несмотря на попытку максимально охватить зарубежные англоязычные исследования в области смешанных браков, данный обзор имеет определенные пробелы. Можно предположить, что подобные

исследования географически не ограничиваются западными странами, в связи с чем было бы интересно более активно включать в любой обзор исследования, например, в странах Азии, Африки и Латинской Америки. Отдельного обзора также заслуживают российские исследования смешанных браков в динамике от советского к постсоветскому периоду. Наконец, в обзоре дана систематизация только формальных отношений в форме браков, в то время как на практике существует как минимум несколько форм смешанных партнерств. Названные пробелы объясняются постановкой задачи, а также ограниченным объемом статьи и могут стать предметом следующей работы. Тем не менее хочется надеяться, что данный обзор окажется полезным всем заинтересованным в проблеме смешанных браков, которая, как представляется, будет приобретать в России все большую актуальность.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Пешкова Вера Михайловна — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, Центр изучения регионов России, Институт социологии ФНИСЦ РАН. Телефон: +7 (916) 582-07-46. Электронная почта: pever@mail.ru

Research Article

VERA M. PESHKOVA¹

¹ Institute of Sociology of FCTAS RAS.

5 bl., 1, Bolshaya Andronievskaya str., 109544, Moscow, Russian Federation.

INTERMARRIAGES: FACTORS, CHARACTERISTICS AND THEIR IMPACT ON FAMILY AND SOCIETY (FOREIGN RESEARCH REVIEW)

Abstract. Intermarriage is one of the striking examples of extreme diversity as a key characteristic of the modern world. The most common and the most actively studied form of intermarriage are interracial, interethnic and interfaith marriages, as evidenced by the situations in different countries, primarily those that are actively accepting migrants. Studying intermarriages requires a complex approach that primarily includes an understanding of their place and role in migration, socio-economic, demographic and socio-cultural processes both in each country individually and globally. Based on this premise the author focuses on foreign studies of intermarriages in countries that actively accept migrants, such as the United States, Canada, Australia and Western European countries. The narrative logic consists of systematizing the recurring themes and problems of this social phenomenon which are united by the goal of identifying and describing the features of intermarriages, often from the perspective of comparison with monogamous marriages.

The review is divided into two parts. The first one briefly examines the conceptual basis of intermarriage studies which consists of theories united by the concept of exchange: the theory of social exchange, the theory of the marriage market and the transaction model — in sociology; theory of interdependence, investment model and theory of resource exchange — in social psychology. The second part focuses on three topics that most vividly reveal the features of any type of intermarriage. Firstly, the external factors determining physical and socio-cultural accessibility that create either opportunities or restrictions for mixed marriages are considered. Among the individual factors are age, gender, education, and socioeconomic status, religious, ethnic or racial affiliation which are considered both as

personal qualities of participants in the marriage market and as exchanged resources. The review is concluded by analyzing how intermarriage influences the partners in marriage, as well as the communities to which the partners belong, and society as a whole. From the partners' perspective the psychological and socio-psychological qualities that determine the stability of intra-family relations of mixed unions, conflicts and their resolution are considered. The long-term influence is determined through the place and role of children born in mixed marriages, as well as through the place and role of intermarriages in the mutual social integration of different groups in general.

Keywords: intermarriages; mixed marriages; interethnic marriages; interfaith marriages; interracial marriages; marriage market; social exchange; contacts; social interaction; international migration; integration.

For citation: Peshkova, V.M. Inter marriages: Factors, Characteristics and their Impact on Family and Society (Foreign Research Review). *Sotsiologicheskii Zhurnal = Sociological Journal*. 2024. Vol. 30. No. 3. P. 124–144. DOI: 10.19181/socjour.2024.30.3.6

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vera M. Peshkova — Candidate of Historical Sciences, Leading Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS. **Phone:** +7 (916) 582-07-46. **Email:** pever@mail.ru

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. *Беккер Г.* Выбор партнера на брачных рынках // *THESIS*. 1994. Вып. 6. С. 12–36.
Becker G. Assortative Mating in Marriage Markets. *THESIS*. 1994. Iss. 6. P. 12–36. (In Russ.)
2. *Лурье С.В.* Межэтнические браки в современном российском национальном сценарии // *Петербургская социология сегодня*. 2018. № 10. С. 122–148 DOI: 10.25990/socinstras.pss-10.414k-p077 EDN: YUKHZB
Lur'e S.V. Interethnic Marriages in the Modern Russian National Scenario. *Peterburgskaya sotsiologiya segodnya*. 2018. No. 10. P. 122–148 DOI: 10.25990/socinstras.pss-10.414k-p077 (In Russ.)
3. *Поллак Р.* Трансакционный подход к изучению семьи и домашнего хозяйства // *THESIS*. 1994. Вып. 6. С. 50–76.
Pollak R. A Transactional Cost Approach to Families and Households. *THESIS*. 1994. Iss. 6. P. 50–76. (In Russ.)
4. *Сороко Е.Л.* Этнически смешанные супружеские пары в Российской Федерации // *Демографическое обозрение*. 2014. Т. 1. № 4. С. 96–123. DOI: 10.17323/demreview.v1i4.1804 EDN: TTGXUR
Soroko E.L. Ethnically Mixed Families in the Russian Federation. *Demograficheskoe obozrenie*. 2014. Vol. 1. No. 4. P. 96–123. DOI: 10.17323/demreview.v1i4.1804 (In Russ.)
5. *Сусоколов А.А.* Межнациональные браки в СССР. М.: Мысль, 1987. — 142 с.
Susokolov A.A. *Mezhnatsional'nye braki v SSSR*. [Interethnic Marriages in the USSR.] Moscow: Mysl' publ., 1987. 142 p. (In Russ.)

6. *Топилин А.В.* Межнациональные семьи и миграция: вопросы взаимовлияния // Социологические исследования. 1995. № 7. С. 76–82. EDN: CPGGEM
Topilin A.V. Interethnic Families and Migration: Issues of Mutual Influence. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 1995. No. 7. P. 76–82 (In Russ.)
7. *Куропятник М.С.* Суперразнообразие: реконфигурация культурной сложности контекстов современности // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2020. Т. 20. № 3. С. 461–470. DOI: 10.22363/2313-2272-2020-20-3-461–470.
Kuropyatnik M.S. Superdiversity: Reconfiguring of Cultural Complexity of the Contemporary Contexts. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Sotsiologiya*. 2020. Vol. 20. No. 3. P. 461–470. DOI: 10.22363/2313-2272-2020-20-3-461–470 EDN: IWNPZA (In Russ.)
8. Alba R., Nee V. Rethinking Assimilation Theory for a New Era of Immigration. *International Migration Review. Special Issue: Immigrant Adaptation and Native-Born Responses in The Making of Americans*. 1997. Vol. 31. No. 4. P. 826–874. DOI: 10.2307/2547416
9. Aldridge D.P. Interracial Marriages: Empirical and Theoretical Considerations. *Journal of Black Studies*. 1978. Vol. 8. No. 3. P. 355–368. DOI: 10.1177/002193477800800308
10. Amoateng A.Y., Kalule-Sabiti I. Social Context Factors and Attitudes toward Interracial Relationships on a South African University Campus. *Supplement on Population Issues in South Africa*. 2014. Vol. 28. No. 1. P. 623–635. DOI: 10.11564/28-0-520.
11. Barfield T. (ed). *The dictionary of anthropology*. Malden, MA: Blackwell, 1997. 626 p.
12. Bell C.G., Hastings S.O. Black and White Interracial Couples: Managing Relational Disapproval Through Facework. *Howard Journal of Communications*. 2011. Vol. 22. No. 3. P. 240–259. DOI: 10.1080/10646175.2011.590405
13. Blau P.M., Becker C., Fitzpatrick K.M. Intersecting Social Affiliations and Intermarriage. *Social Forces*. 1984. Vol. 62. No. 3. P. 585–606. DOI: 10.2307/2578701
14. Bratter J.L., Eschbach K. “What about the couple?” Interracial Marriage and Psychological Distress. *Social Science Research*. 2006. Vol. 35. No. 4. P. 1025–1047. DOI: 10.1016/j.ssresearch.2005.09.001
15. Bryant C.M., Duncan J.C. Interracial Marriages: Historical and Contemporary Trends. *Biracial Families: Crossing Boundaries, Blending Cultures, and Challenging Racial Ideologies*. Ed. by R.N. Roy, A. Rollins. Springer, Cham. 2018. P. 81–104. DOI: 10.1007/978-3-319-96160-6_5
16. Caltabiano N.J. How Ethnicity and Religion Affect Attitudes Towards Mixed Marriages. *Australian Journal of Sex, Marriage and Family*. 1985. Vol. 6. No. 4. P. 221–229. DOI: 10.1080/01591487.1985.11004330

17. Campbell M.E., Herman M.R. Both Personal and Public: Measuring Interethnic Marriage Attitudes. *Journal of Social Issues*. 2015. Vol. 71. No. 4. P. 712–732. DOI: 10.1111/josi.12145
18. Cerroni-Long E.L. Marrying Out: Socio-Cultural and Psychological Implications of Inter marriage. *Journal of Comparative Family Studies*. 1985. Vol. 16. No. 1. P. 25–46. DOI: 10.3138/jcfs.16.1.25
19. Chimbos P.D. Immigrants' Attitudes Toward Their Children's Inter-Ethnic Marriages in a Canadian Community. *International Migration Review*. 1971. Vol. 5. No. 1. P. 5–17. DOI: 10.2307/3002043
20. Clark E.M., Harris A.L., Hasan M., Votaw K.B., Fernandez P. Concluding Thoughts: Interethnic Marriage Through the Lens of Interdependence Theory. *Journal of Social Issues*. 2015. Vol. 71. No. 4. P. 821–833. DOI: 10.1111/josi.1215
21. Clark-Ibanez M., Felmlee D. Interethnic Relationships: The Role of Social Network Diversity. *Journal of Marriage and Family*. 2004. Vol. 66. No. 2. P. 293–305. DOI: 10.1111/j.1741-3737.2004.00021.x
22. Coley N., Jacobson S., Johanson T., Kirby S. *The Colors of Love: Attitudes toward Interethnic Romantic Relationships among College Students*. 2008. Accessed 20.03.2024. URL: <https://wp.stolaf.edu/sociology/files/2013/06/The-Colors-of-Love.pdf>
23. Crespin-Boucaud J. Interethnic and Interfaith Marriages in Sub-Saharan Africa. *World Development*. 2020. Vol. 125. Article 104668. P. 1–19. DOI: 10.1016/j.worlddev.2019.104668
24. Eisnecker P.S. Non-migrants' Interethnic Relationships with Migrants: The Role of the Residential Area, the Workplace, and Attitudes toward Migrants from a Longitudinal Perspective. *Journal of Ethnic and Migration Studies*. 2019. Vol. 45. No. 5. P. 804–824. DOI: 10.1080/1369183X.2017.1394180
25. Ellison C.G., Powers D.A. The Contact Hypothesis and Racial Attitudes Among Black Americans. *Social Science Quarterly*. 1994. Vol. 75. No. 2. P. 385–400.
26. Emerson M.O., Kimbro R.T., Yancey G. Contact Theory Extended: The Effects of Prior Racial Contact on Current Social Ties. *Social Science Quarterly*. 2002. Vol. 83. No. 3. P. 745–761. DOI: 10.1111/1540-6237.00112
27. Foa U.G., Foa E.B. *Societal Structures of the Mind*. Springfield, IL: Thomas. 1974. 468 p.
28. Fulas-Souroulla M. Marriage and Migration: Representations and Attitudes of Greek Cypriot towards Inter-Societal Marriage. *The Cyprus Review*. 2018. Vol. 20. No. 2. P. 117–143.
29. Gaines S.O., Clark E.M., Afful S.E. Interethnic Marriage in the United States: An Introduction. *Journal of Social Issues*. 2015. Vol. 71. No. 4. P. 647–658. DOI: 10.1111/josi.12141
30. Gordon M.M. Assimilation in America: Theory and Reality. *Daedalus* 90. *Ethnic Groups in American Life*. 1961. Vol. 90. No. 2. P. 263–285.

31. Herman M.R., Campbell M.E. I Wouldn't, But You Can: Attitudes Toward Interracial Relationships. *Social Science Research*. 2012. Vol. 41. No. 2. P. 343–358. DOI: 10.1016/j.ssresearch.2011.11.007
32. Herzog S.R., Samuel M., Cho S., Ammons E., Lee H. Perceptions of Interracial Marriage Through the Eyes of Individualistic and Collectivist Cultures Intuition: The BYU. *Undergraduate Journal of Psychology*. 2015. Vol. 10. No. 2. Article 6. P. 63–75.
33. Hohmann-Marriott B.E., Amato P. Relationship Quality in Interethnic Marriages and Cohabitations. *Social Forces*. 2008. Vol. 87. No. 2. P. 825–855. DOI: 10.1353/sof.0.0151
34. Huijnk W., Verkuyten M., Coenders M. Family Relations and the Attitude towards Ethnic Minorities as Close Kin by Marriage. *Ethnic and Racial Studies*. 2013. Vol. 36. No. 11. P. 1890–1909. DOI: 10.1080/01419870.2012.699086
35. Jacobs J.A., Labov T.G. Gender Differentials in Intermarriage among Sixteen Race and Ethnic Groups. *Sociological Forum*. 2002. Vol. 17. No. 4. P. 621–646. DOI: 10.1023/a:1021029507937
36. Joyner K., Kao G. Interracial Relationships and the Transition to Adulthood. *American Sociological Review*. 2005. Vol. 70. No. 4. P. 563–581. DOI: 10.1177/000312240507000402
37. Kalmijn M. Intermarriage and Homogamy: Causes, Patterns, Trends. *Annual Review of Sociology*. 1998. Vol. 24. P. 395–421.
38. Kalmijn M. The Children of Intermarriage in Four European Countries. *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*. 2015. Vol. 662. No. 1. P. 246–265. DOI: 10.1177/0002716215595391
39. Kelley H.H., Thibaut J. *Interpersonal Relations: A Theory of Interdependence*. N.Y.: Wiley, 1978. 352 p.
40. Kenney K.R., Kenney M.E. Contemporary US Multiple Heritage Couples, Individuals, and Families: Issues, Concerns, and Counseling Implications. *Counselling Psychology Quarterly*. 2012. Vol. 25. No. 2. P. 99–112. DOI: 10.1080/09515070.2012.674682
41. Leslie L.A., Young J.L. Interracial Couples in Therapy: Common Themes and Issues. *Journal of Social Issues*. 2015. Vol. 71. No. 4. P. 788–803. DOI: 10.1111/josi.12149
42. Lichter D.T., Carmalt J.H., Qian Z. Immigration and Intermarriage among Hispanics: Crossing Racial and Generational Boundaries. *Sociological Forum*. 2011. Vol. 26. No. 2. P. 241–264. DOI: 10.1111/j.1573-7861.2011.01239.x
43. Livingston G., Brown A. Intermarriage in the U.S. 50 Years After Loving v. Virginia. *Pew Research Center*. 2017. Accessed 13.07.2024. URL: <https://www.pewresearch.org/social-trends/2017/05/18/intermarriage-in-the-u-s-50-years-after-loving-v-virginia/>
44. McLennan J.F. *Primitive Marriage: An Inquiry into the Origin of the Form of Capture in Marriage Ceremonies*. Edinburgh: Adam & Charles Black, 1865. 326 p. DOI: 10.5962/bhl.title.50206

45. Merton R.K. Inter marriage and the Social Structure. *Psychiatry*. 1941. Vol. 4. No. 3. P. 361–374. DOI 10.1080/00332747.1941.11022354
46. *Mixed Unions in Canada. National Household Survey (NHS)*. 2011. Accessed 20.03.2024. URL: https://www12.statcan.gc.ca/nhs-enm/2011/as-sa/99-010-x/99-010-x2011003_3-eng.pdf
47. Osanami Törngren S. Attitudes Toward Interracial Marriages and the Role of Interracial Contacts in Sweden. *Ethnicities*. 2016. Vol. 16. No. 4. P. 568–588. DOI: 10.1177/1468796816638400
48. Peres Y., Schrift R. Inter marriage and Inter ethnic Relations: A Comparative Study. *Ethnic and Racial Studies*. 1978. Vol. 1. No. 4. P. 428–451. DOI: 10.1080/01419870.1978.9993243
49. Perry S.L. Racial Composition of Social Settings, Interracial Friendship, and Whites' Attitudes toward Interracial Marriage. *The Social Science Journal*. 2013. Vol. 50. No. 1. P. 13–22. DOI: 10.1016/j.soscij.2012.09.001
50. Portes A., Zhou M. The New Second Generation: Segmented Assimilation and Its Variants. *The Annals of the American Academy of Political and Social Science. Inter minority Affairs in the U.S.: Pluralism at the Crossroads*. 1993. Vol. 530. P. 74–96. DOI: 10.1177/0002716293530001006
51. Qian Z., Lichter D.T. Social Boundaries and Marital Assimilation: Interpreting Trends in Racial and Ethnic Inter marriage. *American Sociological Review*. 2007. Vol. 72. No. 1. P. 68–94. DOI: 10.1177/000312240707200104
52. Rodríguez-García D. Inter marriage and Integration Revisited. *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*. 2015. Vol. 662. No. 1. P. 8–36. DOI: 10.1177/0002716215601397
53. Rosenfeld M.J. *Back to Basics: Examining the Essence of Merton's Status Exchange Theory Using Husband-Wife Education Difference*. Accessed 20.03.2024. URL: <https://paa2015.populationassociation.org/papers/152009>
54. Rusbult C.E., Agnew C.R., Arriaga X.B. The Investment Model of Commitment Processes. *Handbook of Theories of Social Psychology*. Ed. by P.A. van Lange, A.W. Kruglanski, E.T. Higgins. Los Angeles: Sage. 2012. P. 218–231. DOI: 10.4135/9781446249222.n37
55. Sarantakos S. *Marriage and the Family in Australia: A Multi-Cultural Study*. Sidney: Budget Pub Books, 1980. 208 p.
56. Seshadri G., Knudson-Martin C. How Couples Manage Interracial and Intercultural Differences: Implications for Clinical Practice. *Journal of Marital and Family Therapy*. 2013. Vol. 39. No. 1. P. 43–58. DOI: 10.1111/j.1752-0606.2011.00262.x
57. Song M. Multiracial People and Their Partners in Britain: Extending the Link Between Inter marriage and Integration? *Ethnicities*. 2016. Vol. 16. No. 4. P. 631–648. DOI: 10.1177/1468796816638399
58. Song M., Aspinall P. Is Racial Mismatch a Problem for Young “Mixed Race” People in Britain? The Findings of Qualitative Research. *Ethnicities*. 2012. Vol. 12. No. 6. P. 730–753. DOI: 10.1177/1468796811434912

59. Stewart K.A. *Interracial Intimacy and the U.S. Racial Structure: How Interracial Marriages Challenge and Reinforce Racial Boundaries: Dissertation*. Submitted in Partial Satisfaction of the Requirements for the Degree of Doctor of Philosophy in Sociology. 2019. Accessed 20.03.2024. URL: <https://escholarship.org/content/qt10c236nz/qt10c236nz.pdf>
60. Sullivan C., Cottone R.R. Culturally Based Couple Therapy and Intercultural Relationships: A Review of the Literature. *The Family Journal*. 2006. Vol. 14. No. 3. P. 221–225. DOI: 10.1177/1066480706287278
61. Tegunimataka A. The Intergenerational Effects of Intermarriage. *Journal of International Migration and Integration*. 2020. P. 1–22. DOI: 10.1007/s12134-019-00745-1
62. Trilla C.C., Esteve A., Domingo A. Marriage Patterns of the Foreign-Born Population in a New Country of Immigration: The Case of Spain. *International Migration Review*. 2008. Vol. 42. No. 4. P. 877–902. DOI: 10.1111/j.1747-7379.2008.00151.x
63. Uhlich M., Luginbuehl T., Schoebi D. Cultural Diversity Within Couples: Risk or Chance? A Meta-Analytic Review of Relationship Satisfaction. *Personal Relationships*. 2022. Vol. 29. No. 1. P. 120–145. DOI: 10.1111/pere.12405
64. Winthrop D.J. Historical Origins of the One-Drop Racial Rule in the United States. *Journal of Critical Mixed Race Studies*. 2014. Vol. 1. No. 1. P. 98–132. DOI: 10.5070/C811013867
65. Woesthoff J. “When I Marry a Mohammedan”: Migration and the Challenges of Interethnic Marriages in Post-War Germany. *Contemporary European History*. 2013. No. 22. P. 199–231. DOI: 10.1017/S0960777313000052
66. Wu Z., Schimmele C.M., Hou F. Group Differences in Intermarriage with Whites between Asians, Blacks, and Hispanics: The Effects of Assimilation and Structural Constraints. *Journal of Social Issues*. 2015. Vol. 71. No. 4. P. 733–754. DOI: 10.1111/josi.12146
67. Yancey G. Who Interracially Dates: An Examination of the Characteristics of Those Who Have Interracially Dated. *Journal of Comparative Family Studies*. 2002. No. 33. P. 179–190. DOI: 10.3138/jcfs.33.2.179

Статья поступила в редакцию: 25.03.2024; поступила после рецензирования и доработки: 11.07.2024; принята к публикации: 06.09.2024.

Received: 25.03.2024; revised after review: 11.07.2024; accepted for publication: 06.09.2024.

СОЦИОЛОГИ О СОЦИОЛОГАХ

DOI: 10.19181/socjour.2024.30.3.7

EDN: RDZIUT

*Л.А. КОЗЛОВА*¹

¹ Институт социологии ФНИСЦ РАН.

109544, Москва, ул. Большая Андроньевская, д. 5, стр. 1.

*К 90-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ А.Н. АЛЕКСЕЕВА
(1934–2017)*

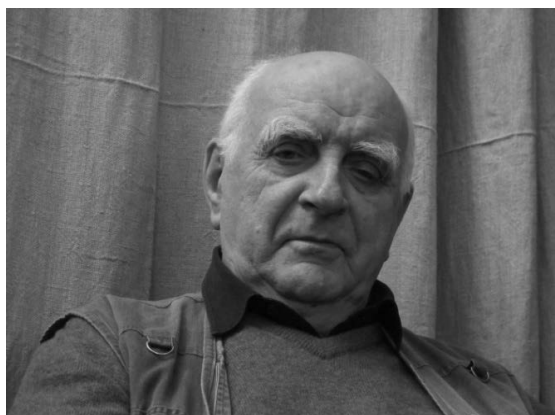

Фото из личного архива З.Г. Вахарловской, ноябрь 2014

ЛИЧНОСТНОЕ ЗНАНИЕ А.Н. АЛЕКСЕЕВА О СОЦИОЛОГИИ И ОБЩЕСТВЕ В АВТОРЕФЛЕКСИИ АВТОРА

Аннотация. Цель статьи — определить методологическую и нравственно-мировоззренческую подоплеку проекта социолога и самобытного социального мыслителя Андрея Николаевича Алексеева (1934–2017), показать, как он осмыслял, развивал и отстаивал свои идеи, работая вне общепринятых эпистемологических и институциональных рамок социологии. Для этого автор статьи выявляет и воспроизводит размышления Алексеева о собственном вкладе в науку, простимулированные критикой его коллег. Оригинальное социальное знание, разработанное Алексеевым, по типу можно отнести к личностному (в терминологии М. Полани), од-

нако самобытность этого знания в том, что оно содержит элементы как саморефлексивности и рефлексивности, так и акционизма.

В первой части текста кратко показано становление «социолога-рабочего». Приводятся ключевые идеи и методы Алексеева, содержащиеся в двух ответвлениях созданного им направления — в «драматической социологии» и «социологической ауторефлексии», описываются их понятийный аппарат и жанровые особенности. Во второй части показаны фрагменты некоторых дискуссий между героем статьи и его научными оппонентами. Как правило, отправной точкой становились рецензии и письма в адрес Алексеева, в которых высказывались сомнения или критические суждения по поводу «драматической социологии» и «социологической ауторефлексии». Рассмотрены авторефлексивные ответы Алексеева его оппонентам — Л.Г. Григорьеву, В.А. Ядову, Д.Н. Шалину, Д.М. Рогозину, в частности по вопросам методологии и этики исследований. Также выявляется точка зрения Алексеева на то, какое место его проект занимает в системе социально-гуманитарного знания, в чем методические и содержательные сходства/различия этого проекта и существующих в этой сфере направлений — автоэтнографии, биографики, публичной социологии, а также какова его связь с литературой и журналистикой.

Ключевые слова: А.Н. Алексеев (1934–2017); «драматическая социология»; «социологическая ауторефлексия»; автоэтнография; наблюдающее участие; «протоколы жизни»; дневники; письма; социолог-рабочий; социолог-испытатель; рабочий-экспериментатор.

Для цитирования: Козлова Л.А. Личностное знание А.Н. Алексеева о социологии и обществе в авторефлексии автора // Социологический журнал. 2024. Том 30. № 3. С. 145–164. DOI: 10.19181/socjour.2024.30.3.7 EDN: RDZIUT

Введение

Андрей Николаевич Алексеев (22 июля 1934 — 29 сентября 2017) создал оригинальное междисциплинарное направление, которое по типу можно отнести к личностному знанию. Методологически оно отсылает к идеям М. Полани, в которых центральной фигурой познания представлен исследователь с его когнитивными установками. В центре методологии Н.А. Алексеева также находится личность познающего субъекта, стремящегося «неявное» знание об обществе превратить в «явное». Но если Полани оперировал высказываниями, то Алексеев — высказываниями и действиями. В его социологии сочетаются рефлексивный и акционистский подходы, познание осуществляется не только мышлением, но и действием. Алексеев прошел уникальный путь в науке, по сути стерев грань между своей профессиональной и личной жизнью, между собой-человеком и собой-социологом. Это весьма необычно для научного сообщества и, на наш взгляд, требует должного внимания исследователей как в историко-социологическом, так и в эпистемологическом ключе.

В этом тексте автор стремится показать, как именно сам Н.А. Алексеев в дебатах с оппонентами оценивал результаты своей работы, и актуализировать внимание к ним заинтересованных читателей.

Созданное Алексеевым знание по большей части основано на описании и анализе хроник значимых для хроникера (и других людей) общественных и внутринаучных событий, пропущенных через его авторефлексию, — событий, где он был непосредственным и участвующим наблюдателем. Направление состоит из двух главных частей — «драматической социологии» и «социологической ауторефлексии». В таком познании личность исследователя — инструмент, цель — исследование общественных событий в их проблемности и напряженности. При этом исследователь является «действующим лицом». Но, в отличие от других членов общества, он обладает прерогативой наблюдать и изучать социум через его реакции на собственные действия исследователя. Алексеев использовал два основных методических приема — «наблюдающее участие» и моделирование ситуации. Такое познание он считал сродни естественно-научному эксперименту, но от определения своих исследований как «экспериментальной социологии» отказался, посчитав его «слишком “претенциозным”» [9].

Учитывая высокий личностный градус идей и методов Алексеева, которые не вписываются в русло принятой эпистемологии, легко предположить, что отношение к ним социологов было разным — от безоговорочного приятия до полемики, но вряд ли когда-либо безразличным. В числе его многих единомышленников — не только социологи. Но некоторые коллеги критиковали его работы за авторскую самонадеянность, субъективизм, методические недостатки, излишнюю протокольность, литературность и т. д. Автор этой статьи не стремится к сколько-нибудь значительному анализу идей Алексеева, невозможному в ее рамках, к их юбилейной апологетике или критике. Цель статьи — определить методологическую и нравственно-мировоззренческую подоплеку проекта Алексеева, показать, как он осмыслял, развивал и отстаивал его, работая вне общепринятых эпистемологических и институциональных рамок социологии. Для лучшего понимания идей и научных целей Алексеева важно, на наш взгляд, показать его авторефлексию по поводу собственной работы, простимулированную критикой коллег, работы, которой он методично следовал десятилетиями и которую стремился осмыслить и защитить. Авторефлексией наполнены все труды Алексеева, однако его дебаты с коллегами, возможно, наилучшим образом проясняют позиции автора.

Напомним идеи и методы А.Н. Алексеева

Главные социологические труды А.Н. Алексеева — два четырехтомника. Первый — «Драматическая социология и социологическая ауторефлексия» (2003–2005) — был посвящен различным обществен-

ным коллизиям [1–4]; во втором) — «Профессия — социолог...» (2010, соавтор Р.И. Ленчовский) [6] — объектом стала жизнь социологического сообщества. Многие секреты своей исследовательской кухни Алексеев приоткрыл в переписке с Б.З. Докторовым¹, собранной в их совместной книге «В поисках адресата» (2012) [7].

Совокупный материал четырехтомников можно сравнить с «кинолентой» о событиях, проходивших в общественной жизни Ленинграда времен «заката застоя», «разбега перестройки» (по выражению Алексеева) и чуть позже (1970–1990-е гг.), о людях и их отношениях в эту переломную эпоху: «...исследуется срез общественной жизни определенного времени, — пишет он, — на примере и сквозь призму индивидуального сознания и поведения (“наблюдающее участие”). Вместе с тем автор пытается “глядеть в себя как в зеркало эпохи”...» [7, с. 433]. В этих же трудах содержатся концептуальные и методические основания исследований автора.

На обороте титульной страницы томов 3 и 4 «Драматической социологии» А.Н. поясняет научной аудитории свой окончательно сформировавшийся взгляд на содержательные и жанровые особенности издания, не похожего на академическое: «В отличие от известных канонов научной монографии, эта работа представляет собой сюжетно выстроенное “социолого-драматургическое” произведение, где результаты исследования предстают не как готовые, а как развивающиеся в процессе их получения. Сюжетообразующим элементом является упомянутый эксперимент — “наблюдающее участие” социолога в социальных процессах... будь то освоение нового оборудования на производстве или самооборона от идеологических и политических обвинений (в середине 80-х гг.). Существенными моментами содержания являются как синхронный с событиями эксперимента самоанализ, так и современная интерпретация поведения социолога-испытателя² и его непосредственного окружения». У читателя сразу может возникнуть ряд вопросов по поводу заявленного «нарушения канонов научной монографии»: что такое «социолого-драматургическое» произведение? что за метод «наблюдающее участие» вместо привычного «включенного наблюдения»? как сочетаются «самоанализ, синхронный с событиями», и «современная интерпретация поведения социолога-испытателя»

¹ За последние три года Б.З. Докторов в своем блоге на сайте Проза.ру (URL: <https://proza.ru/avtor/bdbd80&book=7#7>) опубликовал целую серию текстов под общим названием «Нескончаемые беседы с А. Алексеевым», где рассказал о биографии А.Н., его вкладе в науку, своем отношении к коллеге и другу.

² Заметим, что в своих работах А.Н. Алексеев обычно пишет о себе в третьем лице: «социолог-рабочий», «рабочий-экспериментатор», «субъект» и т. п.

и его окружения? Далее попытаемся найти пояснения в авторефлексии Алексеева. Но сначала — несколько слов о научных и личностных поисках, которые привели его к таким социологическим нововведениям.

Путь к профессиональному самоопределению А.Н., по его словам, пролегал через годы «метаний». Окончив филологический факультет ЛГУ по специальности «филолог-славист, журналист (литературный работник газеты)», он несколько лет работал журналистом в Куйбышеве и Ленинграде. После этого несколько раз выходил из своих основных профессий в рабочие: в 1961–1964 гг. — из журналистов в вальцовщики, в 1980–1988 гг. — из социологов в наладчики «Ленполиграфмаша». В промежутках учился в аспирантуре, начиная с 1968 г. работал в академических институтах Новосибирска и Ленинграда, а в 1970 г. защитил кандидатскую диссертацию по философии. Отсюда понятно, почему в своей исследовательской работе Алексеев сочетал навыки социолога, журналиста, литератора. Несколько его выходов «в народ», по его свидетельству, были продиктованы житейскими, а не научными обстоятельствами и целями. Но, видимо, инстинкт исследователя, близкое соприкосновение с общественной жизнью на производстве, свойства характера побудили его к изучению социальных процессов «изнутри». Отрицательным следствием этих «выходов» в конце 1980-х стал обыск по уголовному делу, к которому А.Н. не имел отношения, с изъятием нескольких научных сборников под грифом «Для служебного пользования» и около 800 страниц его рабочих материалов — дневников и писем; исключение из КПСС, Союза журналистов, Советской социологической ассоциации АН СССР и Всероссийского театрального общества, а положительным — дальнейшая отработка метода, распространение его с производственной на другие сферы жизни — общественно-политическую и научную, накопление фактического материала, личностное самоопределение и исследовательская программа.

В 1980–1981 гг. изложение наблюдений, «нащупывание» их методики начались с «Писем Любимым женщинам» (позже «Письма» главами вошли в «Драматическую социологию»). В 2016 г. Алексеев отмечал их в своем блоге как «первую форму описания процесса и предъявления некоторых результатов предпринятого автором в начале 1980-х годов исследования производственной жизни “изнутри”, глазами рабочего» [8]. Это были женщины, не только «любимые» Алексеевым, но и первоклассные профессионалы. Так, получательницами первого письма стали журналист, социолог И.В. Прусс и доктор экономических наук, социолог Р.З. Рывкина. Алексеев назвал это письмо «профессиональным, а также жизненным **“манифестом”**³ со-

³ Здесь и далее все шрифтовые выделения принадлежат цитируемым авторам. — Л. К.

циолога-рабочего на начальном этапе эксперимента» [8]; и далее свои исследования он развивал только в коммуникациях. В этом письме А.Н. посвящает адресатов в свой метод активного наблюдения, применяя который рабочий-экспериментатор провоцирует конструктивные действия окружающих, испытывая сопротивление административной структуры, иногда и недовольство рабочих. Цель — не только детально проанализировать ситуацию, но и добиться позитивного решения производственных проблем. Здесь же свой метод он впервые называет «наблюдающим участием». Он отмечает и другие методические инструменты, а также результаты наблюдений: «Перечитав письмо, нахожу, что некоторые высказанные в нем философско-социологические соображения представляют не сугубо личный интерес. А именно: “формула разгильдяйства”, принцип вынужденной инициативы, принцип дозированной ответственности, метод наблюдающего участия, практика “дистанционного управления” снизу, постулат социально-опережающей деятельности...» [8]. Расшифровки перечисленных концептов многократно приводятся и развиваются в работах Алексеева.

Суть главного метода Алексеева — «наблюдающего участия» — изучать социальные ситуации «через целенаправленную активность субъекта, делающего собственное поведение своеобразным инструментом и контролируемым фактором исследования» [1, с. 13], разрешая себе при этом изнутри наблюдаемого процесса вносить в него некие «возмущения», определяемые им самим, то есть этот процесс «моделировать». Последнее — тоже часть метода. По мнению А.Н., так в процессах или явлениях раскрываются скрытые стороны и свойства, которые без подобного воздействия не заявили бы о себе; так частное и заурядное становится моделью общего. Действуя, социолог выступает не просто участником, актором наблюдаемого действия, но в значительной степени драматургом и постановщиком «социологической драмы» [1, с. 14]. Отсюда название подхода — «драматическая социология». Принципы наблюдающего участия Алексеев распространил и на самого себя, тогда и возникла «социологическая ауторефлексия».

«Драматическая социология» накопила обширный документальный материал с интерпретациями, показывающими ситуацию на производстве, закрытую для официальных источников: «...“лукавая” отраслевая и общегосударственная статистика многое намеренно маскировала, а массовые опросы не могли зафиксировать ряда тонких, тщательно оберегавшихся от внешнего наблюдателя сторон жизнедеятельности производственных коллективов, — замечает Б.З. Докторов. — К тому же было заранее ясно, что широкое обсуждение негативных аспектов организации труда рабочих... грозит исследователям массой неприятностей» [12, с. 5].

Авторский метод Алексеева требовал разработки специальных способов подачи результатов исследования. Ими стали сбор и интер-

претация документальных свидетельств — писем, дневников, официальных бумаг, научных или газетных статей. А.Н. пояснял: «Все четыре тома этой не совсем академичной книги [«Драматическая социология»] по существу являются собраниями (композицией...) документов. Документы личные и публичные; житейские, деловые, научные... Хоть личное письмо, хоть дневник (“протокол наблюдающего участия”), хоть справка или обращение в официальные органы, хоть газетная заметка или научная статья — любой письменный “след” биографии и истории, будучи поставлен в определенный контекст, может обрести смысл социологического свидетельства». Более того, по мнению Алексеева, методическое значение имеет и систематизация свидетельств: «...композиция (отбор свидетельств и расположение их в определенных сочетаниях и последовательности, своего рода монтаж...)» является «способом первичной концептуализации, а возможно — и анализа и осмысления» [7, с. 199]. При этом происходят множественные «столкновения» различных индивидуальных интерпретаций и описаний — самого автора или других людей, что выступает особенностью «документально-социологического» жанра. Адекватным способом представления материалов исследования в таком жанре А.Н. считает «именно композицию (иерархию композиций, или “композицию композиций”...) материалов этого исследования». «Причем жанр “Драматической социологии...” (книги!), — добавляет Алексеев, — предполагает попытку сюжетного выстраивания произведения, где результаты исследования предстают не готовыми, а развивающимися в процессе их получения». [7, с. 200]. В данном случае таким сквозным развивающимся сюжетом стал «эксперимент социолога-рабочего» 1980–1988 гг. «с включением множества побочных, “привходящих” жизненных и исторических сюжетов и обстоятельств» [7, с. 200]. Прообразом такого жанра стали личные архивы Алексеева. По тематико-хронологическому принципу построена и «Драматическая социология».

Важным принципом подачи и интерпретации материала Алексеев считает комментирование документов прошлого «из сегодня». Слово для комментариев, или «ремарок», наряду с самим «социологом-испытателем» предоставляется и его «со-актерам», «со-участникам» описываемых событий. Всю эту «многосложную структуру, переплетение сюжетов, времен, жанров» [7, с. 200] автор упорядоченно и прозрачно эксплицирует в пунктах оглавлений, подобных архивным описям, своих обширных изданий так, чтобы читатель мог выбрать интересующие его эпизоды или фрагменты.

Принцип комментирования «из сегодня» Алексеев позаимствовал у философа и культуролога Г. Гачева. «Почти все его произведения, — пишет А.Н., — построены как “перепечатка” записей одного периода жизни, комментируемых по ходу дела им же самим, “сегодняшним”».

И получается: диалог с самим собой» [7, с. 200]. Сам же Гачев в своих «Семейных хрониках» (1994) так поясняет значение своего принципа: записи 1969–1971 гг. «имеют ценность неисправимой достоверности, я их ретушировать не буду, править слог и благообразить: в них именно и характер... и дух места того времени, и аромат жизни... Если же я буду вступать в диалог с самим собой или комментировать, то новые мои слова будут обозначены своими датами. Двухголосие выйдет...» [7, с. 200–201]. Тексты самого Алексеева содержат множество перекрестных диалогов, многоголосие из синхронных и диахронных интерпретаций, сделанных участниками описываемых событий. Для автора такое построение произведений было способом лучше, объемнее репрезентировать происходившие процессы.

Несколько слов посвятим описанию строительного материала композиций «драматической социологии», каковым стали письма и дневники, или «протоколы жизни». Это для автора — главные формы научной коммуникации (адресованной «самому себе», «другому», «для других») и трансляции личностного знания. В письмах он усматривал потенциал «неявного» знания, способного раскрыться в переписке: «Письмо, адресованное конкретному человеку и потому допускающее преувеличение, недоговоренности, условности, — писал А.Н., — приобретает со временем большую характеристическую ценность, чем взвешенные тексты, предназначавшиеся для публикации. Секрет, видимо, в том, что в письмах сохраняются эмоциональный и интуитивный компоненты, которые необходимы для целостной картины, но которые в научных изложениях принято изгонять...» [1, с. 143].

Среди видов дневников как наиболее для себя важный Алексеев выделяет «дневник факта», или «протокол жизни», определяя его так: «...протокол жизни — будь то за определенный период времени, будь то относящийся к отдельному событию — это *первичный личностно-общественный документ*. Он есть *актуальное свидетельство очевидца или действующего лица* (актера), выступающего наблюдающим участником драмы собственной жизни (всегда вплетенной в общественную, и — в пределе — “мировую драму”). Таким образом “протокол жизни” сочетает элементы коммуникации самому себе, другому и для других». Подробные пояснения «протоколам жизни» А.Н. дает, например, в письмах Докторову [7, с. 447–448].

Методология текстов Алексеева и его соавторов сильно отличается от привычных форм социологической аналитики. Оценку этой особенности дал В.А. Бачинин, назвав методологическую конструкцию одной из работ исследователя «новым русским постмодернизмом»: «...это масштабная презентация постмодернистской методологии или, если угодно, методологического постмодернизма, вскормленного... на отечественной духовной почве, выстроенного из собственного интеллектуального и социального материала. Это, так сказать, поч-

веннический постмодернизм...» От европейского постмодернизма его отличает прежде всего цель: это «не игра в социологический бисер, а серьезное, упорное, неуступчивое и мужественное правдоискательство» [10, с. 153]. Сам Алексеев не вполне был согласен с отнесением его социологии к «новому русскому модернизму».

Некоторые эпизоды полемики

Перейдем к сути дискуссий между Н.А. Алексеевым и коллегами по поводу результатов его научной деятельности, обращаясь к цитированию, чтобы предоставить слово самим дискутантам.

Самой ранней стала рецензия в «Социологическом журнале» **Л.Г. Григорьева** (как выяснилось позже, автор выступил под псевдонимом) на первые два тома «Драматической социологии» (2003) [11]. Автор рецензии анализировал не столько содержание томов, сколько свою реакцию на это необычное произведение. Критериями оценок стали «схемы изложения, традиционные для социологии», а также «плотное описание». Григорьев выясняет, что используемым критериям книги Алексеева не соответствуют: нигде не приводятся перечень итогов исследований, проверки гипотез, но постоянно подчеркивается «ценность описания событий как жизненного документа». Вывод такой: «Очевидно, автор придерживается мнения, что результат исследования — это текст интервью, фильм или протокол наблюдений, а не проверка гипотез, получаемых из теоретических представлений»; отсюда предлагается воспринимать двухтомник «не как итог работы автора, а как отправную точку для работы читателя, имеющего намерение лучше понять общество, в котором жил и живет А.Н. Алексеев» [11, с. 180–181].

Григорьев ставит под сомнение метод «наблюдающего участия», предполагающий некое моделирование ситуации, подходя к его оценке не только с методической, но и с моральной позиции. В частности, он считает, что за так называемой «вынужденной инициативой» скрывается способ остаться безнаказанным при любой «антисистемной» активности: «Если представить свою инициативу как вынужденный системой шаг, то окружающие воспримут это с пониманием, то есть вы осуществите экспериментальное воздействие, не поставив под сомнение его системный характер. Соответственно, система отреагирует нормально, так, как бы она реагировала на подобное воздействие в вашем отсутствии» [11, с. 181].

Григорьев полагает, что метод кейс-стади Алексеева адекватен его исследовательским задачам, однако итоги их реализации не считает обоснованными: «Огромное количество неконтролируемых связей на обобщенных уровнях анализа выглядят как динамические (однозначные) закономерности, не требующие обоснования выборочными статистическими средствами» [11, с. 181–182]; «...очевидно, что из

ситуаций автор извлекает только то, что уже присутствует в его представлениях, хотя и не всегда замечает это» [11, с. 184].

Уже по приведенным примерам (а это не полный их перечень) видно, что рецензия Григорьева была весьма критической, однако Алексеев не нашел в ней оснований для серьезной полемики, определив критику как «сайентистскую». Тем не менее он отвечал на рецензию в нескольких публикациях⁴, но не в форме прямого диалога с ее автором, а в виде дополнительных пояснений к своим концепции и методу. В томе 4 «Драматической социологии» он полностью приводит рецензию Григорьева и почти построчно и в сносках критически комментирует написанное — больше с формальной стороны. Называет ее «фельетоном», отмечает ее функции как «рекламную», но и «дезориентирующую», не видит необходимости отвечать оппоненту всерьез. Вместо этого Алексеев там же публикует 12 пунктов [4, с. 203–209], в которых поясняет суть своего исследовательского замысла, отмечая: «...воздержавшись от спора с рецензентом... будь то по принципиальным, будь то по частным вопросам, будь то в собственно научной, будь то в этической плоскости — автор настоящего письма “всего лишь” изложил иной (свой собственный) взгляд на “драматическую социологию и социологическую ауторефлексию”» [4, с. 209]. Он, в частности, выразил надежду, что внес методолого-методический вклад в неклассическую социологическую парадигму; отметил, что подкрепления своим поискам искал в работах А. Швейцера, А. Ухтомского, П. Сорокина (последних лет жизни) и М. Полани. Case-study для автора — основной метод исследования: «Причем в центре рассмотрения — социально-личностный эксперимент и “жизненный случай” самого автора... “Социологическому испытанию” подвергались не только социальные институты, но и сам субъект изыскания» [4, с. 207]. И т. д. Другие пункты своего непрямого ответа Алексеев будет неоднократно пояснять в иных дискуссиях.

В.А. Ядов высказал замечание о несоблюдении Алексеевым некоторых профессиональных этических принципов. Ядов как руководитель Алексеева в 1980-е гг. поддерживал его проект и был хорошо с ним знаком; выступил автором предисловия первой авторской редакции книги об эксперименте социолога-рабочего (1989). В 1999 г. опубликовал рецензию на двухтомник «Драматическая социология (экспери-

⁴ Так, в письме Докторову он ориентирует адресата: «Опубликовать свой ответ (“Оборона, которую считаю необходимой и достаточной”), который Л. Козлова озаглавила было “Авторский комментарий к книге”, в том же журнале не удалось. Тогда я включил как саму рецензию, так и текст ответа в том 4 (2005): глава 23 “Эпистемологические дебаты”: с. 122–133; 203–209» (см.: [7, с. 231]). Также Алексеев в томе 2 «Драматической социологии» публикует ту же «авторрецензию» на отзыв Григорьева («Что сказать мне удалось — не удалось») [2, с. 446–449].

мент социолога-рабочего)» (1997). В ней Ядов заметил: «Есть в некоторых текстах А. одна особенность, мне не импонирующая: своего рода амбициозная тональность», добавив наряду с этим, что Алексеев — «фигура действительно совершенно из ряда вон выходящая... Это — человек глубоко нравственный, способный ради утверждения моральных принципов быть жестким» [4, с. 15]. Конкретный смысл определения «амбициозная тональность» не поясняется. Но в одном из писем Докторову А.Н. полушутливо согласился с этим замечанием: оно «совершенно справедливое в отношении “Писем Любимым женщинам”, которые еще тогда были обозваны мною “эпистолярным хулиганством”, а Светлана Минакова (мой давний соавтор и одна из адресатов писем) так даже написала остроумную пародию, начинавшуюся примерно так: “Я вошел в цех и взглянул окрест себя. В воздухе висело разгильдяйство...” ...Особенно в первых письмах с шутливым “ячеством” был перебор»⁵. Этическая дискуссия получила продолжение позже по инициативе другого оппонента.

Дискуссия Алексеева на этические и методологические темы состоялась с **Д.Н. Шалиным**, давним учеником И.С. Кона, а ныне профессором Университета Невады (Лас-Вегас), в нескольких статьях журнала «Телескоп» в 2011–2012 гг. Здесь же, чтобы не перегружать текст, воспользуемся извлечениями из этих и других материалов дискуссии между двумя исследователями, которые сделал сам Алексеев на сайте Cogita.py [14].

Итак, Шалин отметил следующие этические моменты: (1) автор не получил согласие участников эксперимента; (2) не обеспечил их анонимность; (3) процедуры эксперимента подвергли его участников «крайнему стрессу»; (4) они не могли выйти из эксперимента по своей воле; (5) «автор не предоставил возможности респондентам ответить на его критику и сформулировать альтернативную точку зрения на описываемые события». Шалин считает, что отнесение исследований Алексеева к ««акционистским» в духе Турена или public в смысле Буравого» не снимает проблему, т. к. оба названных автора соблюдали все эти условия [14].

Алексеев усмотрел в критике Шалина «неадекватное прочтение авторского подхода и метода», сужение понятия натурного эксперимента до «сугубо сайентистской трактовки». В частности, метод наблюдающего участия принимается оппонентом за метод включенного наблюдения.

А.Н. считает, что это можно объяснить следующими причинами: (1) «своего рода органическим отторжением академическим ученым акционистского подхода вообще и — конкретно — логики *познания*

⁵ Из электронного письма А.Н. Алексеева Б.З. Докторову от 13 августа 2008 г.

действием, составляющей методологическую суть “драматической социологии”»; (2) «смещением личных и общественных (приватных и публичных) действий и отношений в качестве предмета социологического изучения (на самом деле только вторжение в личную сферу этически запрещено!»); (3) «забвением того обстоятельства, что “драматическая социология” предполагает экспериментальное воздействие на социальный объект не “извне”, а “изнутри”, при постановке исследователем также и себя самого в положение не столько экспериментатора, сколько испытателя и/или испытуемого» [14]. Далее Алексеев добавляет, что при «наблюдающем участии» действуют совсем иные критерии, чем те, которые применяются в экспериментах типа Хоторнского или Стэнфордского. Для него очевидно, что не требуется брать разрешение у заводского начальства на то, чтобы его служебная деятельность и поведение производственного коллектива «стали предметом профессионального внимания социолога-рабочего». А.Н. прямо высказывает нежелание детально обсуждать этические сомнения своего оппонента, вынося их за пределы рационального, в область нравственного. Он также поясняет, что в гуманитарных науках, как и в искусстве, «есть вещи, которые не требуют доказательств, а принимаются или отвергаются на уровне едва ли не подсознания и нравственного чувства» [14].

Заключительным аккордом дискуссии об этике кажутся слова Алексеева: «И риторический вопрос: “Имеем (ли) мы право вовлекать сограждан в наши эксперименты, можем мы это делать без их согласия, правильно ли раскрывать имена участников событий, и в какой степени мы отвечаем за последствия эксперимента?”... исключает универсальный ответ. Ответ может быть лишь **ситуативным**, с учетом всей совокупности внешних и внутренних факторов и обстоятельств» [14]. Казалось бы, дискуссия закончена. Но годом позже в своей статье «Защита наблюдающего участия» (2012) Алексеев счел необходимым ответить оппоненту более подробно на примере своей «Драматической социологии».

Так, раскрывая свои методические и этические принципы, А.Н. еще раз подчеркивает, что эксперимент проводился с использованием метода наблюдающего участия (а не включенного наблюдения), при котором статус социолога-экспериментатора не скрывался, «а сама логика “познания действием”... охотно обсуждалась с теми товарищами по труду, кто проявлял к этому интерес». В «Письмах Любимым женщинам» все действующие лица были под псевдонимами, предприятие не называлось. «Но как быть, — сетует Алексеев, — когда сами же “герои” себя “рассекретили”, подписывая документы и совершая **публичные** поступки, получившие широкую огласку? Здесь “деликатность” исследователя была бы по меньшей мере бесполезной» [14].

По мнению Алексеева, оппоненту не удалось разглядеть, что если стратегия включенного наблюдения — «мимикрирующая», то стратегия наблюдающего участия — «акционистская».

С учетом сказанного, А.Н. считал, что для него не существовало проблемы «согласия на проведение “с ними” [участниками. — Л. К.] (sic!) натурного эксперимента». «Ну какое может быть предварительное “получение разрешения”, — пишет он, — на то, что составляет самый “образ жизни”, предмет повседневной деловой и/или этической практики субъекта?..» Алексеев настаивает на следующем принципе, применение которого, по его мнению, дает гарантию не затрагивать приватной сферы участников натурного эксперимента на производстве: для этого следует рассматривать людей как членов института, их социальные роли и функции. Он пишет, что проводил «эксперимент не “с” людьми и уж тем более не “над” людьми, а имел своим объектом и “материалом” социальные институты, отношения, функции, социальные роли (пусть персонально воплощенные). И не затрагивал, понятно, частных, приватных сфер жизнедеятельности личности (что вообще дело не социологов, а психологов и/или психотерапевтов)». Шалин возразил: «Столь резкое разделение ролей/институтов и носителей/субъектов вызывает сомнение с точки зрения социального интеракционизма» [14].

Еще один принципиальный момент дискуссии. Шалин поставил вопрос, не влечет ли за собой нежелательные социальные последствия акционистская позиция Алексеева: «Социолог-рабочий, социолог-наладчик, социолог-экспериментатор — Андрей также выступал в роли социолога-акушера (“перемен не надо ждать, перемены надо делать”), и здесь возможны серьезные издержки, связанные с преждевременными родами, вызванными поспешными действиями социолога-новатора» [14]. В отношении закавыченного принципа А.Н. выразил свою не столько исследовательскую, сколько гражданскую позицию: «...все естественно-исторические процессы суть не что иное, как совокупная активность людей. Если все будут только “ждать” перемен, то кто же будет их “делать”?» [14].

Подытоживая дискуссию с Шалиным, Алексеев, в соответствии со своими принципами личностного знания, переносит источник разногласий в человекоцентричную плоскость исследовательской деятельности: «...наши различия в подходах к одинаковым и/или сходным вещам имеют межкультуральный характер, коренятся в различиях ментальности. Вы... уже больше половины жизни живете в США, я — всю жизнь в России. У нас — общие корни, но разные среды обитания, жизненный опыт, научные этосы. Очевидное (*точнее было бы сказать: “естественное”*. — А. А.) для меня может казаться странным Вам, и наоборот. Не отсюда ли и некоторые расхождения в тех методологических и этических позициях, которые (позиции) для нас принципиальны?

Здесь не стоит спорить, а просто иметь в виду, что возможен и совсем другой взгляд на вещи, другое видение» [14].

В статье «Как работает автоэтнография» (2015) [16] **Д.М. Рогозин** в обзор публикаций по современным автоэтнографическим подходам, вышедших в свет с начала 2000-х гг., включил и «драматическую социологию» А.Н. Алексеева. Коллизия спора между двумя исследователями, как нам представляется, построена на следующем: Рогозин критикует Алексеева за то, что тот не относит к автоэтнографии свою «драматическую социологию», поскольку не знаком с работами автоэтнографов, хотя она находится «в одной традиции, например, с работами Тони Адамса или Стеси Холман Джонс». Отмечая, что допускает «сильный волюнтаризм», Рогозин тем не менее пишет: «...напрямую связываю теоретические, методические и прагматические построения Андрея Николаевича с автоэтнографией. Другими словами, драматическая социология Алексеева — это не что иное, как российское направление автоэтнографии» [16, с. 241]. В ответ Алексеев указывает на приписывание Рогозиным «драматической социологии» свойств автоэтнографии: первая возникла на десятилетие ранее, чем вторая, то есть в 1980-е гг. «В ту пору и позже, — поясняет он, — “социолог-испытатель” если и пробовал соотносить с кем-либо свои методологические поиски, то с социальными исследователями постарше: Швейцером, Шюцем, Гарфинкелем, Гофманом, Турэнном, М. Полани. Ч.Р. Миллсом, А. Любичевым, В. Шубкиным...» [9]. Главное эпистемологическое отличие «драматической социологии» от автоэтнографии А.Н. видит в несовпадении их объектов и методов, которые лишь кажутся одинаковыми. Так, автоэтнограф, по его мнению, «изучает СЕБЯ, включенного в определенный социум, для постижения этого социума (среды, культуры, сообщества), поскольку он отображается в его (исследователя) сознании, психике, деятельности»; для автора «драматической социологии» его собственная личность — «не объект и не предмет, а прежде всего ИНСТРУМЕНТ, средство исследования. Поскольку он есть ДЕЙСТВУЮЩЕЕ лицо, постигающее окружающий социум, в том числе через его (социума) реакции на действия исследователя» [9].

Вместе с тем «социологическую ауторефлексию» Алексеев определяет как своего рода синоним автоэтнографии, отмечая родство первой с идеями автоэтнографов Л. Андерсона, А. Бочнера и К. Эллис. Однако накрепко соединяет ее с другой необходимой составляющей своей работы. «Драматическую социологию» и «социологическую ауторефлексию» он называет «категориальной парой, понятийной связкой, ибо одно сочетается с другим и происходит взаимная подпитка рефлексии и действия» [9].

Рогозин критикует Алексеева и за то, что, применяя в «драматической социологии» автобиографические исследования, тот многое не

раскрывает о себе как личности, что в ней отсутствует элемент интимности, присущий автобиографиям. В ответ Алексеев призывает оппонента различать «автобиографическое» и «автоэтнографическое» и не видеть в «драматической социологии» то, чего там нет. Ведь ее предмет, пишет он, — «вовсе не отображение социума в личности, а внешние — вовсе не конфиденциальные — взаимоотношения личности и социальных институтов, социальные ситуации, “театр жизни на заводских подмостках” и т. п. А раз театр — значит, нечто публичное» [9].

По мнению Рогозина, название «драматическая социология» можно было бы заменить на «архивную автоэтнографию». Почему? Основной задачей Алексеева Рогозин видит составление и обслуживание архива, создание навигации по нему. Все обобщения — вторичны. «Авторские ремарки и комментарии, система оглавления, лаконичные обобщения и методологические заметки — лишь подчеркивают подчиненный характер любых генерализаций» [16, с. 247]. Алексеев назвал «архивную автоэтнографию» очередным «ярлычком». Отмежевывается он и от отождествления «драматической социологии» с квир-идеологией (теорией), от трактовки первой как «типичного» включенного наблюдения, поясняет отличие наблюдающего участия от методов автоэтнографии [9].

Заключение

Работу, которую А.Н. Алексеев проделал в науке, можно считать «штучной», ей трудно подражать, а повторить и вовсе невозможно, поскольку она напрямую обусловлена биографией и личностными качествами исследователя, принадлежащими только ему. Но результаты этой работы он адресовал научному сообществу и обществу. Они ценны не только ответами, но и вопросами, поставленными перед эпистемологией, эвристическим потенциалом, этическими нормами социологии. Наследие Алексеева пока в недостаточной степени воспринято и слабо освоено социологами. Возможно потому, что оно своеобразно, не вполне академично, отмежевано от известных направлений социального знания, находится на стыке науки и литературы, трудно для восприятия. Между тем его работы включают теоретическое описание и многолетнюю апробацию познавательных инструментов, и не исключено, что они могли бы расширить имеющийся арсенал качественной методологии. Созданный Алексеевым архив — это огромный массив документальных и дневниковых первичных данных, содержащий тысячи страниц хроник российской жизни предыдущих десятилетий, который может быть полезен для историко-социологических исследований⁶. Докторов подметил еще одно значение рас-

⁶ Этот массив после смерти А.Н. Алексеева усилиями его жены З.Г. Вахарловской и социолога В.В. Костюшева был систематизирован и передан на хранение в Архив истории науки и культуры ЕУСПб. На

сматриваемого наследия, охарактеризовав его как «явление культуры периода завершения советского общества и начала постсоветской России», а потому, по его мнению, оно «должно изучаться в системе культурологических и социально-политических категорий» [13, с. 42].

Алексеев не избегал критики, но, напротив, в дебатах пытался лучше определить и выразить собственную позицию. В этой статье представлена их малая часть. В книге «В поисках адресата» (2006) после полного выхода в свет «Драматической социологии» А.Н. аккуратно и самокритично перечислил все рецензии и отклики коллег на это произведение⁷, опубликованные по ходу его создания [7, с. 233–236] (но дискуссии продолжались и позже), снабдив список этой ремаркой — инструкцией для прочтения: «...Здесь представлен широкий и, можно сказать, противоречивый спектр взглядов, позиций, интерпретаций как самого эксперимента социолога-рабочего, так и его отображения в авторских публикациях, предшествовавших настоящей книге. Каждую из этих “версий” следует воспринимать с учетом ее датировки, т. е. в историческом контексте. Недостаток объективности, односторонность нетрудно усмотреть как в “обличениях”, так и в “панегириках” (в адрес социолога-испытателя), порожденных разными обстоятельствами места и времени. Адекватная характеристика реальному феномену может быть извлечена из диалога и сопоставления разных точек зрения, включая диаметрально противоположные» [7, с. 233].

Завершим парой фрагментов из книг философа К. Свасьяна, которые цитировал, расставляя акценты, А.Н. Алексеев и которые, по-видимому, были максимами его социологической работы:

«Парацельс мог бы сказать то именно, чего никогда не сказал бы Бэкон (из страха прослыть необъективным): **метод — это я**. Победа Бэкона уже вытекала из элементарнейших **последствий** этого различия; ближайшее последствие гласило: усвоить метод Парацельса — значит стать самому *sui generis* Парацельсом; наука — это человек, и, следовательно, **настоящая наука — это настоящий человек...**»;

«...вот самопервейшая тайна Гёте: простая и просветленная максима, перевешивающая библиотеки: **“Всё фактическое есть уже**

основе материалов и документов фонда Алексеева коллеги создали сайт его памяти, где отразили основные этапы личной и творческой биографии ученого: Вселенная Андрея Алексеева // Европейский университет в Санкт-Петербурге [электронный ресурс]. Дата обращения 21.06.2024. URL: <http://arch.eu.spb.ru/ANAlexeev90-6>

⁷ Список назывался так: «Перечень всевозможных отзывов на “драматическую социологию” (как исследовательскую или жизненную практику, так и ее отображение в текстах), которые представлены непосредственно в книге: А.Н. Алексеев. Драматическая социология и социологическая ауторефлексия. Т. 1–4. СПб.: Норма, 2003–2005».

теория... Не следует только ничего искать за феноменами; они сами составляют учение". Это значит: поменьше слов, побольше испытующего взгляда. И самая неприметная **вещь** научит нас больше, чем громокипящие слова о последних тайнах мироздания...» [4, с. 209].

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Козлова Лариса Алексеевна — кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник, Сектор социологии науки, Институт социологии ФНИСЦ РАН. **Телефон:** +7 (499) 120-82-57. **Электронная почта:** LarissaKozlova@yandex.ru

Research Article

LARISSA A. KOZLOVA¹

¹ Institute of Sociology of FCTAS RAS.

5 bl., 1, Bolshaya Andronievskaya str., 109544, Moscow, Russian Federation.

A.N. ALEKSEEV'S PERSONAL KNOWLEDGE OF SOCIOLOGY AND SOCIETY AS DESCRIBED IN THE AUTHOR'S SELF-REFLECTION

Abstract. The aim of this article is to identify the methodological and moral-ideological underpinnings of the project by Andrei Nikolaevich Alekseev (1934–2017), and to show how he conceptualized, developed and advocated for it, working outside the generally accepted epistemological and institutional framework of sociology. With this goal in mind, the author of this article cites Alekseev's own reflections on his contribution to the discipline that were inspired by his colleagues' critiques, while avoiding making any judgments of her own. The original social knowledge developed by Alekseev can be described as personal (in the words of M. Polanyi), but while containing elements of self-reflexivity and reflexivity, as well as actionism.

The initial portion of the text gives a brief summary on the making of a "working sociologist". Also Alekseev's key ideas and methods are touched upon, those contained within two segments of the field that he established — within "dramatized sociology" and "sociological autoreflection", also the specifics of these concepts and genres are described. The second part of the article includes excerpts from discussions between the star of this article and his scientific opponents. Typically the article would refer to reviews and letters addressed to Alekseev in which his colleagues would express their doubt or criticize "dramatized sociology" and "sociological autoreflection". Shown are Alekseev's self-reflective responses to his opponents — L.G. Grigor'ev, V.A. Yadov, D.N. Shalin, D.M. Rogozin, particularly on the topic of methodology and research ethics. It also outlines Alekseev's perspective when it comes to how his project fits into the established system of social-humanitarian knowledge, what are the methodical and substantive similarities and differences when comparing to existing directions in this field — auto-ethnography, biographics, public sociology, as well as the connection to literature and journalism.

Keywords: A.N. Alekseev (1934–2017); "dramatized sociology"; "sociological autoreflection"; auto-ethnography; observational participation; "protocols for life"; diaries; letters; working sociologist; tester-sociologist; worker-experimenter.

For citation: Kozlova, L.A. A.N. Alekseev's Personal Knowledge of Sociology and Society as Described in the Author's Self-Reflection. *Sotsiologicheskii Zhurnal = Sociological Journal. 2024. Vol. 30. No. 3. P. 145–164. DOI: 10.19181/socjour.2024.30.3.7*

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Larissa A. Kozlova — Candidate of Philosophical Sciences, Leading Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS. **Phone:** +7 (499) 120-82-57.
Email: LarissaKozlova@yandex.ru

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. *Алексеев А.Н.* Драматическая социология и социологическая ауторефлексия. В 4 т. Т. 1. СПб.: Норма, 2003. — 592 с.
Alekseev A.N. Dramaticheskaya sotsiologiya i sotsiologicheskaya autorefleksiya. [The Dramatized Sociology and Sociological Autoreflexion.] In 4 volumes. Vol. 1. St Petersburg: Norma publ., 2003. 592 p. (In Russ.)
2. *Алексеев А.Н.* Драматическая социология и социологическая ауторефлексия. В 4 т. Т. 2. СПб.: Норма, 2003. — 480 с.
Alekseev A.N. Dramaticheskaya sotsiologiya i sotsiologicheskaya autorefleksiya. [The Dramatized Sociology and Sociological Autoreflexion.] In 4 volumes. Vol. 2. St Petersburg: Norma publ., 2003. 480 p. (In Russ.)
3. *Алексеев А.Н.* Драматическая социология и социологическая ауторефлексия. В 4 т. Т. 3. СПб.: Норма, 2005. — 808 с. EDN: QOBWDX
Alekseev A.N. Dramaticheskaya sotsiologiya i sotsiologicheskaya autorefleksiya. [The Dramatized Sociology and Sociological Autoreflexion.] In 4 volumes. Vol. 3. St Petersburg: Norma publ., 2005. 808 p. (In Russ.)
4. *Алексеев А.Н.* Драматическая социология и социологическая ауторефлексия: В 4 т. Т. 4. СПб.: Норма, 2005. — 536 с. EDN: QOBWDX
Alekseev A.N. Dramaticheskaya sotsiologiya i sotsiologicheskaya autorefleksiya. [The Dramatized Sociology and Sociological Autoreflexion.] In 4 volumes. Vol. 4. St Petersburg: Norma publ., 2005. 536 p. (In Russ.)
5. *Алексеев А.Н.* Познание через действие. Так что же такое «Драматическая социология» // Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев. 2006. № 5. С. 11–23. EDN: PGLBFV
Alekseev A.N. Cognition through action. So what is “Dramatized Sociology”. Teleskop: nablyudeniya za povsednevnoi zhizn'yu peterburzhtsev. 2006. No. 5. P. 11–23. (In Russ.)
6. *Алексеев А.Н., Ленчовский Р.И.* Профессия — социолог. Из опыта драматической социологии: события в СИ РАН — 2008 / 2009 и не только. Наблюдения, документы, рефлексии. Т. 1–4. СПб.: Норма, 2010.
Alekseev A.N., Lenchovskii R.I. Professiya — sotsiolog. Iz opyta dramaticheskoi sotsiologii: sobytiya v SI RAN — 2008/2009 i ne tol'ko. Nablyudeniya, dokumenty, refleksii. [Profession — sociologist. From the experience of Dramatized Sociology: events in the SI RAS — 2008/2009 and beyond. Observations, documents, reflections.] Vols. 1–4. SPb.: Norma publ., 2010. (In Russ.)

7. *Алексеев А., Докторов Б.* В поисках Адресата. Переписка двоих с постепенным расширением круга тем и участников (февраль — октябрь 2006 г.). СПб. — Foster City, 2012. — 471 с. [электронный ресурс]. Дата обращения 19.08.2024. URL: https://cdclv.unlv.edu/archives/correspondence/aa_bd_letters.pdf
Alekseev A., Doktorov B. *V poiskakh Adresata. Perepiska dvoikh s postepennym rasshireniem kruga tem i uchastnikov (fevral' — oktyabr' 2006 g.).* [In search of the Addressee. Correspondence between two people with a gradual expansion of the range of topics and participants (February — October 2006)]. SPb. — Foster City, 2012. 471 p. Accessed 19.08.2024. URL: https://cdclv.unlv.edu/archives/correspondence/aa_bd_letters.pdf (In Russ.)
8. *Алексеев А.Н.* Письма Любимым женщинам. (Эксперимент социолога-рабочего). Блог А.Н. Алексеева // Cogita.ru [электронный ресурс]. Дата обращения 14.08.2024. URL: <http://www.cogita.ru/a.n.-alekseev/andrei-alekseev-1/a-alekseev-pisma-lyubimym-zhenschinam-eksperiment-sociologa-rabocheho>
Alekseev A.N. Pis'ma Lyubimym zhenshchinam. (Eksperiment sotsiologa-rabocheho). Blog of A.N. Alekseev. [Letters to Beloved Women. (Experiment of a sociologist-worker). Blog of A.N. Alekseev.] *Cogita.ru*. Accessed 14.08.2024. URL: <http://www.cogita.ru/a.n.-alekseev/andrei-alekseev-1/a-alekseev-pisma-lyubimym-zhenschinam-eksperiment-sociologa-rabocheho> (In Russ.)
9. *Алексеев А.Н.* Алексеев vs Rogozin. Об автоэтнографии и «драматической социологии». Блог А.Н. Алексеева // Cogita.ru [электронный ресурс]. Дата обращения 03.08.2024. URL: <http://cogita.ru/a.n.-alekseev/andrei-alekseev-1/alekseev-vs-rogozin-ob-avtoetnografii-i-dramaticheskoi-sociologii>
Alekseev A.N. Alekseev vs Rogozin. About autoethnography and “Dramatized Sociology”. Blog of A.N. Alekseev. *Cogita.ru*. Accessed 03.08.2024. URL: <http://cogita.ru/a.n.-alekseev/andrei-alekseev-1/alekseev-vs-rogozin-ob-avtoetnografii-i-dramaticheskoi-sociologii> (In Russ.)
10. *Бачинин В.А.* Алексеева А.Н., Ленчовский Р.И. Профессия — социолог. Из опыта драматической социологии: События в СИ РАН — 2008/2009 и не только. Документы, наблюдения, рефлексии. В 4 т. СПб.: Норма, 2010 // Социологические исследования. 2011. № 4. С. 153—156.
Bachinin V.A. [Rev.] Alekseev A.N., Lenchovskii R.I. Profession — sociologist. From the experience of Dramatized Sociology: events in the SI RAS — 2008/2009 and beyond. Observations, documents, reflections. Vols. 1—4. SPb.: Norma publ., 2010. Sotsiologicheskie issledovaniya. 2011. No. 4. P. 153—156. (In Russ.)
11. *Григорьев Л.Г.* Алексеев А.Н. Драматическая социология и социологическая ауторефлексия: В 2-х т. СПб.: Норма, 2003 // Социологический журнал. 2003. № 2. С. 180—183. EDN: PZQNXH

- Grigor'ev L.G. [Rev.] Alekseev A.N. The Dramatized Sociology and Sociological Autorefection: In 2 Vols. SPb.: Norma publ., 2003. *Sotsiologicheskii Zhurnal = Sociological Journal*. 2003. No. 2. P. 180–183. (In Russ.)
12. Докторов Б.З. Пессимист по наблюдениям и оптимист по убеждениям. Научные и нравственные основы «драматической социологии» // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2009. № 4. С. 2–11. EDN: KYWVTD
Doktorov B.Z. Pessimist by observations and optimist by convictions. Scientific and moral foundations of “dramatic sociology”. *Teleskop: zhurnal sotsiologicheskikh i marketingovykh issledovaniy*. 2009. No. 4. P. 2–11. (In Russ.)
13. Докторов Б.З. Уникальное историко-биографическое наследие А.Н. Алексеева // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2018. № 5. С. 40–42. EDN: VCFBIM
Doktorov B.Z. The unique historical and biographical heritage of A.N. Alekseev. *Teleskop: nablyudeniya za povsednevnoi zhizn'yu peterburzhtsev*. 2018. No. 5. P. 40–42.
14. Драматическая социология глазами Д. Шалина, В. Ядова и А. Алексеева. (Дата создания 16.02.2016). Блог А.Н. Алексеева // Cogita!ru [электронный ресурс]. Дата обращения 22.08.2024. URL: <http://www.cogita.ru/a.n.-alekseev/andrei-alekseev-1/dramaticheskaya-sociologiya-glazami-d-shalina-v-yadova-i-a-alekseeva>
Dramatized Sociology through the eyes of D. Shalin, V. Yadov and A. Alekseev. (Created on 16.02.2016). Blog of A.N. Alekseev. *Cogita.ru*. Accessed 22.08.2024. URL: <http://www.cogita.ru/a.n.-alekseev/andrei-alekseev-1/dramaticheskaya-sociologiya-glazami-d-shalina-v-yadova-i-a-alekseeva> (In Russ.)
15. Полани М. Личностное знание: На пути к посткритической философии / Пер. с англ.; Общ. ред. В.А. Лекторского, В.И. Аршинова; Предисл. В.А. Лекторского. М.: Прогресс, 1985. — 344 с.
Polanyi M. Personal Knowledge: Towards Post-Critical Philosophy. [Russ. ed.: *Lichnostnoe znanie: Na puti k postkriticheskoi filosofii*. Transl. from Eng.; Ed. by V.A. Lektorskii, V.I. Arshinov; Foreword by V.A. Lektorskii. Moscow: Progress publ., 1985. 344 p.]
16. Rogozin D.M. Как работает автоэтнография // Социологическое обозрение. 2015. Т. 14. № 1. С. 224–273. DOI: 10.17323/1728-192X-2015-1-224-273
Rogozin D.M. How Autoethnography Works. *Sotsiologicheskoe obozrenie*. 2015. Vol. 14. No. 1. P. 224–273. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 03.07.2024; поступила после рецензирования и доработки: 30.08.2024; принята к публикации: 11.09.2024.

Received: 03.07.2024; revised after review: 30.08.2024; accepted for publication: 11.09.2024.

ОБЗОРЫ, РЕЦЕНЗИИ, РЕФЕРАТЫ

DOI: 10.19181/socjour.2024.30.3.8

EDN: VPZBEC

Н.А. ГОЛОВИН¹

¹ Санкт-Петербургский государственный университет.
199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7/9.

ПЕРЕПРОЧТЕНИЕ СОЦИОЛОГИИ ПИТИРИМА СОРОКИНА: К ВЫХОДУ В СВЕТ ТРИНАДЦАТИ ТОМОВ ИЗ СОБРАНИЯ ЕГО СОЧИНЕНИЙ

Аннотация. Тридцатитомное издание собрания сочинений русско-американского социолога Питирима Александровича Сорокина (1889–1968) при поддержке Правительства Республики Коми, РФ, является крупнейшим и уникальным в российской социологии. В статье-рецензии критически оценивается подготовка к выходу в свет тринадцати томов, охватывающих почти весь российский период творчества социолога. Вступительные статьи к томам не только представляют читателю классика социологии, но и в совокупности обеспечивают обзорность научной программы П.А. Сорокина и этапность ее реализации. Тщательно подобранные издателями современные автору рецензии на его книги, приложенные к томам собрания сочинений, и великолепный научно-справочный аппарат (указатели имен и цитированной литературы) позволяют воссоздать историко-научный контекст теоретической и методологической мысли П.А. Сорокина (за небольшим исключением в отношении расовых теорий, проникших в социологию конца XIX — начала XX вв.). Рассмотрены спорные терминологические решения при переводе понятийного аппарата с английского на русский язык. Эпохальные исследования П.А. Сорокина сегодня нуждаются в новом прочтении и изучении с учетом временной дистанции и не менее сложной, чем в период его творчества, исторической ситуации в России и в мире. В связи с этим определены «точки присоединения» к идеям П.А. Сорокина, прежде всего в теории и методологии социологии: его недооцененный вклад в развитие общей теории социальных систем и методологию исследования ценностных систем в динамике общества.

Ключевые слова: П.А. Сорокин; теоретическая социология; классика социологии; методология социологии.

Для цитирования: Головин Н.А. Перепрочтение социологии Питирима Сорокина: К выходу в свет тринадцати томов из собрания его сочинений //

Социологический журнал. 2024. Том 30. № 3. С. 165–181. DOI: 10.19181/socjour.2024.30.3.8 EDN: VPZBEC

Согласно «Толковому словарю русского языка» Владимира Даля, рецензировать книгу означает «критиковать, оценивать ее, разбирать, ценить достоинство». Последнее значение — «ценить достоинство» — наиболее подходящее для издания Собрания сочинений классика социологии XX в. П.А. Сорокина, осуществляемого под научным руководством старшего научного сотрудника Института социологии Российской академии наук В.В. Сапова — самого масштабного российского социологического издательского проекта, реализуемого с 2014 г. Центром «Наследие» имени Питирима Сорокина¹ (Сыктывкар, официальный сайт: URL: <http://rksorokinctr.org>) при финансовой поддержке Правительства Республики Коми, при содействии других организаций, в том числе Фонда Питирима А. Сорокина (Pitirim A. Sorokin Foundation), созданного Сергеем Питиримовичем Сорокиным, его сыном².

План издания включает книги, журнальные статьи, книжные рецензии, личную и деловую корреспонденцию социолога. Издание можно сопоставить по масштабности со Вторым дополненным изданием собрания сочинений немецкого классика социологии М. Вебера в 47 томах, реализованным издательством J.C.B. Mohr (Paul Siebeck) в сотрудничестве с пятью немецкими университетами и академиями наук в 1988–2021 гг. (издательский темп выпуска в среднем меньше одного года на один том). В собрании сочинений Сорокина с 2014 по 2023 г. вышло в свет уже 13 томов из запланированных 30, что близко к темпам выпуска социологического наследия Вебера, но данное издание реализуется впервые. Оно идет явно быстрее издания трудов другого современника Сорокина — немецкого классика социологии Ф. Тённиса в 24 томах: там уходит в среднем два года на подготовку и выпуск одного тома.

Если в творчестве Сорокина различать два направления: общую (теоретическую) социологию и политическую этику, то уже изданные тома охватывают в основном первое: это книги «Система социологии»

¹ Все электронные копии выпущенных в свет томов собрания сочинений — в свободном доступе на вышеуказанном сайте, URL: <http://rksorokinctr.org>, где нумерация томов порядковая, а потому здесь она отличается. В статье используется нумерация томов, указанная в плане-проспекте собрания сочинений, помещенном в начале либо в конце томов печатного издания.

² В подготовке отдельных томов участвовали: Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Социологический факультет. Санкт-Петербургский государственный университет, Факультет социологии, Институт социологии РАН, Центр гуманитарных инициатив. Редакционная коллегия: В.И. Добреньков, С.Н. Казаков, А.К. Конюхов, П.П. Кротов, В.П. Марков, В.В. Сапов.

(1920, т. 5)³, «Современные социологические теории» (1928, т. 11), обобщающая книга «Общество, культура и личность: их структура и динамика» (1947, т. 21) и «Социологические теории сегодня» (1966, т. 27) [21]. Из книг этого направления пока не переизданы: сочинение, дополняющее «Теории» — книга «Социальные философии в век кризиса» (1951, т. 23), а также книги «Социальная причинность, пространство и время» (1943, т. 18), «Принципы сельской и городской социологии» (1929, т. 12, в соавторстве с К. Циммерманом) и «Хрестоматия по сельской социологии» (1930–1932, т. 11–13, подготовленная совместно с К. Циммерманом и Ч. Гальпином). Если сопоставить «Систему социологии» (1920) и некоторые ранние научные статьи Сорокина, вошедшие в том 1, с книгой «Общество, культура и личность», то системно-теоретическая ориентация автора становится хорошо заметной. Она влияет на все творчество автора. Книги «Человек и общество в условиях бедствий» (1942, т. 20) [23], «Кризис нашего времени» (1941, т. 19) и «Россия и Соединенные Штаты» (1944, т. 19) [9] являются переходными от первого ко второму направлению творчества, политико-этическому.

Во избежание разночтений поясним, что политическая этика Сорокина является самостоятельной наукой, разрабатываемой для утверждения принципов альтруизма в структуре общества на основе исследования и понимания реального поведения и познавательной деятельности индивидов. Альтруистическая любовь как «проводник» общественных отношений, противостоящая разрушительным силам и формирующая альтруистический тип личности в его политико-этической концепции созидательного альтруизма, выражает его личную морально-этическую позицию — интегрализм. Материалы опубликованных томов, особенно статья «Нормативная ли наука этика и может ли она ею быть» (1913, т. 2, см. ниже) вместе с обобщающим сочинением «Общество, культура и личность» (1947, т. 21) обеспечивают необходимую, но недостаточную основу для дальнейших исследований политико-этического учения Сорокина. Поэтому его политическая этика здесь не рассматривается.

Заинтересованный читатель заметит, что при наличии в плане издания четырех томов *opus magnum* «Социальная и культурная динамика» (1937, 1941, т. 14–17) там нет однотомной версии этой книги (1957), постоянно выходящей в свет на русском языке в разных издательствах и подготовленной к печати научным руководителем рассматриваемого издания собрания сочинений. Отсюда возникает основание считать такие однотомные издания своего рода внешним томом собрания сочинений, тем более что уже вышедшие в свет книги «Кризис нашего времени» и «Человек и общество в условиях бедствий» удобнее соотносить по содержанию с однотомной «Динамикой»⁴, чем с четырьмя ее томами (ср.: [9; 23]).

³ В круглых скобках указаны год первой публикации книги и соответствующий том собрания сочинений.

⁴ Здесь и далее название книги «Социальная и культурная динамика», как и других книг, сокращено.

Издание каждого тома — событие в деле возвращения социологического наследия П.А. Сорокина в российскую науку. В разнообразных материалах первого тома (1912–1914) уже заметен интерес молодого автора к разработке общесоциологической теории. Это статьи о границах и предмете социологии, о символах в общественной жизни, размышления над мировоззренческими вопросами в статье о кумире молодежи Л.Н. Толстом. В них ставится и решается важнейший для него вопрос о соотношении научных и жизненных ценностей. Молодежи рекомендуется прежде всего вступить в «партию знания» и лишь после этого обратиться к политике [12, с. 563]. Здесь выражено уже сложившееся жизненное кредо автора, единая мировоззренческая основа его социологии и политической этики.

В том 2 вошла статья «Нормативная ли наука этика и может ли она ею быть» (1913), ставшая авторским введением в книгу «Преступление и кара, подвиг и награда» [17], где проводится важнейшее методологическое различие: причинно-функциональный анализ социальных явлений в мире сущего и по сути экспертный подход к феноменам мира должного (морально-этических ценностей). По материалам томов 1 и 2 можно проследить возникновение особой логики построения теории, состоящей в определении большей и меньшей посылок в умозаключениях о феноменах культуры по модусу силлогизма *Barbara*, заметить влияние логических идей его учителя Л.И. Петражицкого, предложения о реформировании структуры суждений, входящих в силлогизм, за счет расширения предикатов суждения для повышения эвристичности теоретических выводов — вот первооснова мощнейших обобщений во всех книгах Сорокина. С использованием расширенной логики написаны сочинения «Преступление и кара» (т. 2), «Прачечная человеческих душ» (т. 8) [14], «Система социологии» (т. 5) [18], «Популярные очерки теории права, социологии и социальной педагогики» (1919–1923, т. 6) [17] и даже «Голод как фактор» (т. 7) [8] — исследование, основанное на одной из глав «Системы социологии». Здесь — истоки логико-смыслового метода, использованного в «Динамике» и в книге «Общество, культура и личность» (1947, т. 21), — к такому выводу можно прийти также и благодаря великолепному научному аппарату издания.

Том 2 вместе с томом 5 «Система социологии» содержит ранние идеи к теории социальных систем. Социология — новый инструмент теоретического описания социального поведения, образования социальных групп, а в дальнейшем и других социальных систем. Здесь — начало исследований, приведших через книгу «Социальная мобильность», через «Динамику» к выработке концептуальной основы теории социальных систем — доказательству эмерджентного единства «Общества, культуры и личности». Последним сочинением системно-теоретического плана является книга «Социологические теории сегодня» (1966, т. 27), написанная во время расцвета общенаучного системно-теоретического движения. Названные тома позволяют точнее

оценить еще не признанный вклад П.А. Сорокина в разработку основ общей теории социальных систем.

В книгах «Общество, культура и личность» (1947, т. 21) и «Социологические теории сегодня» (1966, т. 27) интересны оценки Сорокиным классиков социальной мысли: учения Гегеля о саморазвитии идеи [13, с. 676], гегельянца К. Маркса, который, в отличие от прежних критических его оценок, по мнению автора, бывал прав, «подчеркивая капиталистический характер ряда наших неэкономических культурных систем и скоплений» [13, с. 681]. В этом томе еще раз высказана высокая оценка сочинения «Общность и общество» немецкого социолога Ф. Тённиса, которая ранее была дана в предисловии Сорокина к американскому изданию этой книги (1940). Здесь он сформулировал свой идеал — общественные отношения по образу семейных: «...Почти все важные связи присутствуют в семейной группе... Как таковая это единственная истинная *Gemeinschaft*, единственная всеобъемлющая “общность” душ и тел, умов и действий» [13, с. 302], то есть истинная гармония. Этот идеал сформировался у автора рано. В «Теориях» он является мерилом оценки социальной мысли древних ученых и нынешних социологов-теоретиков (Конфуций, Ле Пле и многие другие).

Здесь же, в томе 21, содержится обобщенная оценка сочинений классиков расовой теории, примечательная тем, что она дана после разоблачения гитлеризма, нацистского расизма и антисемитизма на Нюрнбергском международном трибунале (1945–1947), что позволяет сопоставить ее с отношением П.А. Сорокина к расовой проблематике в книге «Социальная мобильность» (1927, пока еще не изданный т. 10) и в «Теориях» и убедиться в том, что она совершенно не изменилась. Во вступительных статьях томов собрания сочинений этот вопрос раскрыт неполно. Отметим, что эмпирическое подтверждение гипотезы моногенного происхождения биологического вида *Homo sapiens* было получено лишь в 1972 г. в популяционной генетике. Сорокин не дожид до этого важнейшего научного события, но оно вряд ли повлияло бы на его социально-стратификационный подход к расовой проблематике.

Вступительные статьи, уже затронутые выше, являются для читателя незаменимым ориентиром в целостной научной программе Сорокина. Они обеспечивают единство восприятия всего собрания его сочинений, раскрывают важные обстоятельства создания книг, вводят в их теоретическое содержание, определяют место каждого книжного тома в собрании сочинений. Их основательность гарантирована не только экспертным уровнем знания творчества Сорокина издателями, но и использованием результатов работы их авторов в научных архивах.

В связи с этим уместно обратиться к вступительной статье о первой книге классика «Преступление и кара, подвиг и награда» (1914), вышедшей отдельным изданием задолго до рассматриваемого издательского проекта. В ней читаем: «...Это нечто гораздо большее, чем “социологический этюд”, как сказано в подзаголовке. В некотором

смысле это и нечто гораздо большее, чем “система социологии” (хотя по некоторым “параметрам” “Преступление и кара” явно недотягивает до “системы социологии”), по сути дела — перед нами целостная система мировоззрения, своего рода *profession de foi* (профессиональное кредо). Прежде чем коснемся существа этого *profession de foi*, отметим, что те социологические закономерности, которые Сорокину удалось установить совершенно независимым от него, чисто “социологическим” образом, носят вполне научный и вполне актуальный характер» [4, с. 32]. К сожалению, эта точная оценка не вошла в том 2 собрания сочинений Сорокина, уступив место предисловию его учителя М.М. Ковалевского (1913). Читателю было бы удобнее сопоставлять оценку, высказанную Ковалевским, с оценкой современного специалиста.

Вступительные статьи обеспечивают читателя знанием необходимого общественно-исторического контекста, что особенно востребовано в том 9 с книгами «Листки из русского дневника» и «Социология революции» [10]; в том 4 со статьями 1919–1923 гг. о современной общественно-политической ситуации в России [22], в том 6 с популярными очерками по теории права, социологии и социальной педагогике тех же лет [16], и даже в том 8 с книжным и журнальным вариантами научно-фантастического романа «Прачечная человеческих душ» и автобиографическим романом «Предтеча» [14]. В них подчеркнуто напряженное ожидание момента, когда позитивная наука по законам логики обеспечит воспитание новой высоконравственной личности для нового общества XX в. Отмечая некоторую наивность и утопичность мечтаний молодого автора, прикрытую разными псевдонимами, научный руководитель издательского проекта В.В. Сапов подчеркивает их цель: «Но если эту утопию воспринимать серьезно, если сформулировать ее как недостижимую научную сверхзадачу, то спрашивается: как подступиться к ее реализации, с чего начать? Правильно: с “изложения сил и факторов, управляющих поведением человека”. А это и есть “Система социологии”, точнее говоря, ее первая часть» [6, с. 23].

В связи с этим во вступительной статье к тому 5, содержащему книгу «Система социологии», изложен план разработки новой социологии в восьми томах, то есть научная программа Сорокина в узком и в широком смысле слова: «Система социологии» — ее фундамент, на котором выросла вся дальнейшая социология Питирима Сорокина. Ее сильно разросшимися частями являются книги «Голод как фактор», «Социология революции», три популярных учебника (1919–1923 гг.) и в какой-то степени «Социальная мобильность». Завершением «системы социологии» в строгом смысле слова является книга «Общество, культура и личность» (1947). В широком смысле научная программа включает все его творчество и профессиональную деятельность: «...Если “системой социологии” Питирима Сорокина считать все его научное наследие, тогда вершиной ее будет “Социальная и культурная динамика”, его *opus magnum*, а итоговым завершением, ради которого и был

задуман и предпринят весь этот титанический труд, — “амитология”, наука о любви и дружбе, об аристотелевской *filia*, которая цементирует человеческое общество, а самого человека превращает в “общественное животное”. Фундаментом же всего этого поистине грандиозного здания все равно остается двухтомник, написанный и изданный в Советской России» (цит. по: [6, с. 32]). Проясняется связь социологии и политической этики Сорокина, его творческого наследия в целом.

Вступительная статья к тому 6 раскрывает промежуточные результаты «строгой» научной программы: из проекта социальной аналитики (первая часть теоретической социологии) в 1920 г. в Петрограде была издана двухтомная «Система социологии», а в Ярославле — «Популярный учебник социологии», охватывающий две части теоретической социологии: социальную аналитику и социальную механику. Ненаписанная социальная генетика в дальнейшем преобразовалась в «социальную мобильность» и «социально-культурную динамику». Первые наброски «практической социологии» (или «социальной политики») сделаны еще в 1915 г. в ряде статей, посвященных «социальной педагогике». «Дальнейшее развитие этот комплекс идей получил в научно-фантастическом романе “Прачечная человеческих душ”, — как отмечает автор вступительной статьи В.В. Сапов, — роман и некоторые статьи Сорокин подписывал псевдонимами, пока не будучи готовым вынести свои идеи на суд научной общественности, сделав это лишь в 1923 г. уже в Чехословакии» [7, с. 18–19].

Во вступительной статье к тому 8, содержащему «Прачечную», раскрыта связь этого научно-фантастического романа как с «Системой социологии» (общая теория социального поведения и социальных агрегатов), так и с новой социальной педагогикой. По мнению В.В. Сапова, «систему социологии» увенчала бы «социальная педагогика». «В основе его творчества лежит мечта открыть “формулу человеческого поведения” и на ее основе изменить людей и жизнь к лучшему. Из этой мечты родилась и “Система социологии”, и “Социальная мобильность”... Способы ее реализации менялись, но сама она оставалась» (цит. по: [7, с. 19]). Мечта, изложенная в романе, — открытие его главным героем сложнейшей формулы человеческого поведения, представлена читателю в «Популярных очерках социальной педагогики и политики» (1923, т. 6), а также разъяснена в комментариях к тому 8. Эта формула — значимое научное достижение. Приведем ее хотя бы в самом общем виде: «Если для краткости поведение человека обозначим X , наследственные свойства и импульсы — A , приобретенные свойства — B , среду, в которой и под влиянием которой наследственные свойства должны были выявляться, а приобретенные — прививаться, то приведенное положение мы можем изобразить в виде формулы: $X = f(An + Bn)$, то есть поведение человека представляет функцию или результат его наследственных и приобретенных свойств, проявляющихся и прививающихся в определенной среде, под которой следует разуметь все явления и предметы, внешние

по отношению к данному человеческому организму (географические условия, температуру, флору, фауну, мир сочеловеков, общественные учреждения, все предметы материальной и духовной культуры, окружающие и окружавшие данного человека). Эта формула охватывает все многочисленные и крайне разнообразные по своей конкретной форме факторы, определяющие собой поведение (характер актов и духовного мира) и всю жизнь отдельного человека» [14, с. 407]. Из нее можно извлечь множество следствий о многообразии связей между индивидом и социальной средой. В конце научной карьеры отсюда родилась самая мощная теория социализации личности под именем «социологии знания» как альтернатива ныне признанной социологии знания К. Маннгейма. (Здесь одна из многих точек подключения дальнейших историко-теоретических исследований.)

Читатель-специалист заметит, что в книге «Современные социологические теории» (1928, т. 11) нет главы о системно-теоретической школе, известной в том числе по социологии Г. Спенсера. Тогда Сорокин уже был в поисках нового начала теории общества как социальной системы. В его основе — универсальная формула социального поведения. Начало этого начала — создание инструментария для его теоретического описания, включая процессы образования социальных групп, а затем и общества в целом. Таким может быть ответ на вопрос, поставленный во вступительной статье к тому 5: «когда вообще зародилась — или могла зародиться — у Сорокина идея написать “Систему социологии”?» [6, с. 8]. Вступительные статьи к ряду томов раскрывают этот вопрос.

Вводная статья к тому 21, содержащему книгу «Общество, культура и личность», является обзорной. Ее автор Н.Ф. Зюзов вслед за Сорокиным оценивает итоги разработки системы социологии: «Поставив точку в этой книге, он как бы завершил “строительство” своей социологической системы... С “теоретической” социологией было покончено, на ее место пришла “практическая”» [2, с. 23]. Эта в целом верная, но довольно категоричная характеристика книги как «главной» расходится с общим признанием в качестве таковой «Динамики».

По тому 27 с итоговой книгой «Социологические теории сегодня» и исчерпывающей вступительной статьей к нему читатель ознакомится с оценками Сорокиным современной теоретической социологии, сможет проследить за продолжающимся спором с Т. Парсонсом о начале теории социальных систем, с оценками творчества О. Шпенглера, А. Тойнби, отношение к которым становится менее критичным. Высоко оценены труды социолога-позитивиста Ж. Гурвича, дается критика эмпиризма (квантофрении) в социологии.

В XX веке на книги Питирима Сорокина было написано много *рецензий*, частично согласующихся между собой по существу: например, рецензия А. Гизетти, вошедшая в том 5, и рецензия С. Хука о спорной оценке Сорокиным причин войн, вошедшая в том 21. В рецензиях часто отмечается расширительное определение Сорокиным предмет-

ной области социологии. С учетом усиливающейся дифференциации наук об обществе, рецензенты правы. Классификация научных школ в «Теориях» Сорокина сегодня представлена самостоятельными науками: социобиологией, зоопсихологией, экологией. Рецензии помогают лучше понять цель мощных обобщений Сорокина и их слабые места, а также его научную политику в социологии⁵: отделить научные теории от ложных путем проверки теорий эмпирическими фактами.

Наиболее интересные рецензии приложены к соответствующим томам собрания сочинений, всего их 58. К сожалению, среди них почти нет немецких, которые, в отличие от американских, тесно связаны с немецкой классической философией, столь влиятельной в российской социальной мысли, — контекст научной социализации Сорокина. Критические оценки рецензентов-современников (Н. Тоцкий, А. Гизетти, И. Цызарев, Л. Вирт и многие другие) содействуют пониманию мотивации Сорокина, движению его мысли от разработки теории морали к реализации добра как общественного идеала — в чем и состоит направленность его научной программы. Рецензии содержат веские методологические замечания о неадекватности дедуктивного вывода в изучении систем морали, что подтверждено современными логическими исследованиями. Например, рецензент И.Ф. Цызарев считает, что «...нет ни одной строго теоретической науки, в самых предельных и решающих глубинах которой не крылось бы гипотезы, которую можно только постулировать, но нельзя доказать». Далее он поясняет: «... когда от каузального изучения моральных явлений, от сравнительно-исторического исследования, выхождением от сущего автор надеется прийти к познанию и формулировке должного, с ним невозможно согласиться...» [24, с. 831]. Замечание рецензента отвечает современному уровню исследования ценностей культуры. Более того, в рецензии на сборник очерков К. Мангейма Сорокин согласен с таким заключением по существу [25].

В рецензиях книг, написанных до начала работы над «Динамикой», подчеркивается ориентация Сорокина на методологию естественных наук и результаты психологии, уже недостаточные для теоретических описаний в социологии. Одновременно фиксируется системно-теоретическое начало его социологии: социальное взаимодействие как первоначальный эмерджентный феномен, исследование «микро-

⁵ В 1928 г. Сорокин сформулировал ее так. Социология «...была и есть “исследование причинности” и использует экспериментальные, статистические и другие методы естествознания». Желая провести социологическое исследование «...должен обработать статистический и прочий количественный материал по проблеме, проанализировать его согласно требованиям индуктивных и статистических методов, создать кривую динамики своего предмета и связать либо соотносить его с “переменными”, как они представляются в фактах и в их анализе. Тем самым выполнена научная разработка проблемы» [8, с. 135]. Он следовал этому в «Динамике», над которой уже шла работа.

скопическим методом, который предложен Зиммелем и который блестяще проводится автором в дальнейшем изложении» [24, с. 838]. Рецензент Цызарев подчеркивает отнесение к социальным не любых взаимодействий людей, а только «психической природы, независимо от того, между кем и чем оно совершается», кроме бессознательных [24, с. 833], что приводит к психологическому определению взаимодействия «в сознании индивидов, выступая в то же время по содержанию и продолжительности за его пределы» [там же]. Эта оценка помогает понять критическое отношение Сорокина к психоанализу З. Фрейда, его обращения к В. Парето в поисках способа отделения логичных и нелогичных действий в теоретических описаниях.

Некоторые рецензии фиксируют пределы научной компетенции рассматриваемого автора. Сорокин и сам отмечал пределы социологического знания своего времени, когда в «Динамике» искал ответ на вопрос о причинах войн и не находил его. «Наступил ли счастливый конец трагедии войны или она будет продолжаться в человеческой истории?.. Мой ответ на этот вопрос — “Не знаю”» [20, с. 588]. Лишь на основе общей теории социальных систем сегодня легче подтвердить правильность «незнания» Сорокина: такие системы нетривиальны, их поведение невозможно точно предсказать из-за действия положительных обратных связей. Ответ Сорокина о причинах войн верен по существу.

О переводе ключевых терминов с английского на русский язык.

Значительная часть творческого наследия Сорокина была создана в России. В 1924 г. в США при издании книги «Листки из русского дневника» состоялся его переход на рабочий английский (американский) язык. Книга «Социология революции» опубликована в переводе с английского языка на русский в т. 9 собрания сочинений. Значительная часть переводческого труда выполнена научным руководителем издательского проекта. Другие переводчики: А.К. Конюхов (т. 11), М.В. Ломоносова (т. 8), А.Ю. Согомонов, Т.И. Шумилина, И.Б. Орлова (т. 19), Н.Ф. Зюзев (т. 21).

Трудно ли переводить сочинения Сорокина? Нет, — считает научный редактор издания В.В. Сапов: «Достаточно хорошо зная стилистические особенности русского периода творчества Сорокина, я во всех случаях отдавал предпочтение словам из его собственного русского словаря. Сложнее обстоит дело с некоторыми специфическими терминами Сорокина, которые впервые появляются именно на страницах “Социальной и культурной динамики”» [5, с. 763]. Речь идет о трех ключевых понятиях «Динамики»: идеациональная — идеалистическая — чувственная культура. При переводе термин «идеациональная культура (Ideational Culture)» русский термин выбран с учетом консультаций со специалистами, мнения самого Сорокина, его письма И.С. Кону от 13.12.1965.

Первоисточником термина Ideational является книга немецкого философа Э. Гуссерля «Логические исследования» (1909), в которой

есть понятие «идеация» (перевод на русский язык Э.А. Бернштейна). Оно означает теоретико-познавательную операцию, обеспечивающую «идеальные значения представлений» путем «идеирующей абстракции» — абстрагирующего и типологизирующего обобщения. Сорокин читал это сочинение, так как в те годы специальной литературы было мало — все читали всё. В дальнейшем важное методологическое решение Гуссерля о разделении субъективно подразумеваемого смысла действия и его объективного смысла было использовано в «Динамике»: «Я употребляю термин “феноменологическое” в том же самом значении... что и Э. Гуссерль, фиксирующий с его помощью наличие “социально-объективного” смысла, который может и не совпадать со смыслом психологическим», — поясняет Сорокин [20, с. 771]. Таким образом, понятие «идеациональная культура» имеет философское обоснование и обозначает связь великих культур с мощными идеями в их основе.

Перевод на русский язык второго термина — «идеалистическая культура» — неудачен. В «Динамике» и в «Обществе...» есть много мест, указывающих, что там следовало бы использовать термин «идеальная культура», например: «Нарастающий прилив визуализации и спад идеационизма, начавшийся в XII в., привел к тому, что на протяжении следующих двух столетий существовала та редкостная, но повторяющаяся высшая гармония обоих стилей в форме высокого идеалистического искусства, все существенные черты которого напоминают великое идеалистическое искусство Греции V — первой половины IV в. до н. э.». [20, с. 141]. Здесь говорить об идеале, о гармонии в обществе, искусстве и культуре, которую автор искал и даже находил в переходные эпохи от одной полярной культуры к ее антиподу, но не об идеализме в любом значении этого термина. Гармоничны высокоинтегрированные культуры, в которых *«подлинная реальность и ценность являются частично чувственным, частично рациональным, частично сверхчувственным и сверхрациональным бесконечным многообразием»* [13, с. 380], — они целостные, но не идеалистические. В переводах лучше использовать термин «идеальная культура». Наличие в «Динамике» нескольких глав о флуктуациях материализма и идеализма как противоположных традиций философской мысли еще раз подтверждают это.

Несомненно, что переводчикам термин «идеалистическая культура» доставил немало неудобств, но восходит он к трудам первого российского исследователя творчества Сорокина А.И. Голосенко. Однако пока еще нет общепризнанного перевода рассматриваемых терминов. Встречаются такие варианты: идеалистическая культура (рассматриваемое собрание сочинений); идеациональная, чувственная, интегральная (идеальная) культуры (А.Ю. Долгов); сенсатная культура (для термина «чувственная культура», Н.Ф. Зюзов). Иными словами, вопрос о переводе терминов еще не исчерпан.

Вышедшие в свет тома собрания сочинений Сорокина, включающие почти все материалы российского периода его творчества,

расширяют возможности исследования его творчества, обеспечивают новые ракурсы прочтения его трудов: прежде всего это системно-теоретическое направление, его недооцененный реальный вклад в создание теории социальных систем, соответственно, переоцененный вклад Т. Парсонса. Даже возможно поставить и изучить вопрос о степени его идейного влияния на социологию Н. Лумана [1]. Можно основательнее изучить его методологические поиски не только в исследованиях социальных систем, но и в актуальной области поисков оснований интеграции ценностных систем культур [3].

Вывод однозначен: Собрание сочинений, судя по его опубликованной (этапной) части, — уникальное и бесподобное для российской социологии издание. Оно необходимо историкам социологии, теоретикам и методологам, особо подчеркнем: студентам, аспирантам и преподавателям вузов. Оно актуально для всех, кто интересуется крупными проблемами общественной и культурной динамики, соотношением традиционных и современных ценностей разных культур, методами их исследования.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Головин Николай Александрович — доктор социологических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет.

Телефон: +7 (812) 710-00-77. **Электронная почта:** n.golovin@spbu.ru

Research Article

NIKOLAYA. GOLOVIN¹

¹ Saint Petersburg State University.

7/9 Universitetskaya nab., 193034, Saint Petersburg, Russian Federation.

A RE-READING OF PITIRIM SOROKIN'S SOCIOLOGY: TO COMMEMORATE THE PUBLICATION OF THIRTEEN VOLUMES OF HIS COLLECTED WORKS

Abstract. This 30-volume edition of the Collected Works of Russian-American sociologist Pitirim Aleksandrovich Sorokin (1889–1968), the publication of which is ongoing with support from the Komi Republic Government (Russian Federation), is unique and the most extensive in Russian sociology. The review article critically assesses the preparation for publication of 13 volumes that cover almost the entire Russian period of the sociologist's work. The introductory articles to the volumes not only introduce him to the reader, but also collectively provide an overview of the classic sociologist's scientific program and the stages of its implementation. Carefully selected by the publishers, reviews of P.A. Sorokin's books by his contemporaries, attached to the volumes of the Collected Works, and an excellent scientific and reference apparatus (indexes of names and cited literature) allow us to reconstruct the historical and scientific context of P.A. Sorokin's theoretical and methodological thought, with a few exceptions regarding the racial theories that penetrated sociology in the late 19th and early 20th centuries. Controversial terminological solutions in translating the conceptual apparatus from English into Russian were examined. Today P.A. Sorokin's landmark studies need to be

reconsidered through a new lens and reevaluated given how much time has passed and that the current historical situation in our country and in the world is no less complicated than the period during which his work was created. As such, the points of accession to P.A. Sorokin's ideas, primarily in the theory and methodology of sociology, have been identified: his underestimated contribution to the development of the General Theory of Social Systems and the Methodology of the Study of Value Systems in the dynamics of society.

Keywords: P.A. Sorokin; Theoretical Sociology; Classics of Sociology; Methodology of Sociology.

For citation: Golovin, A.N. A Re-reading of Pitirim Sorokin's Sociology: To Commemorate The Publication of Thirteen Volumes of his Collected Works. *Sotsiologicheskii Zhurnal = Sociological Journal*. 2024. Vol. 30. No. 3. P. 165–181. DOI: 10.19181/socjour.2024.30.3.8

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Nikolay A. Golovin — Doctor of Sociological Sciences, Professor, Saint Petersburg State University. **Phone:** +7 (812) 710-00-77. **Email:** n.golovin@spbu.ru

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Антоновский А.Ю., Бараш Р.Э. «Система социологии» Питирима Сорокина и системно-коммуникативный подход // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 6. С. 528–548. DOI: 10.14515/monitoring.2021.6.1950 EDN: YDAWZX
Antonovskii A.Y., Barash R.E. The “System of Sociology” by Pitirim Sorokin and the Systemic Communicative Approach. *Monitoring obshchestvenno-go mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny*. 2021. No. 6. P. 528–548. DOI: 10.14515/monitoring.2021.6.1950 (In Russ.)
2. Зюзев Н.Ф. Главная книга Питирима Сорокина // Сорокин П.А. Общество, культура и личность: их структура и динамика. Система общей социологии / Пер. с англ. и вступ. ст. Н.Ф. Зюзева; Сост., коммент. и науч. ред. В.В. Сапова. Сыктывкар: Анбур, 2022. С. 7–24. [Собрание сочинений, том 21 в плане-перспекте.]
Zyuzev N.F. Pitirim Sorokin's Main Book. *Sorokin P.A. Sbranie sochinenii. T. 21. Obshchestvo, kul'tura i lichnost': ikh struktura i dinamika. Sistema obshchei sotsiologii*. [Collected Works. Vol. 21. Society, Culture, and Personality: Their Structure and Dynamics, a System of General Sociology.] Transl. from Eng. and foreword by N.F. Zyuzev; Comp., comments and ed. by V.V. Sapov. Syktyvkar: Anbur publ., 2022. P. 7–24. (In Russ.)
3. Подвойский Д.Г. Питирим Сорокин: бихевиорист, открывший для себя культуру // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2023. № 4. С. 276–287. DOI: 10.14515/monitoring.2023.4.2452 EDN: EEILMF
Podvoyskii D.G. Pitirim Sorokin: A Behaviorist Who Discovered Culture. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny*. 2023. No. 4. P. 276–287. DOI: 10.14515/monitoring.2023.4.2452 (In Russ.)

4. *Сапов В.В.* В начале длинного пути (Первая книга Питирима Сорокина) // Сорокин П.А. Преступление и кара, подвиг и награда: социологический этюд об основных формах общественного поведения и морали / Вступ. ст., сост. и прим. В.В. Сапова. М.: Астрель, 2006. С. 3–38.
Sapov V.V. At the Beginning of a Long Way (Pitirim Sorokin's First Book). *Sorokin P.A. Prestuplenie i kara, podvig i nagrada: sotsiologicheskii etyud ob osnovnykh formakh obshchestvennogo povedeniya i morali.* [Crime and Punishment, Feat and Reward: A Sociological Study of the Main Forms of Social Behavior and Morality]. Foreword, comp. and notes by V.V. Sapov. Moscow: Astrel' publ., 2006. P. 3–38. (In Russ.)
5. *Сапов В.В.* Комментарии // Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика / Пер. с англ., вступ. ст. и коммент. В.В. Сапова. М.: Академический проект, 2020. С. 762–918.
Sapov V.V. Comments. *Sorokin P.A. Social and Cultural Dynamics: A Study of Change in Major Systems of Art, Truth, Ethics, Law, and Social Relationships.* [Russ. ed.: *Sotsial'naya i kul'turnaya dinamika.* Transl. from Eng., foreword and comments by V.V. Sapov. Moscow: Akademicheskii proekt publ., 2020. P. 762–918.]
6. *Сапов В.В.* Об авторе и издателе «Системы социологии» // Сорокин П.А. Система социологии: (том I–II) / Сост., подг. текста, вступ. ст. и коммент. В.В. Сапова. Сыктывкар: Анбур, 2021. С. 7–38. [Собрание сочинений, том 5 в плане-проспекте.]
Sapov V.V. About the Author and Publisher of “Systems of Sociology”. *Sorokin P.A. Sbranie sochinenii. T. 5. Sistema sotsiologii: (tom I–II).* [Collected Works. Vol. 5. The System of Sociology: (Vol. I–II).] Comp., ed., foreword and comments by V.V. Sapov. Syktyvkar: Anbur publ., 2021. P. 7–38. (In Russ.)
7. *Сапов В.В.* Питирим Сорокин — популяризатор социального знания // Сорокин П.А. Популярные очерки теории права, социологии и социальной педагогики / Сост., подг. текста, вступ. ст. и коммент. В.В. Сапова. Сыктывкар: Анбур, 2019. С. 7–20. [Собрание сочинений, том 6 в плане-проспекте.] EDN: SPKFIO
Sapov V.V. Pitirim Sorokin — Populariser of Social Knowledge. *Sorokin P.A. Sbranie sochinenii. T. 6. Populyarnye ocherki teorii prava, sotsiologii i sotsial'noi pedagogiki.* [Sobranie sochinenij. Vol. 6. Popular Essays on Legal Theory, Sociology and Social Pedagogy.] Comp., foreword and comments by V.V. Sapov. Syktyvkar: Anbur publ., 2019. P. 7–20. (In Russ.)
8. *Сорокин П.А.* Голод как фактор: Влияние голода на поведение людей, социальную организацию и общественную жизнь / Сост., подг. текста, вступ. ст. и коммент. В.В. Сапова. Сыктывкар: Анбур, 2014. — 496 с. [Собрание сочинений, том 7 в плане-проспекте.]
Sorokin P.A. Golod kak faktor: Vliyanie goloda na povedenie lyudei, sotsial'nyu organizatsiyu i obshchestvennyu zhizn'. [Hunger as a Factor: The Impact of Hunger on Human Behaviour, Social Organisation and Social Life.] Comp., ed., foreword and comments by V.V. Sapov. Syktyvkar: Anbur publ., 2014. 496 p. (In Russ.)

9. *Сорокин П.А.* Кризис нашего времени. Россия и Соединенные Штаты / Сост., подгот. текста, вступ. ст. и коммент. В.В. Сапова. Сыктывкар: Анбур, 2018. — 640 с. [Собрание сочинений, том 19 в плане-перспективе.] EDN: XYIVRR
Sorokin P.A. Krizis nashego vremeni. [The Crisis of Our Age.] Comp., ed., foreword and comments by V.V. Sapov. Syktyvkar: Anbur publ., 2018. 640 p. (In Russ.)
10. *Сорокин П.А.* Листки из русского дневника. Социология революции / Пер. с англ., сост., подг. текста, вступ. ст. и коммент. В.В. Сапова. Сыктывкар: Анбур, 2015. — 848 с. [Собрание сочинений, том 9 в плане-перспективе.] EDN: YWGTZW
Sorokin P.A. Listki iz russkogo dnevnika. Sotsiologiya revolyutsii. [Leaves from a Russian Diary. The Sociology of Revolution.] Transl. from Eng., comp., ed., foreword and comments by V.V. Sapov. Syktyvkar: Anbur publ., 2015. 848 p. (In Russ.)
11. *Сорокин П.А.* Некоторые новые книги по «философской» и «эмпирико-индуктивной» социологии: сводная рецензия // Социологические исследования. 2023. № 1. С. 130–136. DOI: 10.31857/S013216250021532-8. EDN: OIYPKI
Sorokin P.A. Some of the New Works in the Field of “Philosophical” and “Empirical-Inductive” Sociology: Consolidated Review = Einige der neuen Werke auf dem Gebiete der “philosophischen” und “empirisch-induktiven” Soziologie. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2023. No 1. P. 130–136. (In Russ.)
12. *Сорокин П.А.* Немножко о партиях и беспартийности, о невежестве и знании // Сорокин П.А. Ранние сочинения, 1910–1914 годы / Сост., вступ. ст. В.В. Сапова; Коммент. В.В. Сапова, С.Н. Казакова. СПб.: Мир, 2014. С. 560–563. [Собрание сочинений, том 1 в плане-перспективе.]
Sorokin P.A. A Little Bit about Parties and Non-partisanship, Ignorance and Knowledge. *Rannie sochineniya, 1910–1914 gody*. [Early Writings: 1910–1914.] Comp., foreword by V.V. Sapov; Comments by V.V. Sapov, S.N. Kazakov. St Petersburg: Mir publ., 2014. P. 560–563. (In Russ.)
13. *Сорокин П.А.* Общество, культура и личность: их структура и динамика. Система общей социологии / Пер. с англ. и вступ. ст. Н.Ф. Зюзева; Сост., коммент. и науч. ред. В.В. Сапова. Сыктывкар: Анбур, 2022. — 1048 с. [Собрание сочинений, том 21 в плане-перспективе.]
Sorokin P.A. Obshchestvo, kul'tura i lichnost': ikh struktura i dinamika. Sistema obshchei sotsiologii. [Society, Culture, and Personality: Their Structure and Dynamics, a System of General Sociology] Transl. from Eng. and foreword by N.F. Zyuzev; Comp., comments and ed. by V.V. Sapov. Syktyvkar: Anbur publ., 2022. 1048 p. (In Russ.)
14. *Сорокин П.А.* Прачечная человеческих душ: художественные произведения, 1907–1923 / Сост., подг. текста, вступ. ст. и коммент. В.В. Сапова, М.В. Ломоносовой. Сыктывкар: Анбур, 2017. — 509 с. [Собрание сочинений, том 8 в плане-перспективе.] EDN: YRNOHD

Sorokin P.A. *Prachechnaya chelovecheskikh dush: khudozhestvennye proizvedeniya, 1907–1923*. [The Laundry of Human Souls: Works of Fiction, 1907–1923.] Comp., ed. foreword and comments by V.V. Sapov, M.V. Lomonosova. Syktyvkar: Anbur publ., 2017. 509 p. (In Russ.)

15. Сорокин П.А. Преступление и кара, подвиг и награда: социологический этюд об основных формах общественного поведения и морали / Вступ. ст., сост. и прим. В.В. Сапова. М.: Астрель, 2006. С. 3–38.

Sorokin P.A. *Prestuplenie i kara, podvig i nagrada: sotsiologicheskii etyud ob osnovnykh formakh obshchestvennogo povedeniya i morali*. [Crime and Punishment, Feat and Reward: A Sociological Study of the Main Forms of Social Behavior and Morality]. Foreword, comp. and notes by V.V. Sapov. Moscow: Astrel' publ., 2006. P. 3–38. (In Russ.)

16. Сорокин П.А. Популярные очерки социальной педагогики и политики // Сорокин П.А. Популярные очерки теории права, социологии и социальной педагогики / Сост., подг. текста, вступ. ст. и коммент. В.В. Сапова. Сыктывкар: Анбур, 2019. С. 405–532. [Собрания сочинений, том 6 в плане-проспекте.]

Sorokin P.A. Popular Essays on Social Pedagogy and Policy. *Populyarnye ocherki teorii prava, sotsiologii i sotsial'noi pedagogiki*. [Popular Essays on the Theory of Law, Sociology and Social Pedagogy.] Comp., ed., foreword and comments by V.V. Sapov. Syktyvkar: Anbur publ., 2019. P. 405–532. (In Russ.)

17. Сорокин П.А. Популярные очерки теории права, социологии и социальной педагогики / Сост., подг. текста, вступ. ст. и коммент. В.В. Сапова. Сыктывкар: Анбур, 2019. — 591 с. [Собрание сочинений, том 6 в плане-проспекте.] EDN: ZGHLTG

Sorokin P.A. *Populyarnye ocherki teorii prava, sotsiologii i sotsial'noi pedagogiki*. [Popular Essays on Legal Theory, Sociology and Social Pedagogy.] Comp., ed., foreword and comments by V.V. Sapov. Syktyvkar: Anbur publ., 2019. 591 p. (In Russ.)

18. Сорокин П.А. Система социологии: (том I–II) / Сост., подг. текста, вступ. ст. и коммент. В.В. Сапова. Сыктывкар: Анбур, 2021. — 996 с. [Собрания сочинений, том 5 в плане-проспекте.]

Sorokin P.A. *Sistema sotsiologii: (tom I–II)*. [The System of Sociology: (Vol. I–II).] Comp., ed., foreword and comments by V.V. Sapov. Syktyvkar: Anbur publ., 2021. 996 p. (In Russ.)

19. Сорокин П.А. Современные социологические теории (включая первую четверть XX столетия) / Пер. и сост. А.К. Конюхова, В.В. Сапова; Вступ. ст. и коммент. В.В. Сапова. Сыктывкар: Анбур, 2020. — 910 с. [Собрание сочинений, том 2 в плане-проспекте.] EDN: DFMPXF

Sorokin P.A. *Sovremennye sotsiologicheskie teorii (vkluychaya pervuyu chetvert' XX stoletiya)*. [Contemporary Sociological Theories (Including the First Quarter of the 20th Century.)] Transl. from Eng. by A.K. Konjuhov, V.V. Sapov; Foreword and comments by V.V. Sapov. Syktyvkar: Anbur publ., 2020. 910 p. (In Russ.)

20. *Сорокин П.А.* Социальная и культурная динамика / Пер. с англ., вступ. ст. и коммент. В.В. Сапова. М.: Академический проект, 2020. — 964 с.
Sorokin P.A. Social and Cultural Mobility. [Russ. ed.: *Sotsial'naya i kul'turnaya dinamika*. Transl. from Eng., foreword and comments by V.V. Sapov. Moscow: Akademicheskii proekt publ., 2020. 964 p.]
21. *Сорокин П.А.* Социологические теории сегодня / Пер., сост., подгот. текста, вступ. ст. и коммент. В.В. Сапова. Сыктывкар: Анбур, 2023. — 720 с. [Собрание сочинений, том 27 в плане-проспекте.]
Sorokin P.A. *Sotsiologicheskie teorii segodnya*. [Sociological Theories of Today.] Transl. from Eng., comp., ed., foreword and comments by V.V. Sapov. Syktyvkar: Anbur publ., 2023. 720 p. (In Russ.)
22. *Сорокин П.А.* Сочинения, 1919–1923 / Сост., вступ. ст. и коммент. В.В. Сапова. Сыктывкар: Анбур, 2019. — 841 с. [Собрание сочинений, том 4 в плане-проспекте.]
Sorokin P.A. *Sochineniya, 1919–1923*. [Works, 1919–1923.] Comp., foreword and comments by V.V. Sapov. Syktyvkar: Anbur publ., 2019. 841 p. (In Russ.)
23. *Сорокин П.А.* Человек и общество в условиях бедствий / Пер. с англ., вступ. ст. и примеч. В.В. Сапова; отв. ред. А.И. Федоров. СПб.: Мирь, 2012. — 336 с. [Собрание сочинений, том 20 в плане-проспекте.] EDN: QOOIJ
Sorokin P.A. *Chelovek i obshchestvo v usloviyakh bedstvi*. [Man and Society in Calamity.] Transl. from Eng., foreword and notes by V.V. Sapov; Ed. by A.I. Fedorov. St Peterburg: Mir publ., 2012. 336 p. (In Russ.)
24. *Цызарев И.Ф.* О научных трудах П.А. Сорокина // Сорокин П.А. Система социологии: (том I–II) / Сост., подг. текста, вступ. ст. и коммент. В.В. Сапова. Сыктывкар: Анбур, 2021. С. 829–839. [Собрание сочинений, том 5 в плане-проспекте.]
Tsyzarev I.F. P.A. Sorokin's Scientific Works. *Sorokin P.A. Sistema sotsiologii: (tom I–II)*. [The System of Sociology: (Vol. I–II).] Comp., ed., foreword and comments by V.V. Sapov. Syktyvkar: Anbur publ., 2021. P. 829–839. (In Russ.)
25. *Sorokin P.* Essay on the Sociology of Knowledge. By Karl Mannheim, ed. by Paul Kecskemeti (The International Library of Sociology and Social Reconstruction). Ruttledge & Kegan Paul Ltd. London, 1952. 237 p.: Rezension. *Kyklos: internationale Zeitschrift fuer Sozialwissenschaften*. 1953. Nr. 4. P. 178–179.

Статья поступила в редакцию: 29.05.2024; поступила после рецензирования и доработки: 15.07.2024; принята к публикации: 19.07.2024.

Received: 29.05.2024; revised after review: 15.07.2024; accepted for publication: 19.07.2024.

DOI: 10.19181/socjour.2024.30.3.9

EDN: YPGANR

Е.Е. ТАРАНДО¹, Р.В. КАРАПЕТЯН¹, Т.Б. МАЛИНИНА¹

¹ Санкт-Петербургский государственный университет.

191124, Санкт-Петербург, ул. Смольного, д. 1/3.

СЕКЦИЯ ФАКУЛЬТЕТА СОЦИОЛОГИИ СПбГУ В РАМКАХ VIII САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО МЕЖДУНАРОДНОГО ФОРУМА ТРУДА (20–22 ФЕВРАЛЯ 2024 Г.) К 300-ЛЕТИЮ ОСНОВАНИЯ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Аннотация. Представлен аналитический обзор основных тематических докладов и дискуссии в рамках научной секции факультета социологии Санкт-Петербургского государственного университета на Международной научно-практической конференции «Человеческий капитал: образование, труд, занятость в современном обществе», проведенной в рамках VIII Санкт-Петербургского международного форума труда (20–22 февраля 2024 г.). Секция была приурочена к 300-летию основания СПбГУ. Авторы дают общую характеристику VIII Санкт-Петербургского международного форума труда. Проанализированы три основных доклада на секции, в которых представлены направления исследований трудовой сферы на факультете социологии СПбГУ. В рамках этих докладов были подняты проблемы формирования креативных компетенций у обучающихся, в частности аналитической компетенции, проблемы неформальной занятости, в том числе в отношении самозанятых, а также проблематика исследований трудовой сферы Китая.

Ключевые слова: Форум труда; факультет социологии СПбГУ; аналитическая компетенция; неформально самозанятые; государственная служба Китая; принудительный сверхурочный труд.

Для цитирования: Тарандо Е.Е., Карапетян Р.В., Малинина Т.Б. Секция факультета социологии СПбГУ в рамках VIII Санкт-Петербургского международного форума труда (20–22 февраля 2024 г.). К 300-летию основания Санкт-Петербургского государственного университета // Социологический журнал. 2024. Том 30. № 3. С. 182–191. DOI: 10.19181/socjour.2024.30.3.9 EDN: YPGANR

С 20 по 22 февраля 2024 г. при поддержке Министерства труда и социальной защиты России и Федеральной службы по труду и занятости прошел VIII Санкт-Петербургский международный форум труда — «Труд, занятость, человеческий капитал: новые сложности и решения». Организаторами форума выступили: Правительство Санкт-Петербурга, Санкт-Петербургский государственный университет, Межпарламентская Ассамблея государств — участников Содружества Независимых Государств. В дни мероприятия были задействованы три площадки: КВЦ «Экспофорум», Санкт-Петербургский государственный университет и Таврический дворец.

Форум труда является крупнейшей на Евразийском пространстве дискуссионной площадкой. Его цель — разработка и продвижение идей, задач, новых механизмов и инструментов государственной политики в области развития человеческого капитала, модернизации занятости и рынка труда. Площадка Форума обеспечила возможность обсуждения лучших практик и новых HR-технологий; обмена мнениями и определения стратегий воспроизводства сферы труда как основного источника развития человека и общества; анализа человеческого капитала как ключевого фактора роста современной экономики; выработки стратегии развития сферы занятости в условиях глобальной турбулентности.

Ключевыми темами Форума труда стали:

- Человеческий капитал как перспектива развития экономики и общества.
- Человек труда: традиционные ценности и новая реальность.
- Новые смыслы труда и занятости в алгоритмах развития человеческого потенциала.
- Кадровый голод и новые стратегии профессиональной самореализации в контексте санкционного давления.
- Диверсификация форм занятости и будущее профессионального образования.
- Трудовая миграция и регулирование миграционных процессов в условиях новой социально-экономической реальности.
- Рост производительности труда как альтернатива дефициту рабочей силы.
- Перспективы трансформации сферы труда: развитие «цифрового капитала» или технологическая безработица.
- Модернизация условий, охраны и безопасности труда как стратегия привлечения трудовых ресурсов.
- Драйверы профсоюзного движения и защиты прав работников в условиях неопределенности рынка труда.

В этом году Форум собрал более 7500 экспертов — представителей власти, науки и образования, служб занятости, профсоюзов, экспертного сообщества, общественных организаций и бизнес-объединений, государственных и муниципальных служащих, руководителей и собственников бизнеса, специалистов по управлению персоналом.

В рамках Форума состоялось 16 треков, включивших в себя более 140 различных мероприятий — секций, круглых столов, дискуссионных панелей. Одним из ключевых стал трек, посвященный 300-летию основания Санкт-Петербургского государственного университета. В его рамках ученые СПбГУ организовали ряд научных мероприятий, среди которых центральным стала Международная научно-практическая конференция «Человеческий капитал: образование, труд, занятость в современном обществе».

В конференции приняло участие порядка 600 представителей различных регионов РФ, ближнего и дальнего зарубежья, выступило 97 спикеров, было проведено 16 секций, круглых столов, форсайт-сессий. Ученые СПбГУ представляли различные обществоведческие и гуманитарные факультеты университета, а именно юридический, экономический, социологический, международных отношений, менеджмента, психологии, политологии. Разнообразие подходов и междисциплинарная проблематика социально-трудовой сферы были представлены в рамках таких мероприятий, как: круглый стол «Роль человеческого капитала в современном развитии отраслей нематериального производства: диалог науки и бизнеса»; конференц-мозаика «НЕпотерянное поколение. Ресурсы. Взгляд в будущее»; научная сессия «Трансформация управления человеческим капиталом в эпоху цифровизации»; форсайт-сессия «Повышение финансовой грамотности трудоспособного населения: стратегия и практика»; круглый стол «Инновационные формы организации труда»; круглый стол «Методологические ориентиры междисциплинарности безопасности и охраны труда»; круглый стол «Международные миграции и социальный капитал принимающего общества» и ряд других.

Социологические исследования сферы труда и занятости были представлены на научной секции «Человеческий капитал и социальное пространство труда: возможности и инновации», которая была организована факультетом социологии СПбГУ. Секцию посетило более 40 человек, представлявших Санкт-Петербургский государственный университет, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Институт социологии РАН, Российскую академию народного хозяйства и государственной службы, Московскую государственную юридическую академию им. О.Е. Кутафина, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Санкт-Петербургский университет МВД РФ, НИИ Гуманитарных наук при Правительстве РФ, Федерацию независимых профсоюзов. Секция включила пять тематических докладов и их обсуждение. Наибольший интерес вызвали три доклада, в кото-

рых были представлены актуальные исследования социально-трудовой сферы, проводимые на факультете социологии СПбГУ.

В настоящее время одним из важных направлений исследований сферы труда и занятости является формирование человеческого капитала в рамках системы обучения в университете. Постулируется, что просто сформировать компетенции у обучающегося сегодня недостаточно, необходимо также развить креативную составляющую человеческого капитала. Этой проблеме был посвящен первый доклад доцента кафедры социального управления и планирования СПбГУ, к. э. н. **Г.А. Меньшикова** на тему: «Аналитика как современная трудовая компетентность: подходы к определению».

Г.А. Меньшикова выделила три подхода, которые можно встретить в научной литературе. Во-первых, речь идет о представителях философии, которые рассматривают аналитику как атрибут сугубо научно-философских построений, относя ее к компетенции избранных, то есть академических ученых-философов. Во-вторых, о развитии аналитики применительно к трудовым функциям представителей сферы информационных технологий. Здесь аналитика является обязательной трудовой компетенцией, без которой невозможен ни процесс функционирования, ни процесс развития данной сферы. В-третьих, речь идет о понимании того, что значимость аналитики выходит далеко за пределы сугубо трудовых функций человека и распространяется на многие сферы его жизни, в том числе не связанные непосредственно со сферой занятости. Человек должен быть готов осмысливать окружающую его реальность, с тем чтобы взвешенно выстраивать свои поведенческие линии при взаимодействии с окружающей социальной и природной средой. Этот подход к пониманию аналитики является практикоориентированным, так как его последователи активно организуют различные школы, курсы, тренинги для развития у всех желающих аналитических способностей.

В целом Г.А. Меньшикова приходит к заключению, что аналитическая компетенция в современном обществе необходима не только в рамках выполнения трудовых обязанностей на рабочих местах, но и за пределами сферы занятости. Эта компетенция должна формироваться на этапе обучения. При этом необходимо решить вопрос, нужно ли начинать это формирование со школьной скамьи или же следует сделать его приоритетом именно профессионального образования. Также следует предусмотреть формирование аналитической компетенции в рамках компетентностно-ориентированных учебных планов, чтобы работники с профессиональным образованием были не только компетентными, но и креативными.

Наиболее дискуссионным стал вопрос о реализации в настоящее время в СПбГУ подхода по формированию креативности человеческого капитала у обучающихся в рамках компетентностно-ориентированных учебных планов. Собравшиеся пришли к выводу, что определенные элементы этого формирования имеются в учебном процессе,

но необходимо также внедрять методы формирования аналитической компетенции как одной из ключевых компетенций креативного отношения работника к производственному процессу.

Еще одним важным направлением исследований сферы труда и занятости на факультете социологии СПбГУ выступает проблематика неформальной занятости в различных ее аспектах. Это направление было представлено в докладе профессора кафедры экономической социологии Санкт-Петербургского государственного университета д. э. н. **Е.Е. Тарандо** на тему «Неформально самозанятые: социальный портрет и отношение к формализации (на примере Санкт-Петербурга)». Доклад посвящен анализу результатов эмпирического социологического исследования неформально самозанятых Санкт-Петербурга, которое было проведено в 2022–2023 гг. Всего было опрошено 36 человек в форме полуструктурированного интервью.

Неформальная занятость была представлена как сфера занятости, которая по каким-либо причинам находится вне государственного регулирования. При этом имеется понимание того, что государство не может всё регулировать досконально, поэтому и в сфере формальной занятости также могут присутствовать неформальные ниши, регулировать которые у него пока что не получается.

В пространстве неформальной занятости у основных игроков в лице работодателей и работников сочетаются разные интересы. Для первых неформальная занятость сопряжена с выгодами, поскольку они в этом случае освобождаются от необходимости уплаты взносов в социальные фонды и административных расходов по регистрированию формальной занятости. Для вторых неформальная занятость связана с издержками, поскольку они лишаются преимуществ социального обеспечения, которые сопрягаются с формальной занятостью, а также соблюдением их (работников) трудовых прав со стороны работодателя. Поэтому при прочих равных условиях для работников будет характерно стремление к формальной занятости, а для работодателей — к неформальной. Этот тезис очень важен для анализа поведения неформально самозанятых, так как эта категория совмещает в себе интересы как работодателя, так и работника в одном лице.

Неформальная занятость — крайне неоднозначное явление, но ее важной социальной функцией выступает компенсаторная, когда люди, которые по каким-либо причинам не могут трудоустроиться в формальном секторе, имеют возможность найти работу в неформальном, тем самым обеспечив себе средства к существованию. Одновременно значительные масштабы неформального сектора свидетельствуют о том, что в стране недостаточно развиты капиталистические отношения, потому что в социологии с ними связывается развитие формальности в сфере занятости.

Анализ структуры контингента респондентов показал, что неформально самозанятые концентрируются в большинстве случаев

в сфере услуг — это сферы красоты и здоровья, IT-технологий, общественного питания, образования, финансовая сфера и др. В структуре контингента самозанятых присутствуют представители самых разных возрастов и социальных групп — от студентов, для которых самозанятость — способ подработки после учебы, до возрастных работников производительного труда, для которых самозанятость — приоритетный способ занятости, а доход от нее является основным. Среди опрошенных примерно в равной степени присутствовали представители обоих полов, хотя в некоторых сферах самозанятые оказались преимущественно мужчинами (как, например, сфера компьютерных услуг) или женщинами (как, например, сфера красоты).

Анализ результатов проведенных интервью показал, что в настоящее время среди тех самозанятых, которые еще официально не оформили свою деятельность, имеют место выжидательные настроения относительно такого оформления. Многие неформально самозанятые не доверяют государству. Поскольку основным ожиданием от официального оформления своего статуса у этой категории граждан является достойная пенсия в старости, то многие сильно сомневаются в способности и добросовестности государства ее обеспечить в случае уплаты ими всех положенных отчислений. Крайне отрицательно к официальному оформлению относятся неформально самозанятые пожилые опрошенные. Многие из них были официально оформлены индивидуальными предпринимателями, осуществляли положенные им выплаты государству, но в итоге получили мизерные пенсии по достижении пенсионного возраста. Эта категория категорически против официального оформления. Поэтому те неформально самозанятые, которые не оформили свои отношения с государством, ожидают с его стороны дальнейших действий в отношении их статуса. А пока выгоды от неформального статуса перевешивают его недостатки.

Наиболее дискуссионным по данному докладу стал вопрос: что могло бы побудить неформально самозанятых в России официально оформить свой статус? Собравшиеся пришли к выводу, что таким стимулом мог бы стать ответ государства на запрос некоторых категорий неформально самозанятых на предоставление им права сертификации своих услуг. Этот интерес имеется прежде всего у тех неформально самозанятых, которые работают в сфере образования. Их потребность состоит в том, чтобы государство предоставило право выдавать сертификаты государственного образца ученикам, которые проходят у них обучение, и чтобы эти сертификаты принимались, например, работодателями и засчитывались ими как прохождение повышения квалификации. Проработав такой механизм представления права выдачи сертификатов, государство могло бы воздействовать на неформально самозанятых с последующей мотивацией официального оформления своего статуса.

Факультет социологии СПбГУ тесно сотрудничает с рядом ведущих китайских университетов, а также предоставляет образовательные услу-

ги достаточно большому количеству китайских студентов. Поэтому исследование социального пространства труда Китая — одно из ключевых направлений на факультете. В русле этого направления был представлен доклад профессора кафедры социального управления и планирования СПбГУ **М.В. Рубцовой** «Влияние древнекитайской философии на требования к развитию человеческого капитала государственной службы в работах Си Цзиньпина». В докладе было особо отмечено, что риторика китайского лидера очень сильно удивляет представителей западной культуры, которые воспринимают политику современного китайского государства как построение диктатуры, основанной на репрессивных методах управления. Например, Си Цзиньпин говорит, что главное чувство, которое должен испытывать китайский чиновник, — это страх. Представители западной цивилизации воспринимают этот тезис буквально. Однако в нем заложена метафора, которая восходит к древнекитайским учениям о том, как правильно осуществлять функции государственной службы. Речь в данном случае идет о страхе перед наказанием за недобросовестность при исполнении своих служебных обязанностей, а также за коррупционное поведение.

Современная риторика китайского лидера имеет глубокие корни в древнекитайских учениях, таких как конфуцианство и легизм. В последнем была разработана концепция страха в сердце чиновника, который должен удерживать его от нарушения закона при исполнении служебных обязанностей. Методы, принципы и механизмы государственного управления, к которым Запад приходит только сегодня, уже давно были разработаны и применены в Китае. То, что западные эксперты считают заимствованием у западных стран, на самом деле берется из древней китайской философии. Эта философия развивалась не по западному пути, где свободные мыслители-философы противопоставляли себя государству и критиковали его недостатки, а формировалась чиновниками — наиболее образованными людьми в китайском государстве. Их интеллектуальные усилия были направлены на поиск социальных технологий для улучшения работы государства, поддержания его силы и повышения эффективности.

Наиболее дискуссионным по данному докладу стал вопрос о применимости китайских методик формирования человеческого капитала государственных служащих на российской почве. Собравшиеся пришли к выводу, что китайские методики глубоко укоренены в культурных традициях Китая, однако ряд социальных практик, которые реализуются в Китае, было бы полезно перенять. Это, например, следующая практика повышения по службе китайских чиновников. Если какой-либо из чиновников понимает, что он мог бы работать на более высоком посту, он подает соответствующее заявление в кадровую структуру государственной службы. Последняя проводит проверку его деятельности, включая социологический опрос населения, получавшего через этого чиновника государственные услуги. Если проверка дает положительные

результаты, то чиновника включают в кадровый резерв для повышения и возникает очень большая вероятность его карьерного роста. Причем эта процедура была разработана еще в Древнем Китае в рамках философской школы легизма. В России функционирует институт кадрового резерва. Однако в Китае он работает для всех чиновников, включая и муниципальный уровень государственной власти. Для оптимизации функционирования российской государственной службы было бы полезно перенять принципы реализации такого механизма.

На обсуждение вне рамок дискуссии по тематическим докладам была вынесена проблема принудительного сверхурочного труда в Китае. Дискуссия по этой проблеме, с одной стороны, продолжила обсуждение китайской тематики на секции, с другой — затронула крайне злободневный аспект исследований в рамках социологии труда. Было отмечено, что такой тип труда очень распространен в Китае. Крупные компании щедро оплачивают такой труд в соответствии с китайским законодательством, поскольку имеют для этого ресурсы. При этом им выгоднее сверхэксплуатировать уже имеющийся штат работников, чем нанимать дополнительных сотрудников, что связано не только с зарплатными выгодами, но и с экономией на разного рода сопровождающих наем издержках, таких, например, как издержки на организацию рабочих пространств. Создаются условия, при которых у работников нет выбора — либо они работают в компании сверхурочно, либо вообще не работают там. Что касается средних и малых предприятий, то их руководство идет другим путем — установления повышенной нормы выработки, которую работник физически не успевает выполнить за стандартный рабочий день и оказывается вынужденным оставаться на сверхурочные. Такая ситуация поддерживается тем, что в Китае предложение рабочей силы весомо превышает спрос на нее, что порождает диктат работодателя. При этом принудительный сверхурочный труд воспроизводится посредством множества социальных механизмов, в том числе корпоративной культурой, куда встроены нормы поведения, транслирующие нормальность такого труда.

Собравшиеся заметили, что такая проблема трудовых отношений крайне актуальна и для России, причем как для крупных компаний, так и для средних и малых. У отечественных работодателей примерно такие же мотивы культивировать среди своих сотрудников этот вид труда. Однако в нашей стране данная проблема выглядит сложнее, чем в Китае, поскольку нет такого сильного давления предложения труда на спрос. Для нахождения компромисса между интересами работников и работодателей было высказано предложение разработать меры стимулирования труда свободным временем, которые призваны смягчить тяготы принудительного сверхурочного труда.

Резюмируя, можно заключить, что секция продолжила традиции исследования социально-трудовой сферы, заложенные в Санкт-Петербургском государственном университете. В настоящее время

социология труда развивается как проблемно-ориентированное знание, исследуя противоречия трудовой сферы, возникающие в связи с развитием рыночных отношений. В этом смысле секция факультета социологии актуализировала ставшие уже системными проблемы сферы труда. В то же время по-новому прозвучало обсуждение проблем корректировки границ пенсионного возраста; трудоустройства молодых специалистов; дефицита кадров по целому ряду специальностей; востребованности и развития цифровых компетенций.

Тематика секции оказалась интересной специалистам по труду и занятости, ученым, представителям государственной власти и бизнеса, а также учащимся вузов. Итогом заседания социологической секции «Человеческий капитал и социальное пространство труда: возможности и инновации» в рамках VIII Санкт-Петербургского международного форума труда стало формирование предметного поля дальнейших исследований и совместных научных проектов.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Елена Евгеньевна Тарандо — доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры экономической социологии, Санкт-Петербургский государственный университет. **Телефон:** +7 (812) 274-97-06. **Электронная почта:** e.tarando@spbu.ru

Рубен Варганович Карапетян — кандидат экономических наук, доцент кафедры экономической социологии, Санкт-Петербургский государственный университет. **Телефон:** +7 (952) 248-78-98. **Электронная почта:** r.karapetyan@spbu.ru

Татьяна Борисовна Малинина — доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры социального анализа и математических методов в социологии, Санкт-Петербургский государственный университет. **Телефон:** +7 (812) 274-97-06. **Электронная почта:** tatiana_malinina@mail.ru

Research Article

ELENA E. TARANDO¹, RUBEN V. KARAPETYAN¹, TATIANA B. MALININA¹

¹ Saint-Petersburg State University.

3/1, Kantemirovskaya str., 194100, Saint Petersburg, Russian Federation.

FACULTY OF SOCIOLOGY SCIENCE SESSION AT THE ST PETERSBURG STATE UNIVERSITY AS PART OF THE VIII ST PETERSBURG INTERNATIONAL LABOR FORUM (FEBRUARY 20–22, 2024)

COMMEMORATING THE 300TH ANNIVERSARY OF THE FOUNDING OF ST PETERSBURG STATE UNIVERSITY

Abstract. The article provides an analytical overview of the main thematic reports and discussions of the Faculty of Sociology scientific session at St. Petersburg State University held during the International Scientific and Practical Conference “Human Capital: Education, Labor, Employment in Modern Society”, which was part of the VIII St. Petersburg International Labor Forum (February 20–22, 2024), dedicated to the 300th

anniversary of the founding of St. Petersburg State University. The article presents three main reports given during that session, which presented the directions of labor research at the Faculty of Sociology of St. Petersburg State University. As part of these reports, the problems of developing creative competencies in students, in particular analytical competencies, problems of informal employment, particularly in relation to the self-employed, as well as issues associated with research into the labor sector of China were raised.

Keywords: Labor Forum; Faculty of Sociology of St. Petersburg State University; analytical competence; informally self-employed; Chinese civil service; forced overtime work.

For citation: Tarando, E.E., Karapetyan, R.V., Malinina, T.V. Faculty of Sociology Science Session at the St Petersburg State University as part of the VIII St Petersburg International Labor Forum (February 20–22, 2024) Commemorating the 300th Anniversary of the Founding of St Petersburg State University. *Sotsiologicheskii Zhurnal = Sociological Journal*. 2024. Vol. 30. No. 3. P. 182–191. DOI: 10.19181/socjour.2024.30.3.9

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Elena E. Tarando — Doctor of Economic Sciences, Associated Professor, Professor of Department of Economic Sociology, Saint-Petersburg State University. **Phone:** +7 (812) 274-97-06. **Email:** e.tarando@spbu.ru

Ruben V. Karapetyan — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Associate Professor, Department of Economic Sociology, Saint-Petersburg State University. **Phone:** +7 (952) 248-78-98. **Email:** r.karapetyan@spbu.ru

Tatiana B. Malinina — Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor, Professor of Department of Social Analysis and Mathematical Methods, in Sociology, Saint Petersburg State University. **Phone:** +7 (812) 274-97-06. **Email:** tatiana_malinina@mail.ru

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Бек У. Что такое глобализация? / Пер. с нем. А. Григорьева, В. Седельника; Общ. ред. и послесл. А. Филиппова. М.: Прогресс-Традиция, 2001. — 304 с. EDN: RAYTKT
Beck U. What is Globalization? [Russ. ed.: *Chto takoe globalizatsiya?* Transl. from Germ. by A. Grigor'ev, V. Sedel'nik; Ed. and afterword by A. Filippov. Moscow: Progress — Traditsiya publ., 2001. 304 p.]
2. Гришина Н.В. Психология конфликта. 2-е изд. СПб.: Питер, 2008. — 544 с.
Grishina N.V. *Psikhologiya konflikta*. [Psychology of Conflict.] 2nd ed. St Petersburg: Piter publ., 2008. 544 p. (In Russ.)
3. Дмитриев А.В. Конфликтология. Учебное пособие. М.: Гардарики, 2000. — 320 с.
Dmitriev A.V. *Konfliktologiya. Uchebnoe posobie*. [Conflictology. Tutorial.] Moscow: Gardariki publ., 2000. 320 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 30.05.2024; поступила после рецензирования и доработки: 14.06.2024; принята к публикации: 17.06.2024.

Received: 30.05.2024; revised after review: 14.06.2024; accepted for publication: 17.06.2024.

Социологический журнал

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
ПИ № ФС 77 - 72185 от 24.01.2018

Учредитель:

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Федеральный научно-исследовательский социологический центр
Российской академии наук (ФНИСЦ РАН)
Адрес: 117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, к. 5
Сайт: <https://www.fnisc.ru>. Телефон: 8 499 125-00-79

Главный редактор: П.М. Козырева

Научные редакторы: Л.А. Козлова, А.В. Савченко, Н.В. Андрианова
Оригинал-макет: И.М. Ситдинов

Журнал «Социологический журнал» включен
в базу РИНЦ, перечень ВАК – категория K1, индексируется
в международных базах данных Scopus, WoS RSCI, ERIH PLUS, ProQuest

Права на материалы, опубликованные «Социологическим журналом»,
принадлежат редакции и авторам. Публикации журнала не могут быть
воспроизведены в любой форме без письменного разрешения редакции.
Все права сохраняются.

Журнал открытого доступа. Доступ к контенту журнала бесплатный.
Плата за публикацию с авторов не взимается.

Контент доступен по лицензии

Creative Commons Attribution 4.0 License

<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/deed.ru>

Все выпуски журнала размещаются в открытом доступе с момента публикации

- на официальном сайте журнала: <https://www.journal-socjournal.ru>
- на сайте издателя: <https://www.fnisc.ru/Sociologicalmagazine.html>
- на сайте РИНЦ: https://elibrary.ru/title_about_new.asp?id=8228

Издатель:

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Федеральный научно-исследовательский социологический центр
Российской академии наук (ФНИСЦ РАН)
Адрес издателя и редакции: 117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, к. 5
Сайт издателя: <https://www.fnisc.ru>. Телефон издателя: 8 499 125-00-79
Электронная почта редакции: LarissaKozlova@yandex.ru
Телефон редакции: 8 499 120-82-57

2024. Том 30. № 3. Подписано к печати 27.09.2024.

Формат бумаги 70x100 1/16. Печать офсетная.

Подписной индекс в Объединенном каталоге «Пресса России» — 86306.

Усл. печ. л. 12. Тираж 150 экз. Цена: Бесплатно. Заказ:

ООО «Галлея-Принт»

Адрес: 111024, Москва, 5-я Кабельная, 2Б